

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

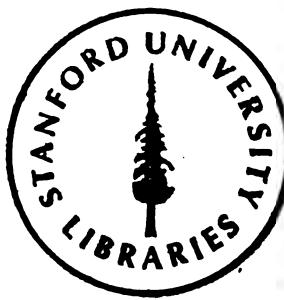
Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

рд. № ...
обозначенного здесь срока

ex
ANC

1
W30

58

дс
т

Tarle, E. V.

9/4/91

Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и новое время.

Изд. подъ ред. Н. И. Карцева и И. В. Луцицкаго.

Отп. IV чмт. Е. В. ТАРЛЕ

столб. 478/2

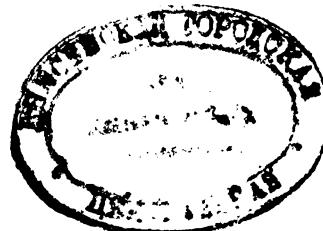

ІСТОРІЯ ІТАЛІИ

ВЪ НОВОЕ ВРЕМЯ.

gno

Издание Акц. Общ. „Брокгаузъ-Ефронъ“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ. Праческий пер., № 6.

1901.

DG 538

T 37

•ПРЕДИСЛОВІЕ.

Русская литература по всеобщей исторії особенно бѣдна общими пособіями, приговленными къ цѣлямъ самообразованія и къ потребности большой публики въ научныхъ, но въ то же время небольшихъ по объему и общедоступныхъ по изложению историческихъ книгахъ. Особенно мало у насъ общихъ трудовъ по исторіи отдельныхъ народовъ, равно какъ по исторіи отдельныхъ эпохъ или сторонъ жизни (культурной, политической, экономической и т. п.). Для устраненія этого важнаго недостатка многіе русскіе специалисты всеобщей исторіи, большею частью университетскіе профессора и приватъ-доценты, предприняли составленіе цѣлой коллекціи небольшихъ (отъ 10 до 12 листовъ) историческихъ книжекъ подъ общимъ заглавіемъ — „Исторія Европы въ средніе вѣка и новое время по эпохамъ и странамъ“. Всѣхъ книжекъ предположено около сорока, причемъ все изданіе будетъ дѣлиться на двѣ серіи — эпохъ и странъ. Каждой эпохѣ или странѣ предполагается посвятить по одной книжкѣ, за исключаніемъ главнѣйшихъ странъ (Англіи, Германіи, Италіи и Франціи), которыя потребуютъ по двѣ и даже по три книжкп. Отдельные выпуски этой коллекціи будутъ составлены учеными, болѣе специально занимавшимися тѣмъ или другимъ отдельномъ всеобщей исторіи, и всѣми ими будетъ принято во вниманіе, что ихъ читателями явятся вообще лица, получившія образованіе не ниже средняго, но вмѣстѣ съ тѣмъ желающія пополнить и расширить свои

знанія. Поэтому въ предполагаемыхъ книжкахъ на первый планъ будетъ выдвинута внутренняя, т. е. культурная и соціально-политическая исторія, и изъ изложенія будетъ устранино все, что можетъ имѣть интересъ только для специалистовъ. Общее веденіе изданія приняли на себя ниже подписаніе, участвовать же въ составленіи отдѣльныхъ книжекъ будуть: П. Н. Ардашевъ, Г. Е. Лєанасьевъ, В. П. Бузескуль, А. С. Вязгинъ, В. И. Герье, И. М. Гресь, А. К. Дживелеговъ, Н. И. Карбевъ, М. М. Ковалевскій, И. В. Лучицкій, Н. Н. Любовичъ, П. Г. Мижуевъ, П. Н. Милюковъ, Н. В. Молчановскій, В. А. Мякотинъ, Д. М. Петрушевскій, В. К. Пискорскій, С. О. Фортунатовъ, Е. В. Тарле, О. И. Успенскій и др.

Въ настоящее время уже изданы „Исторія крестовыхъ походовъ“ О. И. Успенскаго, „Паденіе античнаго міросозерцанія“ и „Главнѣйшіе моменты въ исторіи средневѣкового папства“ М. С. Корелина и „Исторія Италіи въ средніе вѣка“ Е. В. Тарле. Ближайшимъ выпускомъ, имѣющимъ выйти въ свѣтъ въ скоромъ времени, будетъ „Исторія Франціи въ XIX в.“ Н. И. Карбева.

H. Карбевъ.

И. Лучицкій.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТРАНИЦЫ.
Предисловіе	III
I. Италія въ XIV—XV вв.	1
II. Итазія въ XVI—XVII вв.	43
III. Италія съ конца XVII столѣтія до начала революціон- ныхъ и наполеоновскихъ войнъ	75
IV. Италія въ эпоху революціонныхъ нашествій и наполео- новскаго владычества	107
V. Италія отъ конца наполеоновскихъ войнъ до восшествія на папскій престоль Пія IX	135
VI. Италія отъ избранія Пія IX до окончательного своего объединенія	160

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Италия въ XIV—XV вв.

Четырнадцатое и пятнадцатое столѣтія въ Италии отмѣчены широкимъ развитіемъ того мѣстнаго начала, политического обособленія мелкихъ государственныхъ союзовъ, которое такъ сказывалось уже къ концу среднихъ вѣковъ. На фонѣ этой политической раздробленности Апеннинского полуострова ярко выступаютъ на первый планъ три характерныхъ историческихъ явленія: совершеннное паденіе церковно-государственного авторитета папъ, большое коммерческое развитіе сѣверо-итальянской жизни, особенно оттѣняемое глубокимъ экономическимъ паденіемъ остальныхъ частей полуострова, и, наконецъ, то культурное движение, которое получило въ исторіи нѣсколько узкое название— „возрожденіе наукъ и искусствъ“. Самый бѣглый очеркъ политического состоянія полуострова можетъ, до извѣстной степени, уяснить внѣшнія рамки, въ которыхъ развивались три отмѣченныя явленія культурно-экономической жизни итальянского народа въ XIV—XV вв.

I.

Черезъ 50—60 лѣтъ послѣ смерти Фридриха II Гогенштауфена, казни Конрадина и воцаренія на престолѣ Обѣихъ Сицилій Карла Анжуйскаго императорская власть исчезла изъ политической жизни полуострова, и населеніе Ломбардіи, Тосканы, Романы было предоставлено самому себѣ: отъ соотношенія соціальныхъ силъ, отъ могущества однихъ и слабости другихъ общественныхъ слоевъ должно было отнынѣ зависѣть политическое устройство важнѣйшихъ итальянскихъ центровъ, и никакая посторонняя власть въ теченіе почти двухъ столѣтій не вмѣшивалась въ жизнь большинства итальянскихъ государствъ.

Въ сущности къ началу XIV-го столѣтія крупные феодалы въ качествѣ особой политической группы уже не существовали въ Италии, и ни разу въ теченіе междоусобицъ XIV—XV вв. они не выступаютъ со своими специальными классовыми требованіями. Но потерявши надежду побороть стремленіе городовъ къ самостоятельности и къ власти надъ всѣми прилегающими къ городу территоріями, феодалы, вѣрно, потомки ихъ, богатые сѣверо-итальянскіе помѣщики XIV—XV вв., вовсе не отчаялись въ надеждѣ захватить въ свои руки вліяніе надъ городомъ, принимая ближайшее участіе въ его политической и общественной жизни. При исчезновеніи императорской власти, при удаленіи папы въ Авиньонъ, города сѣверной Италии, Ломбардіи и Тосканы были предоставлены самимъ себѣ; ихъ междоусобія, политическое и военное соперничество привели очень скоро къ тому, что начальники отдѣльныхъ военныхъ отрядовъ,— иногда богатые помѣщики, иногда счастливые проходимцы,— захватили почти во всѣхъ главныхъ центрахъ Тосканы и Ломбардіи въ свои руки власть, и, къ тому же, вполнѣ неограниченную. Богатые купеческие круги городовъ ничего не имѣли противъ возникновенія этихъ деспотій, охранявшихъ внутреннее спокойствіе и внѣшній престижъ, столь нужные для коммерческаго процвѣтанія города; эпігоны феодальной знати также находили болѣе для себя удобнымъ и выгоднымъ пристраиваться въ качествѣ придворныхъ, временщиковъ, совѣтниковъ при новыхъ властителяхъ; наконецъ, *proprio minuto*, болѣе бѣдный классъ, уже потому поддерживалъ деспотовъ, что алчная и своекорыстная политика городскихъ самоуправленій, сплошь заполненныхъ лишь богачами, пріучила его смотрѣть на цезаризмъ, какъ на принципъ равенства между богатыми и бѣдными, какъ на идеальную почти форму правленія. Эти обстоятельства и объясняютъ, почему богатая буржуазія такъ легко примирилась съ установленіемъ деспотизма и почему остальное народо-населеніе ему не противилось. Деспотіи въ XIV—XV вв. вслѣдствіе указанныхъ условій отличались необыкновенно устойчивостью,— и кромѣ дворцовыхъ и, вообще, чисто династическихъ убийствъ и революцій, никакихъ другихъ политическихъ движений въ эти вѣка почти нигдѣ въ Италии отмѣтить нельзя. Съ конца XIII столѣтія

въ Тосканѣ городъ Флоренція, а въ Ломбардіи городъ Миланъ образовали гвельфскія лиги городовъ, имѣвшія цѣлью препятствовать всяkimъ попыткамъ возстановленія императорской власти въ Италии. Верона, Пьяченца и Мантуя, напротивъ, поддерживали гибеллинскія начала. Въ Миланѣ утвердился на правахъ „капитана“, т. е. военачальника *de jure* и государя *de facto*, Маттео Висконти, являющійся прототипомъ этихъ полуразбойниковъ-полусолдатъ, которые двѣsti лѣtъ слишкомъ сохраняли самодержавную власть во всѣхъ главныхъ итальянскихъ центрахъ (кромѣ Венеции). Хитрый, алчный, жестокій, разсудительный, талантливый дипломатъ, неутомимый полководецъ, скарденый хозяинъ, Маттео Висконти больше двадцати лѣтъ (впрочемъ, съ перерывами) управлялъ Миланомъ при полной покорности населенія, то заключая союзъ съ германскимъ императоромъ, то расторгая его, ведя войны, заключая договоры, и руководствуясь исключительно соображеніями династической выгода, совпадавшей, впрочемъ, въ важнѣйшихъ пунктахъ съ выгодами миланской республики. Характерно, что всѣ потомки Маттео такъ же, какъ члены другихъ династій—дель-Торре, Сфорца, были еще хуже и гнуснѣе его по своимъ моральнымъ качествамъ и, тѣмъ не менѣе, всѣ они довольно крѣпко держались на престолѣ и сошли со сцены, не возбудивъ къ себѣ ни отвращенія, ни народной вражды. Напримѣръ, одинъ изъ нихъ герцогъ Джіанъ-Марія Висконти, держалъ при себѣ огромныхъ псовъ, которымъ и отдавалъ людей на растерзаніе; ихъ даже кормили только человѣческимъ мясомъ, чтобы развить въ нихъ особую свирѣпость. Убийства, пытки, произвольные конфискаціи, кровосмѣщеніе — все это наполняетъ страницы не только миланскихъ лѣтописей, но и флорентійскихъ, генуэзскихъ и т. д. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что во Флоренціи единодержавіе упрочилось не такъ рано и не сразу принялъ такія рѣзкія, угловатыя формы, какъ въ Миланѣ. Въ 1292 году послѣ цѣлаго рода смутъ и раздоровъ во Флоренціи утвердился довольно демократической рѣжимъ. Административная власть находилась въ рукахъ синьорій, состоявшей изъ шести избиравшихся пріоровъ, непремѣнно принадлежавшихъ къ старѣйшимъ городскимъ родамъ. Хранителемъ конституціи являлся гонфalonьеръ, неограниченный повелитель ты-

1*

сячи вооруженныхъ солдатъ: гонфalonьеरъ обязанъ былъ приводить въ исполненіе всѣ рѣшенія суда или пріоровъ, если подсудимый или отвѣтчикъ, пользуясь своимъ могуществомъ, не покоряются приговору добровольно. Конечно, институтъ гонфalonьеरовъ былъ всецѣло направленъ противъ феодальной знати, столь еще многочисленной въ тѣ времена въ Тосканѣ и всей Верхней Италии. Новая конституція держалась довольно долго, можетъ быть, благодаря чрезвычайно удачной внешней политикѣ синьоріи. Пиза, Лукка, Сіена и, въ сущности, вся Тоскана въ началѣ XIV столѣтія были совершенно во власти Флоренціи, и эта республика (съ союзниками) могла выставить по позднѣйшему, но достовѣрному показанію Маккіавелли, около ста тысячъ вооруженныхъ солдатъ. Съ XIV столѣтія гонфalonьеरъ сдѣлался прелѣдователемъ въ синьоріи, а синьорія постепенно стала включать не шесть уже, а тридцать шесть гражданъ, избиравшихся изъ среды четырехсотъ старинныхъ фамилій города. Втеченіе XIV вѣка административная власть переходила изъ рукъ „знати“ (*nobilità*) въ руки крупнаго купечества (*„arte majori“*), и изъ рукъ *arte majori* въ руки мелко-торгового и ремесленного населенія (*arte minori*), — иногда подолгу оставаясь именно въ рукахъ *arte minori*; съ конца XIV столѣтія *„arte majori“* получаютъ полное преобладаніе, а съ начала XV вѣка банкирскій домъ Медичи безъ особыхъ усилий и трудностей захватываетъ въ синьоріи такое преобладаніе, что становится почти полновластнымъ повелителемъ флорентійской республики. Въ 20-хъ гг. XV-го столѣтія Джіованни Медичи уже игралъ чрезвычайно крупную роль въ государственной жизни Флоренціи, благодаря колоссальному богатству и, вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣчательнымъ умственнымъ способностямъ, а прежде всего, конечно, благодаря вышеуказаннымъ условіямъ, благопріятствовавшимъ утвержденію въ городахъ Тосканы и Ломбардіи монархизма, либо не замаскированного, какъ въ Миланѣ, либо нѣсколько болѣе мягкаго и узаконеннаго, какъ во Флоренціи. Уже Джіованни, сынъ умершаго въ 1429 г. Козимо Медичи, сдѣлался въполномъ смыслѣ слова владыкою Флоренціи. Онъ сталъ во главѣ демократіи, мелкихъ купцовъ, ремесленниковъ и т. д.; примкнули къ нему и весьма многіе изъ *arte*

majori, зависѣвшіе отъ него въ коммерческомъ, денежномъ отношеній.

Весьма любопытно, къ какимъ ухищреніямъ прибѣгали въ эти столѣтія знатные люди, лишь-бы только войти въ составъ городскаго населенія: помѣщики, жившіе за предѣлами города (особенно, вблизи отъ Флоренція) записывались даже въ *arte minori*, въ ремесленники, только чтобы пользоваться правами городского сословія; мало того, за извѣстныя преступленія этимъ грандамъ, записавшимся въ ремесленники, грозило исключеніе изъ ремесленнаго, сословія и „возвращеніе въ аристократію“, а возвратиться въ аристократію, выйти изъ числа горожанъ—значило умереть политическою смертью. Но и въ средѣ городского сословія Флоренціи болѣе яростно, нежели гдѣ-либо, кипѣла борьба между *popolo grasso*—крупной буржуазіей и *popolo minuto*—буржуазіей мелкой. Одинъ изъ выдающихся историковъ-публицистовъ, писавшихъ объ Италії, справедливо считаетъ весьма характерными для межлукассовыхъ отношеній тогдашней Италії, слѣдующія слова представителя *popolo grasso*—Феррета Вицентина: „зачѣмъ обращать вниманіе на мнѣнія и лай этой толпы (*popolo minuto*)? Что можетъ быть общаго между этой толпою и справедливостью? Хорошо ли съ ея стороны считать себя за извѣстную величину, при такомъ глубокомъ своемъ невѣжествѣ? Пусть мелкіе торговцы продаются и покупаются свои грязные товары! Пусть кузнецы бьются по наковальнямъ! Пусть люди, предающіеся черной работѣ, получаютъ свою жалкую плату! Никто не мѣшаетъ имъ заниматься трудомъ, для котораго они созданы. Но безуміемъ было бы спрашивать совѣта у людей, ничему не учившихся. Когда нужна мудрость и осторожность,—пусть люди толпы не смѣшиваются съ серьезными дѣятелями! Пусть они не спорятъ о томъ, чего не могутъ понять! Пусть они предоставятъ образованнымъ классамъ заключать миръ, объявлять войну, управлять государствомъ“. Богатая буржуазія постепенно впитывала въ себя аристократичeskія тенденціи, растворяя въ себѣ старую аристократію. Но демократія, мелкая буржуазія, десятильтіями борясь съ крупною и съ ея олигархическими пополненіями, успѣла въ 1427 году добиться чрезвычайно справедливаго и равно-

мѣрнаго подоходнаго налога на всѣхъ безъ исключенія флорентійскихъ гражданъ, и никакія попытки страдавшей отъ налога группы капиталистовъ не были въ состояніи уничтожить этотъ налогъ ($\frac{1}{2}\%$ съ капитала). Они пробовали опереться на семью Медичи, но Медичи не поддержали этихъ домогательствъ, и такое поводѣніе необычайно упрочило ихъ власть: popolo grasso стала смотрѣть на нихъ все же какъ на извѣстную гарантію противъ слишкомъ быстрой и необузданной демократизаціи государственного строя, а popolo minuto — какъ на благожелательныхъ народолюбцевъ. Такъ или иначе, бурныя времена XIV вѣка, когда борьба между классами нерѣдко выходила на улицу и проявлялась въ самыхъ насильственныхъ поступкахъ, уже не повторялись. Къ тому же Медичи не скучились на пожертвованія и подачки въ пользу простого народа, и Лаврентій Великолѣпный, позднѣйшій и самый яркій представитель династіи, былъ того мнѣнія, что „нѣть лучшаго способа тратить деньги“. Денежное хозяйство во Флоренціи XIV — XV вв. обусловливалось широко развитыми торговыми отношеніями, и, въ свою очередь, оно влекло вздорожаніе предметовъ первой необходимости и пониженіе покупательной силы денегъ; вотъ почему колоссальный богатства семьи Медичи, можно сказать, были единственными въ Италии, и вѣдь предѣловъ Флоренціи всюду, гдѣ деньги были еще въ рѣдкость, производили почти суевѣрное впечатлѣніе. Владычество Медичи (особенно вначалѣ) было несравненно мягче, чѣмъ господство Висконти, а потомъ Сфорца, въ Миланѣ и прочихъ династовъ въ болѣе мелкихъ ломбардскихъ и тосканскихъ городахъ. Лучшій историкъ эпохи Возрожденія — Бургвардтъ — говоритъ: „было бы несправедливо сравнивать немногія еще существовавшія республики Италии съ единственную въ своемъ родѣ Флоренцію, которая была самою важною мастерской для образованія государственного духа и строя не только Италии, но и Европы“. Въ самомъ дѣлѣ: что сказать о Сіенѣ, о Генуѣ, даже о Венеції? Внутренняя исторія ихъ полна мелкихъ усобицами, (въ Венеціи, впрочемъ, болѣе рѣдкими), постоянными столкновеніями съ соседями, ничтожными спорами изъ-за границы выгоновъ, изъ-за правъ на рѣчку, на рыбную ловлю и пр. (Объ исторіи вѣнчанихъ сношеній, грандиозно развившихся у Венеціи, — мы пока не говоримъ).

II.

Удивительно выродились втчение XIV и XV вв. двѣ крупные принципиальные партии предшествующихъ столѣтій: гвельфы и гибеллины. Та разнообразная и мелкая, хотя и очень ожесточенная и постоянная борьба, которая кипѣла въ ломбардскихъ и тосканскихъ городахъ, въ Неаполѣ и Римѣ въ тчение XIV столѣтія, только по названию была борьбою гвельфовъ и гибеллиновъ; на самомъ дѣлѣ она сводилась почти исключительно къ соперничеству отдѣльныхъ городовъ, городскихъ партий, частныхъ богатыхъ фамилій и т. п., причемъ это соперничество обусловливалось, узко-эгоистическими мотивами. Но, можетъ быть, именно благодаря отсутствію прежнихъ вѣчныхъ папско-императорскихъ столкновеній, благодаря большей обеспеченности Ломбардіи и Тосканы отъ императорскихъ вторженій,—всѣ эти мелкія сосѣдскія войны ничуть не вредили тому безспорному процвѣтанію, которое въ тчение названныхъ двухъ столѣтій составляло удѣлъ сѣверной и средней Италии. Раздавшійся во Франціи пятьсотъ лѣтъ спустя девизъ „обогащайтесь!“ сталъ и для итальянской буржуазіи XIV—XV вв. магическимъ словомъ, которое заставило ее, только что отвоевавши себѣ полную независимость отъ папъ и императоровъ, безъ всякихъ сожалѣній, безъ всякой борьбы и протестовъ, отдать свои политическія права, свое городское самоуправленіе и республиканскія учрежденія въ руки вышедшімъ изъ ея же среды мелкимъ династамъ и деспотамъ. Ничто такъ наглядно, какъ фактическая исторія XIV—XV вв., не показываетъ, что ожесточенная борьба съ Барбароссой и императорами въ XII—XIII вв., борьба, которую не могутъ достаточно высокопарно возславить средневѣковые итальянскіе лѣтописцы, обусловливала вовсе не свободолюбіемъ горожанъ, не принципіальной ненавистью къ подчиненію, а, просто, сознаніемъ всей экономической невыгодности зависимаго положенія по отношенію къ имперіи, страхомъ большихъ налоговъ, военныхъ постоевъ, нев

ности веденія самостоятельной торговой заграничной политики; къ тому же обостряющимъ и раздражающимъ элементомъ тутъ являлся расовый темпераментъ, нелюбовь и брезгливость къ грубымъ, неопрятнымъ, пьянымъ „*tedeschis*“, къ вороватымъ немецкимъ полчищамъ. Что же касается до основателей и продолжателей городскихъ династий XIV—XV вв., до всѣхъ этихъ Висконти, дельль-Торре, Сфорца, Медичи, то ихъ власть, гарантируя въ той или иной степени внутренній междуклассовый миръ, въ то же время во всѣхъ мѣропріятіяхъ вѣшней политики, дѣлала, и нерѣлко съ большей выдержаній и большимъ успѣхомъ, то, что дѣлала предъ нею самоуправляющаяся община. Коммерческие интересы, ихъ охраненіе и развитіе—вотъ что было альфою и омегою политической мудрости ломбардскихъ и тосканскихъ городовъ и въ XI вѣкѣ, когда они зарождались и росли, и въ XII—XIII, когда они боролись съ имперіею, и въ XIV—XV, когда они добровольно подчинились вышедшемъ изъ ихъ среды—„принципамъ“.

Въ эти столѣтія полнаго (и безнадежнаго, потому что оно было добровольнымъ) лишенія политической свободы, города средней и верхней Италии и, прежде другихъ, Миланъ и Флоренція достигли положенія наиболѣе богатыхъ и наиболѣе культурныхъ городовъ земного шара. Промышленность преобладала въ Миланѣ и, вообще, внутреннихъ, континентальныхъ мѣстахъ,—заморская торговля въ Венеціи, Генуѣ и приморскихъ пунктахъ. Уже къ концу XIII вѣка въ Миланѣ насчитывалось 13 тысячъ домовъ, пятьсотъ буточныхъ и около двухсотъ тысячъ жителей. Городъ наполненъ былъ суконными фабриками, сѣдельными мастерскими, оружейными заводами, ювелирными магазинами. Во Флоренціи жителей было около ста тысячъ, изъ которыхъ около тридцати тысячъ человѣкъ занималось выѣлкою шерстяныхъ и суконныхъ издѣлій; территорія, окружавшая Флоренцію и принадлежавшая ей, заключала въ своихъ предѣлахъ около девяноста тысячъ человѣкъ. Верона, Пиза, Сиenna, Брешчія не могли похвалиться такою населенностью и промышленнымъ развитіемъ, но все же значительно превосходили въ этомъ отношеніи громадное большинство тогдашнихъ европейскихъ городовъ. Естественные богатства долины рѣкъ По и Арно эксплуати-

ровались съ замѣчательнымъ искусствомъ; широко развитая притяжіонная система превратила уже въ началѣ XV столѣтія Ломбардію и Тоскану въ прѣвѣтшій садъ. Виноградники, фиговые и оливковые деревья получали такой уходъ, что плоды эти славились далеко за предѣлами Италии и считались образчиками фруктоваго хозяйства. И въ Тосканѣ, и въ Ломбардіи мы видимъ въ XIV — XV вв. широчайшее развитіе половничества и разнообразныхъ системъ дѣлежа помѣщиковъ и арендаторовъ произведеніями почвы. Крѣпостной трудъ исчезаетъ совершенно; рабство (т. е. торговля рабами восточного и русскаго происхожденія) продолжается, но рабы исполняютъ больше функций комнатной прислуги, нежели сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Вилланы и другіе лѣтописцы этой эпохи усиленно подчеркиваютъ связь между широко развитою системою канализациіи и констатируемымъ ими процвѣтаніемъ земледѣлія въ Тосканѣ и Ломбардіи.

Но все же земледѣліе и промышленность континентальныхъ городовъ не такъ быстро развивали денежное хозяйство, какъ заморская торговля прибрежныхъ центровъ, вродѣ Венеціи. Венеція за XIV—XV вв. достигла апогея своего торгового развитія. Она въ торговой жизни европейскаго міра занимала тогда такое же мѣсто, какое въ первыя двѣ трети XIX вѣка занималъ Лондонъ: мѣсто неоспоримаго центра, всѣ біенія пульса котораго передаются и ощущаются на самой отдаленной периферіи. Владычество надъ морями было обезпечено пораженіемъ Генуи и постепеннымъ, но безпрерывнымъ паденіемъ этого города, вытѣсняемаго чуть-ли не изъ всѣхъ портовъ востока (къ концу XV столѣтія). Венеція обладала 350-ю военныхъ судовъ различнаго наименованія и 600—700 кораблей коммерческаго флота; лицъ, занятыхъ мореплаваніемъ, насчитывалось въ ней отъ тридцати до сорока тысячъ человѣкъ. Венеціанскіе корабли посѣщали Константинополь, Дамаскъ, Яффу, Александрію, Берберію, и всюду венеціанскіе купцы заводили факторіи, конторы, общіе склады. Они (вмѣсть съ генуэзцами) снабжали всю Европу восточными товарами: пряностями, шедшими изъ Индіи (черезъ Аравію), рѣдкими по качеству шелковыми матеріями изъ той же Индіи и Китая, перьями тропическихъ птицъ изъ глуб-

бины Африки, сахарнымъ пескомъ изъ Сиріи и Малой Азіи. Денежное хозяйство при столь широко развитомъ торговомъ обмѣнѣ начало сказываться довольно рѣшительными признаками. Уже съ конца XII вѣка въ Венеції появились въ широкомъ распространеніи векселя, заемные письма, чеки; уже работалъ государственный банкъ (Monti, съ 1156 года), и вскорѣ—съ XIV вѣка—въ Миланѣ, Луккѣ, Флоренціи также появились банки и банкирскія конторы всевозможныхъ наименованій. Банковое дѣлоширилось и росло параллельно съ ростомъ торговли и индустріи, и, съ своей стороны, притягивало не мало драгоценныхъ металловъ изъ остальной Европы. Тому же содѣйствовала развитая, какъ нигдѣ, торговля драгоценными камнями, обогащавшая сотни ювелировъ Ломбардіи и Тосканы.

III.

Поглощенный этимъ быстрымъ темпомъ торжествомъ промышленной жизни и коммерческимъ соперничествомъ, всегда обостряющимся при ростѣ денежного хозяйства, крупныя буржуазіи ломбардскихъ и тосканскихъ городовъ для болѣе успешной конкуренціи между собою и для обеспеченности отъ классовыхъ революцій со стороны popolo minuto, поддерживали уже упомянутыхъ династовъ, уничтожившихъ гдѣ de juro, гдѣ de facto прежнюю коммунальную свободу, прежнее самоуправление и захватившихъ всю власть въ свои руки. Висконти, династы, выдвинувшіеся въ XIV вѣкѣ въ Миланѣ, обнаружили вскорѣ необыкновенную предпримчивость. Они постоянно вели съ окрестными городами мелкія и крупныя войны, но все съ одной и той же узко-пріобрѣтательскою цѣлью: они и не мечтали объ объединеніи если не всей Италіи, то хоть Ломбардіи и Тосканы подъ главенствомъ Милана. Все, чего они добывались, это контрибуціи, оторванія куска территории и т. п. И каждая изъ этихъ полувоенныхъ, полуразбойничихъ экспедицій утверждала ихъ власть въ Миланѣ. всякая тѣнь какихъ бы то ни было принципіальныхъ (хотя бы гвелло гибеллинскихъ) дѣлений исчезаетъ въ Ломбардіи и Тосканѣ; мелкая, безпрерывная,

открытая и тайная интрига каждого города противъ всѣхъ остальныхъ изъ-за коммерческихъ разсчетовъ, соревнованія и зависти дѣластъ вѣтшую исторію Средней и Сѣверной Италіи въ разбираемую эпоху чрезвычайно монотонною. Къ концу XIV и началу XV вѣка Джіанъ-Галеаццо Висконти успѣль было сдѣлать Миланъ дѣйствительно самымъ могущественнымъ городомъ на Апеннинскомъ полуостровѣ, подчинивши Лукку, Сиену, Пизу, Болонью и рядъ другихъ болѣе мелкихъ городовъ. Но такія завоеванія въ Италіи XIV—XV вв. бывали, обыкновенно, вполнѣ эфемерными и распадались весьма скоро; такъ случилось и съ этою „миланскою имперією“ по смерти Джіанъ-Галеаццо.

Вѣчныя (хотя бы и мелкія) войны между городами, постоянные интриги и ссоры династовъ отдѣльныхъ городовъ создали любопытный классъ людей въ тогдашней Италіи, такъ называемыхъ кондотьеровъ. Кондотьеры были начальниками своеобразныхъ армій, иногда довольно значительныхъ, состоявшихъ изъ всякаго наемнаго сброда, гдѣ всѣ европейскія національности имѣли своихъ представителей. Эти военные отряды промышляли войною, какъ постояннымъ ремесломъ,—и, дѣйствительно, въ приглашеніяхъ и заказахъ недостатка не ощущали. Ихъ услуги избавляли торговое, промышленное и агрокультурное населеніе Ломбардіи, Тосканы и неаполитанского королевства отъ опасностей и тяготы военной службы, и особенно удачливые кондотьеры цѣнились необыкновенно высоко. Кондотьерами пользовались и Висконти, и Медичи, и Венеция; бывали моменты, когда кондотьеры являлись совершенно самостоятельною силою, когда они совершали набѣги на города и деревни по собственному почину, грабили цѣлыхъ террitoriі, уводили въ качествѣ заложниковъ жителей и т. д. Судьба одного изъ нихъ особенно любопытна, хотя не вполнѣ типична, ибо ему и его потомкамъ слишкомъ ужъ везло. Кондотьеръ Сфорца началъ свою карьеру въ Римѣ, гдѣ въ первые годы XV столѣтія его отрядъ занималъ нѣкоторое среднее положеніе—не то вражескаго гарнизона, державшагося въ городѣ по праву завоеванія, не то разбойничьей шайки, успѣвшей прочно и надолго запугать жителей. Крестьянинъ по происхожденію, Аттендоло Сфорца женился на бо-

гатой неаполитанкѣ, породнился со знатью, устроилъ количество своихъ наемниковъ,—и во второмъ десятилѣтіи XV вѣка (1416—1418 и сл. гг.) судьбы Неаполя, Болоньи, Рима зависѣли въ весьма значительной мѣрѣ отъ этого авантюриста. Сынъ его Франческо Сфорца, занимаясь промысломъ отца по смерти стараго Аттендоло, сдѣлался предводителемъ всѣхъ кондотьеровъ, какихъ только призывалъ къ себѣ на службу миланскій деспотъ Филиппъ—Марія Висконти (въ 1426—1431 гг.) въ одной изъ своихъ войнъ съ Флоренціей. Флоренція наняла другую кондотьерскую знаменитость — Карманьолу, который разбилъ Сфорцу сначала, но затѣмъ былъ разбитъ въ одномъ сраженіи, и подозрительный венецианскій сенатъ (бывшій въ союзѣ съ флорентійцами въ этой войнѣ противъ Милана) велѣлъ подвергнуть Карманьолу пыткамъ и обезглавить. Вскорѣ послѣ этой победы Франческо Сфорца вдругъ оставилъ службу миланскаго герцога и перешелъ къ флорентійскому владыку Козимо Медичи, ибо тотъ больше ему даль и обѣщалъ за услуги. Сфорца въ новой своей роли не замѣдлилъ въ цѣломъ рядѣ сраженій разбить войска Филиппа—Маріи Висконти, и вскорѣ довѣль Висконти до полнаго отчаянія. Тогда миланскій герцогъ, чтобы выйти изъ своего ужаснаго положенія, выдалъ за Сфорцу свою дочь, и въ видѣ приданаго далъ ему обширныя территоріи миланскаго герцогства. Хотя Висконти и пытался вслѣдъ затѣмъ погубить своего опаснаго зятя, уславши его воевать въ Неаполь и измѣннически помогая его врагамъ, но это не удалось: Сфорца снова привелъ его въ повиновеніе, и когда (въ 1447 году) Висконти умеръ, его династія пресеклась вмѣстѣ съ нимъ, и миланское герцогство попало цѣликомъ въ руки Сфорцы. Кондотьеръ сталъ герцогомъ и родоначальникомъ правящей династіи. Правда, послѣ смерти Висконти, Миланъ не сразу призналъ Сфорцу, но огромная армія кондотьера и обильная денежная помощь со стороны банкира-начальника Флоренціи Козимо Медичи, помогли ему преодолѣть всякое сопротивленіе. Съ 1450 года Франческо Сфорца прочно водворился въ Миланѣ.

Политическое безмолвіе, полное повиновеніе отдѣльнымъ владельческимъ домамъ (Медичи во Флоренціи, Сфорца — въ Миланѣ)

царили въ съверной и средней Италии. На югѣ также водворился твердый монархический режимъ. Въ 1282 году въ Сициліи произошло возмущеніе противъ Анжуйского дома („Сицилійская вечерня“), увѣнчавшееся полнымъ успѣхомъ; французы были изгнаны съ острова и всѣ усилия ихъ снова овладѣть Сициліей остались тщетными. Анжуйскій домъ, тѣмъ не менѣе, остался въ Неаполѣ и неаполитанскомъ королевствѣ. Исторія Анжуйского дома въ XIV столѣтіи (особенно послѣ смерти короля Роберта Неаполитанскаго) представляеть цѣлый рядъ смутъ, дворцовыхъ убийствъ и переворотовъ, не представляющихъ ни малѣйшаго общаго интереса. Одновременно съ этими смутами въ неаполитанскомъ королевствѣ началась сильная феодальная реакція. Въ эпоху своего полнаго упадка и ничтожества на протяженіи всего Апеннинскаго полуострова, феодализмъ въ неаполитанскихъ владѣніяхъ именно теперь, въ XIV вѣкѣ, и поднялъ голову; послѣ нѣсколькихъ столѣтій прозябанія и подчиненія при Гогенштауфенахъ и при первыхъ короляхъ Анжуйского дома, неаполитанскіе бароны превратились въ почти самостоятельныхъ феодальныхъ царьковъ, весьма безцеремонно относившихся къ центральной власти и всѣмъ ея требованіямъ. Придворные скандалы, династическая интриги, феодальная броженія, вѣчныя приглашенія кондотьеровъ враждующими сторонами,— вотъ вѣшняя исторія неаполитанскаго королевства въ XIV—XV вв.; внутренняя же исторія его за означенный періодъ совсѣмъ не можетъ быть возстановлена съ достаточной ясностью и полною за отсутствіемъ данныхъ. Можно лишь догадываться, что неаполитанскіе земледѣльцы не разъ имѣли случай пожалѣть о мирныхъ (для нихъ) временахъ Фридриха II, когда кондотьеры не вытаптывали полей и не грабили жилищъ. Обще-итальянскаго значенія этотъ періодъ исторической жизни Неаполя — не имѣть: до сихъ поръ, т. е. до XIV вѣка, Неаполь былъ (со временемъ воцаренія Анжуйского дома) вѣрною поддержкою гвельфской партіи и папской власти. Но въ самомъ началѣ XIV столѣтія произошло событие, надолго лишившее папскую власть всякой силы и всякаго престижа.

IV.

Когда въ 1267 году послѣдній Гогенштауфенъ, молодой герцогъ Конрадинъ, погибъ въ своей неудачной попыткѣ отнять престолъ у Карла Анжуйскаго,—всѣмъ друзьямъ папскаго Рима вздохнулось свободнѣе: такой страшный врагъ, какъ Гогенштауфены, былъ искорененъ. Затѣмъ потекли сравнительно болѣе спокойныя послѣднія десятилѣтія XIII вѣка. Но въ 1294 году на папскій престолъ вступилъ Бонифацій VIII, и при немъ разыгралась послѣдняя и самая жестокая драма въ средневѣковой борьбѣ духовной и свѣтской властей. Бонифацій VIII былъ человѣкъ до болѣзниности гордый, ослѣпленный маніей величія до полной невозможности ясно понимать окружающія условія. Исчезновеніе съ итальянской арены Гогенштауфеновъ произвело на него чрезвычайно сильное впечатлѣніе; упуская изъ виду всѣ случайныя благопріятныя для папства условія, вызвавшія побѣду гвельфской партіи, Бонифацій VIII склоненъ былъ смотрѣть на сравнительно спокойное положеніе папскаго престола, какъ на результатъ явной и видимой воли Господа, желающаго осуществить мечты Григорія VII и Иннокентія III и подчинить вселенную римскому епископу. У Бонифація VIII была слабая голова и сильная воля; темпераментъ у него былъ сангвиническій, рѣшенія были у него поспѣшныя, дисциплины надъ своими порывами онъ не терпѣлъ ни малѣйшей. Онъ съ первыхъ же лѣтъ своего понтификаата сталъ самымъ безцеремоннымъ образомъ вмѣшиваться и во французскія, и въ англійскія, и въ венгерскія дѣла, и притомъ вмѣшиваться съ самою непозволительною и ничѣмъ не оправдываемою рѣзкостью. При такомъ образѣ дѣйствій столкновеніе между нимъ и какою либо изъ европейскихъ свѣтскихъ властей было неминуемо. Послѣ фіаско крестовыхъ походовъ, послѣ изнурительной, хотя иувѣнчанной успѣхомъ, но стоявшей много моральныхъ и неморальныхъ жертвъ борьбы съ имперіей, папскій авторитетъ во времена Бонифація VIII былъ уже далеко не тотъ, какъ напримѣръ, при Григоріи VII Гильдебрандѣ, но и Григорій VII

дѣйствовалъ нѣсравненно осторожнѣе и сдержаннѣе. Съ оставленнымъ своими феодалами нелюбимымъ, непопулярнымъ въ Германіи Генрихомъ VII папа говорилъ повелительно, дѣйствовалъ деспотически, но съ Вильгельмомъ Завоевателемъ, могущественнымъ и самодержавнымъ обладателемъ Нормандіи и Англіи, Григорій VII, велъ себя чрезвычайно кротко и благодушно. Бонифацій VIII, болѣзненно гордый, до помѣщательства самолюбивый и подозрительный человѣкъ, въ своихъ дипломатическихъ сношеніяхъ не руководился ничѣмъ, кромѣ собственного каиза. Не взвѣшивши ни своихъ силъ, ни силъ противника, онъ началъ роковую борьбу съ Филиппомъ Красивымъ, борьбу тѣмъ болѣе тяжелую и интенсивную, что вопросъ шелъ о деньгахъ, въ которыхъ французскій король нуждался всю жизнь, и изъ за которыхъ онъ многократно нарушалъ даже тогдашній не особенно щепетильный уголовный кодексъ. Папа воспретилъ духовнымъ лицамъ платить свѣтскимъ государямъ какія бы то ни было полати; этотъ эдиктъ сокращалъ чрезвычайно доходы Филиппа Красиваго, который въ отвѣтъ запретилъ вывозить изъ Франціи драгоценные металлы. Почти одновременно съ этоюссорою, лишившею папу громадныхъ средствъ, получавшихся имъ изъ Франціи,—Бонифацій разсорился съ кардиналами Пьетро и Джакопо Колонна, конфисковалъ все ихъ движимое и недвижимое имущество, а самихъ кардиналовъ выгналъ вонъ изъ Рима. Вся Романія, гдѣ Колонна пользовались громадною популярностью,—пришла въ движение. Поступокъ папы объясняли алчностью и личною местью. Не успѣвшіи еще какъ нибудь посчитаться съ волненіемъ, возбужденнымъ исторіею съ Колонна, Бонифацій VIII объявилъ дона Хайме Арагонскаго, владѣтеля Сициліи,—лишеннымъ сицилійскаго престола и повелѣль сицилійцамъ снова покориться ненавистному имъ, изгнанному въ 1282 году анжуйскому дому. Сицилійцы съ яростю заявили протестъ противъ папскаго вмѣшательства, выгнали вонъ претендента, папскаго ставленника, и снова утвердили у себя арагонскую династію. Всѣ эти неудачи и пораженія, всѣ эти затрудненія и несрѣдности папа встрѣчалъ съ гнѣвомъ, но ничего подѣлать не могъ. Какъ бы затѣмъ, чтобы окончательно лишиться всякаго чутья дѣйствительности и успокоить свою уязвлен-

ную гордость всевозможными величавыми фантасмагориями, Бонифаций въ 1300 году оповѣстилъ весь католический міръ, что по случаю наступленія нового столѣтія онъ дастъ „вѣковое“ отпущеніе грѣховъ богоомольцамъ, которые явятся въ Римъ. Больше двухсотъ тысячъ пилигримовъ явилось къ папѣ; ежедневно устраивались торжественные процесіи, цѣлые религіозныя фееріи, въ которыхъ Бонифаций VIII являлся въ видѣ духовнаго и свѣтскаго владыки міра, украшенный регаліями императора и ризами первосвященника.

На патологическую натуру папы празднество эти имѣли рѣшающее и пагубное вліяніе: все обиды, когда либо имъ испытанныя, представились его уму святотатствомъ, все обидчики — несчастивцами и оскорбителеми божества, самъ онъ — представителемъ божественной моющи на землѣ, уполномоченнымъ отъ Царя царей. Не долго думая, онъ проклялъ и отлучилъ отъ церкви всѣхъ легиотовъ, дававшихъ совѣты французскому королю и способствовавшихъ „непокорству“ Филиппа Красиваго. Почти одновременно онъ проклялъ всѣхъ сицилійцевъ, противящихся реставраціи анжуйского дома, и особенно энергично стала преслѣдоваться третьяго своего врага — фамилію Колонна и ея клиентовъ. Тогда Филиппъ Красивый увидѣлъ, что его часъ пришелъ. Среди его придворныхъ юристовъ находился Гильомъ Ногаре, человѣкъ темнаго происхожденія, ловкий, талантливый, умный, наглый и свободный отъ какихъ бы то ни было моральныхъ правилъ и убѣжденийъ. Ногаре давно уже твердилъ, что въ случаѣ рѣшительного столкновенія король окажется сильнѣе папы и что, поэтому, именно такимъ рѣшительнымъ столкновеніемъ и можно выиграть гораздо больше, чѣмъ безплодною и оскорбительною для Филиппа Красиваго дипломатическою перепискою. Колонна, съ своей стороны, давно уже мечтали объ активныхъ, наступательныхъ, насильственныхъ дѣйствіяхъ противъ своего непримиримаго врага, и въ результатѣ ихъ сношеній съ Ногаре, послѣдній выѣхалъ въ Италію, чтобы на мѣстѣ убѣдиться, возможно ли, не торяя времени, напасть на Бонифация. Папа, глухой и слѣпой ко всякимъ предостереженіямъ и тревожнымъ признакамъ, путешествовалъ по Италіи. Въ поселкѣ Стаджіа Ногаре встрѣтился съ Колонна и ихъ приверженцами, и отсюда все они отправились

въ городъ Ананьи, гдѣ находился папа, окруженный нѣсколькими домашними слугами, изъ которыхъ многіе были уже подкуплены фамиліей Колонна. Ворвавшись въ Ананьи, проникнувъ безъ всякаго сопротивленія во дворецъ, заговорщики разогнали кардиналовъ и, потрясая оружиемъ, окружили Бонифація въ его комнатѣ. Они требовали немедленнаго отказа папы отъ власти и отъ своего сана. Беззащитный старикъ отвѣтилъ: „я не откажусь; вотъ моя голова; меня предали, какъ Іисуса Христа,— и если я долженъ умереть, я умру, но умру папою“. Ногаре ударилъ старика по лицу рукою, облаченной въ мѣдную перчатку. Около трехъ сутокъ напавши держали папу во дворцѣ, домогаясь отреченія, пока, наконецъ, спутники Ногаре и Колонна своимъ развязнымъ поведеніемъ не вызвали со стороны жителей Ананьи рѣзкаго отпора: только благодаря этому обстоятельству, папа былъ освобожденъ. Въ Римъ онъ вернулся уже полупомѣщаннымъ человѣкомъ и черезъ нѣсколько дней скончался, не приходя въ полное сознаніе. Римъ и вся Италия встрѣтили это событие отчасти равнодушно, отчасти съ радостью; Бонифація VIII не любили. Филиппъ Красивый наглядно убѣдился въ слабости папскаго авторитета и въ полной возможности совершенно захватить въ свои руки римскихъ первосвященниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, при ослабленіи имперскаго вліянія на полуостровѣ, при политической раздробленности Ломбардіи и Тосканы, при враждебности къ папскому престолу правившей въ Неаполѣ арагонской династіи,— Филиппъ Красивый могъ смѣло никого не бояться. Послѣ продолжавшагося нѣсколько мѣсяцевъ понтификата преемника Бонифація VIII (Бонифація IX) Филиппъ Красивый заставилъ выбрать въ папы епископа бордосскаго (Клиmenta V), который и заявилъ (согласно желанію короля), что онъ переносить папскую резиденцію въ Авиньонъ; случилось это въ 1305 году.

Больше семидесяти лѣтъ папы отсутствовали изъ Италии; городъ Римъ переходилъ изъ рукъ одной знатной фамиліи въ руки другой, что, впрочемъ, очень мало отражалось на народной жизни Романы: бѣдная, покрытая мареммами, разоряемая разбойниками, страна прожила XIV и XV вѣка въ тѣхъ-же жалкихъ условіяхъ примитивнаго земледѣльческаго труда, какихъ жила вѣка раньше

и вѣка позже. Но для всей Италии удаленіе папскаго престола въ Авиньонъ имѣло почти такое же значеніе, какъ прекращеніе императорскихъ вмѣшательствъ въ дѣла полуострова. Папскій принципъ, около двухсотъ лѣтъ одушевлявшій гвельфскую партію, дѣлившій итальянскія земли, вносившій раздоръ и броженіе въ города, села, семьи, вдругъ какъ-то стушевался и ослабѣлъ. Именно съ этихъ поръ и выступаетъ на первый планъ ничѣмъ уже не заслоняемая и не затѣняемая мелкая сосѣдская борьба маленькихъ и большихъ ломбардскихъ и тосканскихъ городовъ и средненитальянскихъ автономій. Эти два столѣтія (XIV—XV), собственно, и опредѣлили судьбу Италіи на все послѣдующее время вплоть до объединенія въ XIX вѣкѣ. Въ ту эпоху, когда на развалинахъ феодальнаго строя во Франціи, въ Англіи, въ Испаніи созидались сословныя монархіи, вырабатывалась общегосударственная, общетerritorialная власть,—Апеннинскій полуостровъ, избавленный отъ соперничества двухъ огромныхъ партій, которое разоряло его, но давало надежду на національное сплоченіе въ той или другой формѣ, раздираемый безчисленными сосѣдскими войнами, опустошенный паѣнными разбойниками—кондотьерами, оставался въ политическомъ смыслѣ такою же мозаикою, какой былъ въ феодальный времена. Процвѣтаніе и богатство Тосканы и Ломбардіи нисколько не отзывались на положеніи Романы, Неаполя, Сициліи, Калабріи, Апуліи; торговля и промышленность сѣверныхъ городовъ была, такъ сказать, личнымъ ихъ счастиемъ, которое не пригрѣвало никого, кромѣ нихъ и не животворило раздробленнаго національнаго организма, и когда съ конца XV вѣка, послѣ открытій Васко де Гама и Колумба, началось быстрое коммерческое паденіе Венеціи, Милана, Флоренціи—остальная Италія почти и не замѣтила этого рокового поворота.

V.

Въ эти столѣтія глубочайшаго политическаго ничтожества въ Италии развилось огромное по своему внутреннему содержанію умственное движение, до такой степени повлиявшее на историческую окраску итальянской (и европейской) культуры, что его нельзя ни въ какомъ случаѣ обойти молчаніемъ *).

Движеніе это съ самаго начала стояло въ тѣсной фактической связи съ пробужденіемъ интереса къ классической древности; вотъ почему оно и было окрещено „Возрожденіемъ наукъ и искусствъ“. Но пламенный, никогда и нигдѣ уже не повторявшийся въ такой мѣрѣ интересъ къ древней Греціи и Риму— являлся лишь однимъ изъ элементовъ движенія, а вовсе не заполнялъ собою всего движенія. Онъ, быть можетъ, потому былъ сразу такъ выдѣленъ, что хронологически сказался раньше пышнаго раззвѣта самостоятельной итальянской прозы и поэзіи этихъ вѣковъ и, въ общемъ, наложилъ свою печать на всю умственную культуру названного времени.

Всѣ разсужденія и соображенія объ итальянскомъ гуманизмѣ, объ итальянской „эпохѣ возрожденія“ не будутъ до той поры имѣть подъ собою прочной почвы, пока мы не запомнимъ слѣдующаго: быть можетъ, никогда, ни прежде, ни послѣ верхній интеллектуальный слой итальянской націи не былъ такъ глубоко и не-проходимо отдѣленъ отъ остальныхъ слоевъ, какъ именно къ концу среднихъ вѣковъ, къ XIV—XV столѣтіямъ; быть можетъ, тотъ культурный классъ, который отличается повышенною сознательностью и который на нашемъ языкѣ называется словомъ „интеллигентія“, никогда въ истории Европы не былъ такъ чуждъ и непонятенъ остальному обществу и народу своей страны, какъ въ Италии эпохи Возрожденія. Этихъ людей,—носителей высшей культуры, утонченной рефлексіи, глубокой сознательности, — было (ко-

*) Ему будетъ посвящена особая книжка въ настоящей коллекціи.

личественно) весьма немного, — такъ немного, что современники гораздо меньше ихъ замѣчали, нежели потомки; но то, что они сдѣлали, было крайне важно и нужно ихъ братьямъ по духу въ другихъ странахъ, т. е. столь же маленькой группѣ германскихъ, голландскихъ, французскихъ, англійскихъ образованныхъ людей, жаждавшихъ новаго содержанія умственной жизни, вѣтъ душныхъ и тѣсныхъ рамокъ средневѣковаго богословія, схоластической философіи и интерпретаціи Аристотеля. Эти-то люди и популяризовали и развили дальше коренные идеи итальянскаго Ренессанса и сдѣлали его явленіемъ необычайнымъ по сферѣ вліянія и по значенію для культуры будущихъ столѣтій.

Не трудно видѣть, почему люди, не удовлетворенные богословіемъ, схоластикою и всюю совокупностью средневѣковыхъ знаній, обратились именно къ античнымъ традиціямъ. Въ Италии эти традиціи никогда, даже въ самыя худшія, безнадежныя времена, не были окончательно забыты. Географическое тождество средневѣковой Италии и Италии классической, близость латинскаго и итальянскаго языковъ, масса уцѣлѣвшихъ, несмотря ни на какія нашествія, памятниковъ старины, — все это дѣлало античную культуру болѣе близкой итальянцамъ, нежели любому другому народу. Древній міръ для первого поколѣнія гуманистовъ, для современниковъ Петrarки, обладалъ всѣми качествами заманчиваго, таинственнаго и любопытнаго кладезя всевозможной премудрости: его мало знали, можетъ быть даже совсѣмъ не знали, но отъ него многаго ожидали, какъ отъ дѣственінаго мѣста, гдѣ никто еще не былъ, но о которомъ утверждительно всѣ говорятъ, что оно есть золотой рудникъ. Вѣдь, за долгую тысячелѣтнюю культурную ночь, которая продолжалась всѣ средніе вѣка, не было ничего изобрѣтено, написано, вылѣплено, что могло бы стать хоть въ отдаленнѣйшее сравненіе съ античною мыслью и античнымъ искусствомъ; ни одной новой, свѣжей мысли не было пущено въ оборотъ, ни одного усиленія художественного творчества, ни одного порыва фантазіи, — все равно, поэтической или философской; при жаждѣ знаній и новыхъ, настоящихъ знаній, — гдѣ было ихъ взять, какъ не въ до-христіанской, античной культурѣ?

Начались страстные, почти патологически нетерпѣльные поиски за всюду разбросанными, затерянными, полусгнившими папирусами и пергаментами древнихъ авторовъ, за погребенными въ землѣ скульптурными изваяніями, за всѣми материальными останками античной старины. Какъ будто изъ глубокаго, вѣкового сна предъ гуманистами XIV вѣка вставалъ погибшій, волшебный міръ, въ которомъ все было ново, интересно, полно содержанія, въ которомъ трепетала живая мысль, не смотря на тысячелѣтнее омертвѣніе... Вѣроятно, въ исторіи культуры никогда уже не повторится тотъ восторгъ, которымъ проникнуты рѣчи первыхъ гуманистовъ, съ жадною торопливостью поглощавшихъ эти полуистлѣвшія страницы. Были между ними такіе, которые устраивали аналои съ лампадками для бюста Платона: были такіе, которые отказывались бесьмоловать даже съ родными иначе, нежели на языкѣ Цицерона; были лица, почти совсѣмъ обратившіяся въ язычество и курившія самыѣ благоговѣйнымъ образомъ фимиамъ предъ вновь откопанными мраморными статуями. Всѣ эти увлеченія весьма типичны и характеризуютъ то довѣріе и обожаніе, съ которыми отнеслись къ античному міру образованные люди этого времени. Многіе изъ нихъ хвалились своимъ невѣріемъ въ старыя святыни; но средневѣковыя привычки мысли были такъ сильны, что эти скептики и отрицатели никакъ не могли зачастую отрѣшиваться отъ чисто молитвенного экстаза при созерцаніи своихъ новыхъ боговъ. Въ это время первого открытия античнаго міра Италия уже выдвинула первого значительнаго поэта—Данте, но его произведеніе „Божественная комедія“ стоитъ въ сторонѣ отъ начинавшагося умственнаго движенія. „Божественная комедія“—произведеніе, проникнутое средневѣковыми началами, средневѣковою философіей; Данте во всемъ стоитъ на точкѣ зреенія вѣрнаго сына католицизма. По политическому воззрѣніямъ онъ гибеллинъ, по религіознымъ—благоговѣйный католикъ, по моральнымъ—приверженецъ всего кодекса средневѣковой религіозной этики. Исторія итальянской литературы по справедливости отводить Данте огромное мѣсто: онъ былъ ¹ вымыть по времена и однимъ изъ значительнѣйшихъ по талу товъ итальянскаго народа; читавшаяся и перечитывавшія

поэма весьма сильно способствовала выработкѣ итальянского языка и стиха; весь укладъ средневѣковой мысли и культуры получилъ въ немъ глубокаго и проникновеннаго выразителя. Но исторія эпохи Возрожденія можетъ пройти мимо этого великаго поэта; новое умственное движение, тѣсно связанное съ возвращенiemъ къ старымъ, античнымъ традиціямъ, съ индивидуалистическими вѣяніями, съ освободительными воззрѣніями относительно прежней теологии и морали, это движение, которое открываетъ собою новую европейскую культуру, осталось въ сторонѣ отъ творца „Божественной комедіи“. Огромнымъ событиемъ въ исторіи гуманизма было появление другого замѣчательнаго поэта — Петrarки. На первый взглядъ могло бы показаться, что и Петrarка стоитъ далеко отъ освободительныхъ теченій Возрожденія; въ самомъ дѣлѣ: онъ, напримѣръ, всегда оставался приверженцемъ папскаго католицизма и ненавидѣль аверроистовъ (сторонниковъ арабскаго философа Аверроэса) именно за ихъ слишкомъ свободное отношеніе къ догматизму папскаго Рима. Въ своихъ произведеніяхъ онъ съ горечью и гнѣвомъ говорить объ аверроистахъ, даже разсказываетъ, какъ, однажды, возмущенный однимъ изъ этихъ нечестивыхъ людей, онъ выгналъ его вонъ изъ комнаты. Тѣмъ не менѣе, этотъ поэтъ является однимъ изъ первыхъ и глубочайшихъ выразителей индивидуалистическихъ тенденцій Ренессанса. Любовь къ Лаурѣ, тоска, разочарованіе, надежда, отчаяніе — всѣ эти чувства въ его глубоко-поэтическихъ строфахъ не только высоко художественно выражены, но самые сонеты Петrarки даютъ блестящій образецъ творчества, занятаго внутреннимъ, интимнымъ міромъ человѣка. Петrarка вдвойнѣ важенъ и характеренъ для исторіи эпохи Возрожденія. во-первыхъ — онъ личнымъ, самобытнымъ своимъ творчествомъ какъ бы открылъ человѣческую индивидуальность во всей ся полнотѣ, въ тѣхъ изгибахъ чувства, которыми до Петrarки никто не занимался и не интересовался; во-вторыхъ — онъ былъ однимъ изъ самыхъ яркихъ представителей того страстнаго изученія древностей, о которомъ мы говорили. Для Петrarки античный міръ былъ очарованнымъ замкомъ, полнымъ всевозможныхъ сокровищъ; въ его глазахъ античные поэты и философи давали отвѣты на всѣ запросы, нужно

было только поспѣшить эти отвѣты разыскать. Вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря разностороннему художественно-воспріимчивому темпераменту и творческому уму, Петrarка не превратился въ педанта-фанатика старыхъ пергаментовъ, не слѣдался коллекціонеромъ, антикварiemъ-мономаномъ, какъ это случилось съ весьма многими его сверстниками, а сумѣлъ органически ввести въ свой умственный обиходъ многія руководящія идеи, выработанныя античною мыслью. Въ произведеніяхъ Петrarки замѣтно вліяніе стойческой школы, оказывается близкое знакомство съ Цицерономъ, Вергiliемъ, Овидіемъ, Сенекою,— но, конечно, наибольшее значеніе въ его *Canzon'ахъ* и въ его *„Senilia“* («старческой» работѣ) принадлежитъ, все же, личному творчеству поэта. Интересъ къ живой человѣческой индивидуальности, къ индивидуальной душѣ и ея страданіямъ пробудился въ литературѣ Ренессанса подъ могущественнымъ вліяніемъ Петrarки; еще у Данте, у старшаго современника Петrarки, человѣческая индивидуальность отеугствуетъ: мы видимъ скорбныя и расплывающіяся тѣни ада и чистилища, но имѣемъ дѣло больше съ номенклатурою грѣховъ, съ лѣстницей наказаній, съ мрачною, навѣянною средневѣковыми требниками и житіями фантасмагоріей, а живого интереса поэта къ индивидуальности описываемыхъ и упоминаемыхъ людей не видимъ вовсе. Послѣ же Петrarки новая литературная манера распространяется все больше и больше; не говоря уже о такомъ талантѣ, какъ Боккачіо,— даже у второстепенныхъ литераторовъ, вродѣ Салутати, Луиджи Пульчи, Плко делла Мирандола (и именно у писателей XV вѣка еще больше, чѣмъ у ближайшихъ потомковъ Петrarки) замѣтна вполнѣ сознательная тенденція живописать личность въ художественныхъ произведеніяхъ, говорить о потребностяхъ индивидуальной души въ этическихъ трактатахъ и философскихъ изслѣдованіяхъ. Средневѣковые расплывчивые, избитые и неопределенно общіе образы грѣшника, праведника, безбожника, святого и т. п. отошли со временемъ Петrarки на задній планъ, уступивши мѣсто болѣе обстоятельной, вдумчивой и отчетливой литературной живописи и болѣе тонко анализирующей философіи. Самая біографія Петrarки чрезвычайно любопытна для характеристики наступавшихъ новыхъ

временъ итальянской культуры. Въ его общечтальянской славѣ впервые сказалось, если не *сознаніе*, то *чувство* національного единства. И авиньонскій папскій дворъ, и родная Петраркъ Флоренція, и другіе тосканскіе города, и Ломбардія, и неаполитанскій король, и городъ Римъ — всѣ наперерывъ спѣшили засвидѣтельствовать любимому поэту свои горячія симпатіи. Общность этихъ чувствъ наглядно сказалась во время торжественнаго апоѳеоза, устроеннаго Петраркъ управлѣніемъ города Рима на Пасху 1341 года. Торжественные процесіи, вѣнчаніе поэта лаврами въ Капитоліи, привѣтственные клики громадной толпы, поздравленія отъ самыхъ далѣкихъ мѣстъ полуострова,—все это являлось чѣмъ-то совсѣмъ небывалымъ до сихъ поръ. Помимо общечтальянскаго своего значенія, какъ національнаго праздника, помимо своей знаменательности въ исторіи европейской культуры, какъ первого народнаго чествованія труженика мысли,—апоѳеозъ Петрарки оказалъ нѣкоторое непосредственное моральное воздействиѣ на разыгравшуюся нѣсколько лѣтъ спустя попытку Никколо Ріенци измѣнить политический строй церковной области.

VI.

Никколо (или „Кола“) ди Ріенци былъ сыномъ разнощика свѣжей воды, такъ что вышелъ изъ самыхъ демократическихъ слоевъ римского народонаселенія.

Онъ является довольно исключительнымъ и рѣдкимъ типомъ простолюдина, увлекшагося изученіемъ античныхъ древностей, притомъ древностей, такъ сказать, государственно-правовыхъ, а не литературныхъ и художественныхъ. Духъ времени, —(онъ былъ читателемъ и поклонникомъ Петрарки и однимъ изъ наиболѣе восторженныхъ участниковъ апоѳеоза 1341 г.),—увлеченіе группы образованныхъ людей классическою культурою толкнули его къ чтенію и изученію римскихъ классиковъ. Но не размѣры овидіевскаго стиха, не подробности біографіи Вергилія, не стиль Цицерона занимали его: въ противоположность господствовавшимъ среди первыхъ (да и послѣднихъ) гуманистомъ тенденціямъ, интересы Никколо ди Ріенци

были направлены совсѣмъ въ другую сторону. Онъ поглощенъ былъ созерцаніемъ былого политического величія города Рима, размышленіями надъ памятниками побѣдъ, руинами дворцовъ, горькими и беспрестанными сравненіями яркаго прошлаго съ тусклымъ и ничтожнымъ настоящимъ. Это былъ боевой характеръ, человѣкъ съ темпераментомъ политическаго, а не литературнаго дѣятеля, и чтеніе классиковъ дало только ему вѣшнюю форму, въ которую должны были отлиться его дѣйствія. Что же касается до почвы, то въ этомъ отношеніи ему приходилось дѣйствовать въ очень благопріятныхъ условіяхъ. Разсказывая о томъ, какъ Ріенци произвѣль переворотъ, историкъ всегда находится въ затрудненіи ясно отвѣтить на вопросъ: что же именно, какую форму правленія ниспровергъ онъ? Дѣло въ томъ, что, со времени удаленія папы въ Авиньонъ, (въ 1307 г.) Римъ находился въ состояніи совершенной анархіи. Мы уже не говоримъ, что фактическая государственная власть, выражавшаяся хотя бы въ наличности правильной полиціи, вполнѣ отсутствовала. Римъ всегда былъ городомъ разбойниковъ; вѣдь, еще въ 40 гг. XIX столѣтія ихъ банды лагерями стояли на Транстеверино и часто вели дипломатическіе переговоры съ начальствомъ, *d'égal à égal*. Но въ прежніе вѣка, въ томъ числѣ и въ XIV столѣтіи, — разбойничіи шайки буквально владѣли многими — и не отдаленными, а центральными кварталами Рима. Если же оставить даже вопросъ о фактическомъ обладаніи городомъ въ сторонѣ, то нелегко отвѣтить и на другой, казалось бы, весьма простой вопросъ: кто *de jure* владѣлъ Римомъ? Папы, переселившись въ Авиньонъ, не отказались отъ обладанія городомъ Римомъ, и ихъ представитель, „легатъ“, безпрерывноѣздила изъ Рима въ Авиньонъ и обратно, подавалъ свой голосъ, когда сенаторы собирались на засѣданія и пр. Однако, голосъ его имѣлъ на самомъ дѣлѣ чисто совѣщательное значеніе, что было вполнѣ естественно въ виду полнаго отсутствія у легата даже маленькаго отряда тѣлохранителей. Гораздо болѣе страннымъ могло бы показаться, что и сенаторы никакой фактической власти не имѣли, а, просто, творили волю того семейства нобилей, которое въ данный моментъ сумѣло прогнать соперниковъ, и съ помощью многочислен-

ной челяди, клиентеллы и союзной разбойничьей банды захватить владычество. Сегодня это были Колонна, завтра Орсини, послѣ завтра Полента; вѣчно знатныя фамиліи между собою дрались, и такъ какъ въ XIV вѣкѣ уже ни папѣ, ни императору они не могли другъ друга предавать, вслѣдствіе отмѣченного выше исчезновенія этихъ двухъ силъ, то имъ оставалось вступать въ тѣсный союзъ съ разбойниками и съ неаполитанскимъ королемъ, что они все по очереди и дѣлали. Таково было положеніе дѣль въ Римѣ, когда Никколо ди Ріенци, возбужденный и взволнованный небывалымъ апоеозомъ Петрарки, потрясенный чтеніемъ Тита Ливія и восхищенный древними героями, — началъ свою пропаганду среди простого римского народа, до сихъ поръ служившаго терпѣливымъ и страдающимъ объектомъ смуты и дракъ эгоптической знати. Каковы были руководящія идеи пропаганды Никколо Ріенци?

Онъ желалъ возстановить римскую республику до императорскихъ временъ, по возможности, со всѣми ея установленіями, съ ея „свободой“, т. е. комплексомъ строго очерченныхъ правъ, пріуроченныхъ къ личности каждого гражданина и, въ особенности, съ ея славною и мощною внѣшнею политикою. Нечего и говорить, что это были самыя фантастичнія мечтанія, объ осуществленіи которыхъ могъ грезить лишь такой горячій политической фантазеръ, какимъ былъ Ріенци. Ницая, безлюдная, раздираемая разбойниками и знатью церковная область — въ лучшемъ случаѣ могла бы обеспечить своимъ несчастнымъ гражданамъ большій порядокъ и большую безопасность, но превратиться въ древній Римъ она до смыслинаго не была въ состояніи. Ріенци, впрочемъ, былъ мечтателемъ только въ построеніи общаго своего идеала; что касается до средствъ политической борьбы съ аристократами, то здѣсь имъ руководилъ вѣрный политический инстинктъ. Непосредственною своею задачею Ріенци поставилъ возвращеніе папы Климента VI изъ Авиньона въ Римъ; какъ ни слаба была всегда фактическая власть папы въ Римѣ, все же, до переселенія папскаго престола и двора въ Авиньонъ, Римъ сохранилъ за собою моральное значеніе религіознаго центра Европы, а со временемъ ужасной смерти Бонифація VIII этотъ городъ превратился въ обыденный южно-итальянскій разбойничій вертепъ, ли-

шенный всякаго значенія. Сблизившись въ 1341 году, во время апофеоза Петрарки, съ поэтомъ, Ріенци вмѣстѣ съ Петраркою отправился въ Авиньонъ убѣждать папу вернуться въ Римъ. Изъ этого ничего не вышло. Ріенци около четырехъ лѣтъ просидѣлъ при папскомъ дворѣ, но ни французское правительство, ни самъ папа не желали этого переселенія. Наконецъ, въ 1346 году все предпріятіе приняло довольно неожиданный оборотъ: глава семейства Колонна сблизился съ Ріенци, желая сдѣлать его орудіемъ уничтоженія противниковъ. Колонна упросилъ папу отпустить въ Римъ Никколо Ріенци съ полномочіями искоренить царящую тамъ анархію и разбои и отъ имени папы возстановить порядокъ. Явившись въ Римъ, Ріенци, пользуясь официальнымъ своимъ положеніемъ, началъ горячую пропаганду своихъ идей. Почти ежедневно, окруженный густыми толпами народа, Ріенци посѣщалъ исторически славные мѣста столицы, произносилъ по поводу античныхъ руинъ оживленныя, горячія рѣчи, въ которыхъ популяризоваль исторію древней республики, говорилъ о минувшей славѣ „предковъ“ своихъ слушателей, и убѣждалъ ихъ воскресить это славное прошлое. Вскорѣ Колонна увидѣлъ, что онъ ошибся, и что Ріенци толкаетъ событія куда-то совсѣмъ не въ ту сторону, какъ ожидалъ честолюбивый аристократъ. Римскій народъ, живой, увлекающійся, воспріимчивый, уже потому увлекся пропагандою Ріенци, что политическое настоящее не представляло ничего устойчиваго, достойнаго обереганія и сохраненія. Владычество разбойниковъ, анархія, аристократическая драки и смуты — вотъ что было въ настоящемъ; въ будущемъ — Ріенци указывалъ спокойствіе, блескъ и славу. Весною 1347 года Ріенци устроилъ громадное народное собраніе въ Капитоліи, гдѣ въ пылкой рѣчи требовалъ немедленнаго утвержденія уже составленной имъ демократической конституції, тутъ же прочтеннай народу. Собрание бурно одобрило дѣйствія Ріенци — и онъ, въ качествѣ народного трибуна, сталъ, отъ имени демократіи, неограниченно управлять городомъ Римомъ. Управление его опиралось на полномъ сочувствіи всего простого народа и располагало народнымъ ополченіемъ — прекрасно вооруженнымъ отрядомъ около пяти тысячъ человѣкъ. Демократическая конституція, провоз-

глашенная имъ, осталась пустымъ звукомъ, и Ріенци во все короткое свое управление былъ и оставался демократическимъ единодержавцемъ. Онъ перевѣшалъ очень многихъ разбойниковъ, казнилъ и выгналъ изъ Рима нѣсколькихъ наиболѣе беспокойныхъ аристократовъ, разрушилъ много замковъ, полуофициально считавшихся главными квартирами нѣсколькихъ разбойничихъ [шаекъ, завелъ; отдаленно вторя идеѣ Гракховъ, общественные житницы, откуда выдавались даромъ порціи муки вдовамъ и сиротамъ павшихъ въ бою солдатъ и, вообще, лицамъ, находящимся въ глубокой нищетѣ.

Все это сдѣляло трибуна чрезвычайно популярнымъ; его ораторскій даръ продолжалъ оказывать ему тѣ же услуги, что и раньше: римляне съ восторгомъ смотрѣли на улучшеніе своего положенія, какъ на первый шагъ къ уврачеванію всѣхъ золь и начало новой эры. Петrarка былъ въ восторгѣ отъ успѣховъ своего друга; самъ Ріенци, въ упоеніи торжества, разсыпалъ пословъ ко всѣмъ итальянскимъ дворамъ и уже затѣвалъ общепитальянскій конгрессъ. Конгрессъ, впрочемъ, не собралось, и вскорѣ вся эта феерія рухнула. Ріенци такъ возгордился, что объявилъ себя „судью народа“; онъ объявилъ „освобожденными“ всѣ итальянскія земли, вызывалъ (конечно, безъ всякаго отклика) къ своему суду ссорившихся итальянскихъ властителей,— и, въ концѣ концовъ, поссорился съ папою. Климентъ VI, посредствомъ своего легата въ Римѣ, сталъ громить трибуна, аристократы объединились противъ общаго врага, подоспѣлъ неурожай и голодъ, впечатлительный римскій народъ охладѣлъ къ своему любимцу, и въ решительный моментъ военнаго столкновенія Ріенци оказался слабѣе своихъ враговъ и удалился изъ города, гдѣ тотчасъ же воцарились прежняя анархія и прежняя неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ. Ріенци съ этихъ поръ становится уже другимъ человѣкомъ; повидимому, онъ потерялъ вѣру въ себя и въ свои планы и сдѣлался обыденнымъ папскимъ чиновникомъ, ибо, по прежнему, продолжалъ считать папу желательнымъ властителемъ Рима. Въ 1354 году, когда папскій легатъ въ Римѣ никакъ не могъ установить новыхъ налоговъ,— папа (уже Иннокентій VI) послалъ въ Римъ Никколо Ріенци, на популярность которого разсчитывалъ. Ріенци былъ встрѣченъ со-

чувственно, хотя далеко уже не такъ восторженно, какъ за семь лѣтъ предъ тѣмъ. Когда Ріенци сталъ агитировать въ пользу про-этированнаго папой налога, населеніе возмутилось, въ негодованіи кричало, что онъ измѣнилъ народу, что онъ предатель, и Ріенци бѣжалъ снова, но его догнали и убили. Такъ окончился этотъ странный и любопытный эпизодъ въ исторіи города Рима. Римская анархія продолжалась.

VII.

Если имя Петrarки связано съ исторіей Никколо Ріенци, то имя современника и корреспондента Петrarки—Джованни Боккаччіо связано съ страшнымъ несчастиемъ, посѣтившимъ Италію въ 1348 г., съ такъ называемою черною смертью. „Черною смертью“ называлась страшная чума, унесшая почти половину европейскаго населенія въ 1347—1353 гг. Итальянскія лѣтописи утверждаютъ, что изъ десяти человѣкъ—шесть погибало отъ чумы. При полнѣйшемъ отсутствіи всакихъ санитарныхъ приспособленій, грязное и вищее населеніе Средней и Южной Италіи гибло еще быстрѣе, нежели жители богатыхъ городовъ Тосканы и Ломбардіи; послѣ эпидеміи также Римъ, Неаполь и прилегающія къ нимъ мѣстности оказались на гораздо большее время раззоренными, нежели торговыя и богатыя городскія республики Сѣверной Италіи. Анналисты позднѣйшаго времени (XV, XVI вв.) съ удивленіемъ замѣ чаютъ, что несмотря на раззореніе, чуму, междоусобія, XIV столѣтіе продолжало выставлять одного поэта за другимъ, и умственное движеніе не прекращалось, а цвѣло пышнымъ цвѣтомъ. Итальянская чума увѣковѣчена въ „Декамеронѣ“ Боккаччіо, писателя, столь же ярко представляющаго свою эпоху, какъ и Петrarка. Если Петrarка даль образцы скорбной и искренней любовной поэзіи, то Боккаччіо явился первымъ по времени и таланту, неподражаемымъ рассказчикомъ-прозаикомъ. Въ выработкѣ итальянской прозы Боккаччіо играетъ такую же роль, какъ Данте и Петrarка въ выработкѣ стиха; прелестью и увлекательностью изложенія въ значительной мѣрѣ объясняется общенародный успѣхъ „Декамерона“. Что ка-

сается до содержания боккаччевскихъ рассказовъ, то при всемъ разнообразіи сюжетовъ оно проникнуто общимъ духомъ и настроениемъ: жизнерадостность, веселость, простодушіе, насмѣшка надъ аскетическими притязаніями средневѣковья, игривое и ироническое отношеніе ко многимъ сторонамъ монашеской жизни,—вотъ что сдѣлало „Декамеронъ“ одною изъ типичнѣйшихъ книгъ эпохи Возрожденія. Ее нельзя назвать сознательно и преднамѣренно-антиклерикальной, но по общему духу своему она представляеть собою яркій протестъ противъ всего догматического міросозерцанія, царившаго въ Европѣ въ средніе вѣка. Между многимъ прочимъ есть въ „Декамеронѣ“ одинъ разсказъ (о трехъ кольцахъ), который по сюжету напоминаетъ Лессингова „Натана Мудраго“; онъ повѣстываетъ объ отцѣ, оставившемъ тремъ сыновьямъ одно „настоящее“ кольцо и два совершенно такихъ же, но поддѣльныхъ подъ „настоящее“: сыновья, не смотря на всѣ усилія, не могутъ угадать, гдѣ настоящее и гдѣ поддѣльные. У Боккачіо эту притчу разсказываетъ султану еврей, сравнивающій съ кольцами три религіи: христіанскую, еврейскую и магометанскую, послѣдователи которыхъ вѣчно спорятъ другъ съ другомъ объ истинѣ. Широкая вѣротерпимость, проникающая эту разсказъ, вполнѣ сознательна и вытекаетъ уже не только изъ темперамента поэта, но и изъ опредѣленныхъ его убѣждений. Новелла о трехъ кольцахъ даетъ Боккаччіо заслуженное право на почетное мѣсто въ исторіи вѣротерпимости. Значеніе Боккаччіо усиливалось тѣмъ, что онъ былъ чрезвычайно доступенъ всѣмъ грамотнымъ итальянцамъ; его читали нарасхватъ и современники, и потомство. Боккаччіо, подобно Петраркѣ, былъ страстнымъ любителемъ классическихъ древностей, писалъ на латинскомъ такъ же свободно, какъ на итальянскомъ, и считался однимъ изъ выдающихся знатоковъ римской литературы. Но, конечно, оба эти поэта являются яркими звѣздами Ренессанса не потому только, что раздѣляли классическую увлеченія своихъ современниковъ, а потому, что въ характерныхъ и глубокихъ созданіяхъ своего личного творчества отчетливо выражили индивидуалистической и анти-аскетической духъ своей эпохи.

Къ концу XIV и началу XV вв. увлеченіе классическими

писателями принимаетъ нѣсколько иной оттѣнокъ, нежели при Петраркѣ и Боккачіо, хотя по прежнему сохраняетъ всю свою напряженность, а въ XV вѣкѣ этотъ новый оттѣнокъ становится уже господствующимъ. Марсиліо Фічино, Салутати, Мирандола и менышія литературныя величины, окружающія ихъ, увлекаются уже не столько изящною литературою и краснорѣчіемъ древнихъ, сколько античною философіей. Платонъ, въ особенности, выступаетъ на первый планъ. Поклоненіе платоновской философії достигло среди итальянской (особенно, флорентійской) интеллигентіи размѣровъ не-
быvalыхъ. Религіозный скептицизмъ сдѣлалъ въ XV столѣтіи громадные успѣхи и успѣхъ уже, отчасти, утомить своихъ адептовъ; новой, положительной религії многіе изъ нихъ и искали въ платоновой философії и ея, иногда весьма причудливыхъ, толкованіяхъ. Послѣ катастрофы 1453 года весьма многіе греки бѣжали отъ турецкаго владычества изъ Константинополя въ Италію; это повело къ особенной легкости и доступности для итальянцевъ изученія греческаго языка и греческихъ философовъ. Въ прежней исторіографіи очень часто даже начинали исторію Возрожденія съ завоеванія Константинополя и связывали оба явленія причинною связью, что, конечно, совершенно ложно. Изучаемые въ подлинникѣ, греческіе философы все больше и больше захватывали гуманистовъ; они не только впервые знакомились съ Платономъ, александрийскою школою и т. п., но, даже, Аристотеля, котораго, казалось бы, должны были знать въ молодости, имъ приходилось читать совсѣмъ заново. Обнаруживались одна за другою грубѣйшія, тенденціозныя богословскія поддѣлки Аристотеля, выдававшіяся во всѣ Средніе вѣка за истинное изложеніе философа. Это философское движение XV столѣтія, кипучее и разнообразное, привело въ концѣ концовъ, какъ уже упоминалось, весьма многихъ гуманистовъ къ мистицизму и къ покорному возвращенію въ лоно католической догматики; такъ случилось, напримѣръ, съ талантливымъ лингвистомъ и антикварiemъ — Пико делла Мирандола. Нѣкоторые, впрочемъ, пошли инымъ путемъ; болонскій профессоръ Пьетро Помпониацци (умершій въ 1525 году) явился однимъ изъ первыхъ въ Европѣ обоснователей философскаго скептицизма. Вообще, умственное движение

XIV—XV вв. при всей своей благотворности для культуры итальянского (и европейского) образованного класса, сильно разъединило образованный слой отъ необразованного, то есть отъ подавляющего большинства націй. Итальянский народъ, весьма мало грамотный, стоявшій совершенно въ сторонѣ отъ утонченной умственной пищи гуманистовъ, имѣлъ, конечно, свои нравственные запросы и свои застарѣлые и все не удовлетворявшія духовныя потребности, но не отъ высшихъ культурныхъ слоевъ онъ ждалъ и могъ ждать удовлетворенія.

Дѣло въ томъ, что религіозное чувство было чрезвычайно сильно, попрежнему непреоборимо въ итальянскомъ простомъ народѣ,— а, между тѣмъ, именно въ XIV—XV вв. оно должно было подвергаться чрезвычайно сильнымъ испытаніямъ. Еще Петрарка скорбѣлъ о томъ, что папы въ Авиньонѣ, въ рабствѣ у французскихъ королей, что пощечина, данная старику Бонифацію VIII французскимъ проходимцемъ, продолжаетъ горѣть на всѣхъ папахъ, его преемникахъ; еще Боккаччіо подъ конецъ дней своихъ вернулся къ церкви. Но позднѣйшимъ гуманистамъ до церкви и ея золь не было рѣшительно никакого дѣла, и она ихъ интересовала гораздо меныше, чѣмъ одна любая страница изъ Платона. Если же кто изъ нихъ (подобно Мирандолѣ), измученный сомнѣніями, колебаніями и невѣріемъ, возвращался на лоно церкви, то не затѣмъ, конечно чтобы ее реформировать, а чтобы забыться и отдохнуть душою. Между тѣмъ римская церковь въ эти времена сильно нуждалась въ реформѣ, и народъ, равнодушный къ воскрешенію античной культуры, не знавшій, даже по имени, ни одного древняго философа, нетерпѣливо ждалъ (и постоянно выставлялъ изъ своей среды, но все неудачно) людей, которые бы вернули церкви ея прежнее величие и прежнюю чистоту. Авиньонское плененіе папъ, длившееся семьдесятъ лѣтъ (1307 — 1378), гибельно отозвалось на папскомъ авторитетѣ. Изъ главы католического міра папа въ глазахъ многихъ обратился во французскаго ставленника, покорнаго и униженаго исполнителя велѣній французскаго короля. Но когда, наконецъ, Григорій XI въ 1378 году явился въ Римъ (гдѣ почти тотчасъ и умеръ), дѣла осложнились еще больше. По канониче-

скому закону, новый папа долженъ быть выбираться въ томъ самомъ мѣстѣ (соборомъ кардиналовъ), гдѣ умеръ старый папа. Жители города Рима давно уже, по традиціи отъ Петрарки и Никколо Ріенци, привыкли смотрѣть на пребываніе первосвященниковъ въ Авиньонѣ, какъ на личную себѣ обиду, и не переставали мечтать о возвращеніи папъ. Теперь они, опираясь на точный смыслъ канонического права, потребовали отъ кардиналовъ, чтобы, въ виду смерти Григорія XI въ Римѣ, въ этомъ же городѣ былъ выбранъ его преемникъ. Изъ шестнадцати кардиналовъ, бывшихъ налицо въ Римѣ, одиннадцать было французского происхожденія. Они, разумѣется, ни за что не хотѣли произвести выборы въ Римѣ, пока римляне съ яростью не пообѣщали имъ содрать кожу съ черепа и „надѣть“ такимъ образомъ „новую кардинальскую шапку“ на нихъ, если они нарушатъ канонический законъ. Дѣлать было нечего. Кардиналы выбрали въ папы епископа города Бари подъ именемъ Урбана VI, думая, что онъ будетъ поддерживать согласно съ принципами своего воспитанія французскіе интересы. Но новый папа, какъ оказалось, только искусно скрывалъ до выборовъ свою ненависть къ французамъ; занявши престолъ, онъ немедленно ее обнаружилъ: заявилъ, что останется въ Римѣ, сталь игнорировать и всячески оскорблять и обрывать наглыхъ французовъ, привыкшихъ за семьдесятъ лѣтъ хозяйничать въ дѣлахъ папской куріи,— и вскорѣ довелъ дѣло до того, что французскіе кардиналы уѣхали въ городъ Ананы (всегда остававшійся вѣрнымъ французскому королю), и здѣсь объявили выборъ Урбана VI не имѣющимъ силы, а въ папы избрали француза (Клиmenta VII), который торжественно перѣѣхалъ въ Авиньонъ. Но Урбанъ VI и не думалъ отказываться отъ тіары,— и вотъ съ этихъ поръ возникаетъ такъ называемый великий расколъ въ католической церкви. Авиньонскіе и римскіе папы проклинаютъ другъ друга, обмѣниваются ругательствами,— и каждый изъ нихъ считаетъ себя единствено законнымъ... Гуманисты имѣли моральную возможность съ холодной насмѣшкой смотрѣть на то, что творилось въ церкви, но вѣрующимъ людямъ было не до ироніи, имъ наступило необходимоѣ быть какой-нибудь выходъ. Только въ 1418 году Констанційский соборъ выбралъ въ папы Мартина V, и расколъ окончился.

VIII.

Но съ выборомъ Мартина V и съ окончаніемъ двоевластія далеко еще не были разрѣшены всѣ вопросы, угнетавшіе душу вѣрующихъ. Авиньонское плененіе и безобразныя времена полемики и взаимныхъ проклятій двухъ папъ — тяжко отозвались на нравственности папской куріи и на ея репутациі. Бывали, правда, и въ глухія времена среднихъ вѣковъ на римскомъ престолѣ развратные подростки вродѣ Иоанна XII, бывали на немъ личности, славившіяся своимъ распутнымъ поведеніемъ, но все таки, они были исключеніемъ, и при томъ высшее духовенство, окружавшее ихъ, въ общемъ, всегда держалось на извѣстной нравственной высотѣ, оздоровлявшей атмосферу папской куріи. Въ XV вѣкѣ, особенно, въ концѣ его мы видимъ на папскомъ престолѣ людей, дѣйствительно, чудовищнаго разврата, окруженныхъ вполнѣ достойными ихъ сподвижниками и подчиненными. Итальянскій народъ видѣлъ вокругъ себя либо безпросвѣтную нищету, какъ, напримѣръ, на югѣ полуострова, въ Неаполѣ, въ Римѣ, либо роскошь и богатство однихъ классовъ и бѣдность другихъ, какъ въ городахъ Тосканы и Ломбардіи; но и среди нищеты, и среди роскоши онъ могъ созерцать господство самыхъ низменныхъ страстей, самаго грязнаго и дешеваго разврата, самыхъ нестѣсняющихся преступленій. Старыя, топорныя, наивныя, но по своему прочныя основы морали были потрясены, новой нравственной узды, этической системы выдвинуто не было; и если народной массѣ былъ незамѣтенъ происходившій въ культурномъ классѣ умственныій кризисъ, то кризисъ моральный слишкомъ бросался въ глаза. При такихъ обстоятельствахъ особенно сильна была потребность въ авторитетномъ словѣ традиціонныхъ „врачей души“ (какъ ихъ называютъ отцы церкви); но, именно, „врачи души“, стоявшіе у всѣхъ на виду и оказывались менѣе всего выдерживающими даже самую синхронительную моральную критику. На почвѣ этихъ всѣми видимыхъ настроеній и неудовлетворенныхъ нравственныхъ потребностей и разыгралась характерная йсторія монаха Савонаролы.

Мы уже сказали, что, когда въ первой половинѣ XV столѣтія банкиры Медичи сосредоточили въ своихъ рукахъ власть, борьба общественныхъ классовъ во Флоренціи перестала выражаться въ такой бурной формѣ, какъ раньше. Въ 1455 году умеръ послѣдній сильный соперникъ Медичи—Нери Каппони, и съ тѣхъ поръ Козимо Медичи распоряжался въ городѣ полновластно. Конституцію Флорентійскую онъ не мѣнялъ, а удовольствовался тѣмъ, что, по традиції своего семейства, заполнилъ всѣ влиятельныя мѣста своими клиентами и друзьями; сдѣлать это ему было нетрудно, во-первыхъ, потому, что демократія вся подавала голосъ за его ставленниковъ, видя въ немъ опору противъ аристократіи, а во-вторыхъ, потому, что Медичи были необычайно богаты и цѣлый рядъ крупныхъ торговыхъ фирмъ зависѣлъ отъ кредита въ ихъ банкрискомъ учрежденіи. Такимъ образомъ, бѣдные и многочисленные слои *arte minor* и богатые *arte maggiori* почти въполномъ составѣ поддерживали эту семью, а нобили не чувствовали достаточно силы, чтобы ее ниспровергнуть, даже соединясь для этой цѣли съ нѣкоторыми влиятельными родами изъ крупной буржуазіи. Чувствуя себя твердо и уравновѣшенно среди взаимно враждебныхъ соціальныхъ слоевъ, Медичи, вмѣстѣ съ тѣмъ, были далеки отъ преслѣдованія интеллигентіи, умственно-передового класса, столь многочисленного въ ихъ городѣ. Да и вообще, ни Сфорца въ Миланѣ, ни Гонзаго въ Мантую, ни Монтеселтири въ Урбино, ни король Робертъ (а по-томъ Фердинандъ) въ Неаполѣ,—ни папы въ Римѣ и не думали преслѣдовать гуманистовъ. Всѣ интересы гуманистовъ, ихъ наука, ихъ философія, ихъ увлеченіе древностями—все это могло казаться (и на самомъ дѣлѣ было), въ политическомъ смыслѣ вполнѣ невинными умственными упражненіями. Глубокій общественный индифферентизмъ итальянского гуманизма бросается въ глаза всякому, кто хотя немного начинаетъ знакомиться съ произведеніями его представителей. „*Odi profanum vulgus*“, это изреченіе они повторяютъ весьма охотно, и, кромѣ литературныхъ и философскихъ дѣятелей древности, Августъ и Меценатъ прославлялись ими въ самыхъ восторженныхъ краскахъ; образы братьевъ Гракховъ, Муція Сцеволы, Лицинія и другихъ политическихъ героевъ выступаютъ въ произ-

веленіяхъ Браччіолини, Салутати и др. весьма блѣдно. Характерно, что діаметрально противуположное отношение къ литературнымъ и политическимъ знаменитостямъ античнаго міра замѣчается у дѣятелей французской революції. Мирное наслажденіе античною мыслью и столь же мирная и отвлеченная отъ насущныхъ заботъ дня работа надъ переводами, комментаріями и подражаніями—вотъ что заполняло жизнь гуманистовъ. Что же касается до церкви, то они, въ сущности, и къ ней, какъ къ государственному учрежденію, оставались вполнѣ равнодушны, и нападали только на теологію, какъ на ложную, неосновательную и вульгарную, по ихъ мнѣнію, теорію. А такъ какъ папы XV вѣка сами были къ религіи равнодушны (иногда даже и папы выбирались извѣстнѣйшіе гуманисты, напримѣръ въ 1458 году—эрuditъ Эней Сильвій Пикколомини, подъ именемъ Пія II), то и въ Римѣ гуманисты гнали такъ же мало, какъ въ остальныхъ мѣстахъ. Только гуманистъ Лоренцо Валла, написавшій обширный трактатъ о подложности „Константина завѣщенія“, на которое опирались папы по вопросу о владѣніи церковной областью, временно былъ въ немилости у клира. Посвятивши себя далекимъ отъ политики сюжетамъ, занимаясь собираниемъ коллекцій и библіотекъ, проживая цѣлые состоянія въ поискахъ за старыми статуями и пергаментами, гуманисты XV вѣка чрезвычайно нуждались въ меценатахъ, въ денежнѣй поддержкѣ, въ покровительствѣ властей и съ охотой принимали частыя и лестныя приглашенія итальянскихъ властителей и ихъ подачки. Любопытно, что итальянскіе династы, почти сплошь банкиры или кондотьеры, силой или подкупомъ забравшіе въ свои руки власть, чрезвычайно дорожили присутствіемъ при ихъ дворѣ образованныхъ людей, литераторовъ и художниковъ. Это считалось хорошимъ тономъ и способствовало блеску двора. Флорентійскій дворъ Медичи славился въ этомъ смыслѣ во всей Италии и, даже, за предѣлами ея—во Франціи и Германіи. Правленіе Козимо Медичи, умное и твердое, пришло къ концу въ 1464 году. Послѣничѣмъ не замѣчательного правленія вялаго, скучного и болѣзненнаго сына его Пьера, Флоренція попала (въ 1469 г.) въ руки Лаврентія Медичи, и начался блестящій періодъ въ жизни этого города,

вѣрнѣе, началась и прошла (при томъ же Лаврентії) кульминація блеска и роскоши, которые давно уже были на-лицо въ этомъ градѣ. Лаврентій былъ другомъ знаменитыхъ въ то время гуманистовъ — Анджело Полиціано и Марсиліо Фіачино; онъ страстно любилъ греческій языкъ и литературу, основалъ во Флоренціи специальную греческую академію, где царили Платонъ и его філософія. Лаврентій преклонялся предъ Платономъ, устраивалъ въ честь его ежегодныя празднства, торжественные собранія и т. д. Жиль при дворѣ Лаврентія также и Луиджи Пульчи, авторъ шутливой и ярко антирелигіозной поэмы, замѣчательной, впрочемъ, больше по звучности стиха, нежели по остроумію, подъ названіемъ „Manganante Maggiore“. Въ Миланѣ свирѣпствовалъ какъ разъ въ это время тиранъ Галеаццо Сфорца, и его поведеніе еще болѣе оттѣняло веселое и блестящее правленіе Лаврентія. Впрочемъ, деспотизмъ итальянцевъ въ XV вѣкѣ особенно не тяготилъ, и попытки избавиться отъ него насильственнымъ путемъ объясняются больше всего стремлениемъ изъ чисто личныхъ видовъ отнять власть у правящаго лица. Таковъ былъ, напримѣръ, заговоръ членовъ банкирскаго семейства Пацци противъ Лаврентія Медичи и брата его Джуліано. Заговорщики напали въ церкви на братьевъ, Джуліано былъ убитъ, но Лаврентій спасся, а флорентійское населеніе съ яростью требовало жесточайшей казни убийцъ, и вѣкоторыхъ участниковъ заговора толпа разорвала въ клочья. Власть Лаврентія была не поколеблена, но упрочена этимъ заговоромъ. Между тѣмъ умы итальянского народа были охвачены новой тревогой: прогрессъ могущества Оттоманской имперіи грозилъ Апеннинскому полуострову тою же участью, какая уже постигла Балканскій. Уже Отранто близъ Неаполя было взято въ 1480 г. турецкимъ десантомъ, — и всѣ двѣнадцать тысячъ жителей были перерѣзаны турками. При подобныхъ обстоятельствахъ немудрено, что роскошь, изнѣженность и распутная жизнь высшихъ классовъ, — глубочайшая моральная испорченность папъ, курій, духовенства монастырей, и все это въ связи съ увлечениемъ культурныхъ круговъ языческою древностью, въ глазахъ простого народа стало главною причиной, прогнившей Господа и обусловившей турецкую напасть. Моральные потребности,

о которыхъ мы уже говорили, были еще усилены угрожаемымъ чувствомъ самосохраненія, и на этой-то почвѣ появился Савонарола.

IX.

Уже папы Сикстъ IV и Иннокентій VIII, управлявшіе во второй половинѣ XV столѣтія римскою церковью, были извѣстны, какъ выдающіеся развратники, ничуть не уступающіе ни Фердинанду Неаполитанскому, ни Лаврентію Медичи, ни Галеаццо Сфорцѣ,—словомъ никому изъ своихъ современниковъ. Но выборъ кровосмѣителя Александра Борджіа, извѣстнаго всей Италии самыми невѣроятными похожденіями, чуть не сженощными оргіями и уголовными преступленіями, явился всетаки для всѣхъ почти полною неожиданностью. Съ этихъ поръ римская курія превращается въ средоточіе самыхъ громкихъ скандаловъ, и тѣ, которые ждали возрожденія церкви отъ папства, теряютъ всѣ свои надежды.

Таковы были обстоятельства, когда сначала по Тосканѣ, а потомъ по всей Италии разнесся слухъ о появлениіи необыкновеннаго человѣка во Флоренціи, по имени Джироламо Савонарола. Доминиканскій монахъ, краснорѣчивый и сильный своею искренностью проповѣдникъ, Савонарола съ первыхъ же шаговъ своихъ, съ первыхъ проповѣдей во флорентійскомъ соборѣ Св. Марка удивительно овладѣлъ душою слушателей. Съ убѣжденностью мистика, посвѣщаемаго галлюцинаціями, Савонарола громилъ то, что онъ называлъ испорченностью флорентійцевъ. Подъ испорченностью онъ понималъ какъ распущенность нравовъ и пьянство, такъ и увлеченіе классическою философіею, античною скульптурою и литературою. Все это, по его мнѣнію, были козни сатаны, сѣти, разставленныя всей Италии вообще, и Флоренціи въ частности врагомъ рода человѣческаго. Онъ предсказывалъ своему городу и всему полуострову страшное нашествіе, покореніе рукою неотразимаго врага. Его рѣчи производили сильнейшее впечатлѣніе на народъ. Вскорѣ вокругъ него образовались довольно многочисленные кадры девотокъ и приверженцевъ, которые при дворѣ Лаврентія Великолѣпнаго получили название „плакъ“. Впрочемъ, несмотря на ироническое свое отно-

шеніе къ движенію, поднятому Савонаролой, Лаврентій, одолѣваемый болѣзнями, видящею близкую смерть, пытался нѣсколько разъ сблизиться съ монахомъ, но все напрасно. Умирая, Лаврентій просилъ Савонаролу исповѣдать его и отпустить ему грѣхи, но тотъ ставилъ такія требованія, какъ отказъ отъ власти надъ городомъ и возвращеніе имущества нѣкоторымъ семьямъ, у которыхъ Лаврентій его отнялъ. На эти жертвы Лаврентій не пошелъ, и умеръ, не прощенный Савонаролой; но самыи фактъ обращенія къ простому монаху первого въ республикѣ лица на одре смерти, и неподкупная суворость Савонаролы произвели сильнѣйшее впечатленіе на народъ. Сынъ и преемникъ Лаврентія Пьеро Медичи, былъ человѣкъ пустой и ничтожный, и въ умственномъ, и въ нравственномъ отношеніяхъ, а, между тѣмъ, ему настоятельно необходимо было разрѣшить самыи сложныи и запутанныи политическія задачи. Дѣло въ томъ, что французскій король Карль VIII, опираясь на свое родство съ Анжуйскою династіей, съ XIII вѣка владѣвшей Неаполемъ, заявилъ свои притязанія на неаполитанскій престолъ. Король неаполитанскій Фердинандъ (изъ Арагонской династіи) заключилъ тогда союзъ съ Пьеро Медичи, а Карль VIII вступилъ въ сношенія съ Людовикомъ Моро, правителемъ Милана, задумавшимъ узурпировать миланскій престолъ у своего больного племянника. Что касается до папы Александра Борджіа, то онъ послѣ долгихъ колебаній и многократныхъ измѣнъ, соединился съ Фердинандомъ Неаполитанскимъ.

Въ 1494 году началось движение Карла VIII на Италию, и сразуувѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Предъ сильной, сплоченной арміей большого государства пало все: мелкія раздробленныя государства сѣвера, враждовавшія другъ съ другомъ, или подобострастно растворяли свои ворота предъ побѣдителемъ, или сдавались почти безъ сопротивленія. Савонарола привѣтствовалъ восторженно успѣхи Карла, котораго онъ почему-то считалъ призваннымъ обновить и возродить Италию; флорентійцы, вспомниавши, что Савонарола предсказалъ нашествіе нѣкоего непобѣдимаго врага, роптали на непопулярнаго Пьера Медичи, который былъ въ союзѣ съ Фердинандомъ неаполитанскимъ. Когда Карль VIII подошелъ къ самымъ

стѣнамъ Флоренція, Пьero, доведенный до отчаянія страхомъ и народными угрозами, рѣшился на весьма нелѣпый поступокъ: онъ тайно уѣжалъ во французскій лагерь, принесъ Карлу VIII полную покорность и умолялъ его о поддержкѣ и защитѣ отъ своихъ флорентійскихъ подданныхъ. Карлъ вошелъ въ городъ съ арміей, но Пьero Медичи онъ во власти не утвердилъ, ибо флорентійцы ни за что не хотѣли принять обратно своего герцога. Савонарола со всѣми своими приверженцами, число которыхъ возросло со времени нашествія въ громадной прогрессіи, рѣшительно уѣжалъ короля, что Пьero недостоинъ власти. При той громадной моральной силѣ, которая была въ рукахъ Савонаролы, ссориться съ нимъ показалось Карлу невыгоднымъ и неудобнымъ; сопровождаемый восторженными восклицаніями дружественной ему флорентійской толпы, Карлъ отправился дальше на югъ къ Риму. Флоренція была предоставлена самой себѣ и избавлена отъ Пьero Медичи. Вся власть въ сущности сосредоточилась въ рукахъ Савонаролы, который воспользовался ею самымъ рѣшительнымъ образомъ: онъ заявилъ, что для спасенія и очищенія своихъ душъ граждане города Флоренціи обязаны уничтожить „проклятые Богомъ“ остатки языческой старины, въ чемъ бы послѣдніе ни заключались. Приказывалось вдребезги разбить статуи („идолы“), ежедневно устраивались огромные костры изъ рѣдчайшихъ манускриптовъ, собранныхъ трудами пѣлыхъ поколѣній гуманистовъ, и при пѣніи псалмовъ всѣ эти сокровища сжигались. Флоренція, по словамъ анналистовъ, стала похожа на монастырь: церковные службы, религіозныя процесіи, покаянныя молитвы, вотъ что замѣнило веселые карнавалы и научно-литературныя бесѣды временъ Лаврентія Медичи. Флорентійские гуманисты либо покинули городъ, либо съ тоскою ждали конца этого монашескаго владычества. Простой народъ видѣлъ въ Савонаролѣ давно жданаго спасителя и пророка, человѣка, который очистить церковь отъ всякаго зла и всякой порчи. Нужно замѣтить, что Савонарола и ея приверженцы пользовались властью, попавшею имъ въ руки до такой степени широко, что, не смущаясь, казнили всѣхъ, кто только казался имъ мало-мальски опаснымъ. Савонарола въ своихъ проповѣдяхъ яростно нападалъ на папу Александра Борд-

жіа, открыто обвиняя его въ весьма тяжкихъ прегрѣшенияхъ. Долго папа ничего не могъ подѣлать съ болѣзненно раздраженнымъ и могущественнымъ доминиканцемъ, ибо Савонарола былъ въ тѣсномъ союзѣ съ Орсини, врагами папы, имѣвшими въ Римѣ массу приверженцевъ. Но, въ концѣ концовъ, Александръ Борджіа принужденъ былъ для самозащиты отвѣтить на обвинительныи рѣчи Савонаролы запрещеніями проповѣдывать и другими репрессіями, никакъ не помогавшими, ибо Савонарола ничего не слушался и не боялся. Помогло папѣ лишь то обстоятельство, что флорентійское простонародье стало нѣсколько охладѣвать къ своему любимцу: слишкомъ ужь стѣснительны и несогласны съ народнымъ характеромъ были распоряженія суроваго монаха относительно всякихъ развлечений, даже самыхъ невинныхъ. Къ тому же приверженцы Медичи вели неустанную пропаганду (конечно, болѣе или менѣе скрытую) противъ непримиримаго своего врага; но больше всего вредило Савонаролѣ то, въ чёмъ онъ вовсе не былъ виноватъ: преобразовать и обновить церковь онъ былъ не въ состояніи, а, между тѣмъ, именно этого отъ него ждали и желали. Савонарола могъ держаться противъ дѣятельныхъ, неутомимыхъ и непримиримыхъ своихъ враговъ исключительно народнымъ энтузіазмомъ; едва только энтузіазмъ ослабѣлъ, Савонарола погибъ. Внѣшняя обстановка его гибели была такая. Одинъ августинскій монахъ (Франческо Рельи) пожелалъ на пользу своего ордена, враждебнаго доминиканцамъ и въ угоду папѣ, ненавидѣвшему Савонаролу, вызвать проповѣдника на весьма причудливое состязаніе. Онъ предложилъ любому изъ приверженцевъ Савонаролы испытаніе огнемъ: оба должны были пройти сквозь костеръ и кто погибнетъ,—тотъ, значитъ, неправъ. Погибнетъ августинецъ, значитъ, Савонарола—Божій посланецъ, погибнетъ сторонникъ Савонаролы, значитъ, Савонарола—обманщикъ. Вызовъ былъ принятъ, и черезъ два дня огромная толпа народа собралась на интересное зрѣлище вокругъ костра. Но здѣсь начались пререканія, и все со стороны доминиканца, сторонника Савонаролы: онъ заявилъ, что не войдетъ въ костеръ иначе, какъ со св. дарами, августинецъ же не соглашался, считая это слишкомъ сильнымъ обезпеченіемъ для противника. Пока они спорили

начался дождь, и состязаніе не состоялось. Характерно, что именно это чувство раздраженія разочарованныхъ зрителей и нанесло послѣдній ударъ Савонаролѣ: тотчасъ же начались слухи о томъ, что доминиканцы струсили, что они сами признали своего вождя обманщикомъ и т. д. На другой же день была устроена враждебная демонстрація противъ Савонаролы съ битьемъ стеколь, яростными криками и пр. При впечатлительности и измѣнчивомъ характерѣ флорентійского народа весьма возможно, что Савонарола пережилъ бы этотъ злосчастный моментъ и еще вернулъ бы себѣ утраченную любовь флорентійского населенія. Но, какъ сказано, враги его не дремали и воспользовались именно этимъ моментомъ: онъ былъ арестованъ, заключенъ въ тюрьму, судимъ за вымышленныя преступленія, и приговоренъ къ смерти. Его задушили веревкою и сожгли при огромной, но довольно равнодушной толпѣ народа. Случилось это въ 1498 году, когда события, разыгравшіяся въ Италии, въ достаточной мѣрѣ уже притупили у народа способность слишкомъ чѣмъ—нибудь поражаться. Краткій успѣхъ Савонаролы показалъ, до какой степени многіе жаждали общей моральной и политической реформы не только во Флоренціи, но и на всемъ полуостровѣ, ибо популярность его далеко вышла за предѣлы Флоренціи; гибель его объясняется разочарованіемъ впечатлительного простонародья въ чудодѣйственной силѣ проповѣдника, для которой считали все возможнымъ; но едва ли не характернѣе судьбы этого монаха для общаго состоянія дѣлъ Италии — обстоятельства французскихъ нашествій, обрушившихся на полуостровъ въ концѣ XV и началѣ XVI столѣтія.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Италія въ XVI—XVII вв.

I.

Успѣхъ нашествія Карла VIII былъ обусловленъ не только силою нападенія, но и слабостью обороны. Такое сильное герцогство, какъ миланское, совершенно было снято со счетовъ въ глазахъ французскаго короля, ибо правитель Милана, дядя герцога Галеаццо, Людовикъ Моръ твердо рѣшилъ узурпировать престоль у племянника именно при поддержкѣ французскаго войска, и заключилъ съ Карломъ тѣсный союзъ. Флоренція подъ вліяніемъ Савонаролы, „продсказавшаго“ подвиги Карла, приняла французскаго короля съ мистическимъуваженіемъ; неаполитанскіе феодалы, почти всѣ успѣвшіе перессориться съ Фердинандомъ, одинъ за другимъ передавались на сторону французовъ. Въ Папской области семья Орсини со своими многочисленными клиентами и громадное большинство населенія, презиравшее папу Александра Борджіа, смотрѣли на Карла, какъ на желаннаго избавителя. Только богатая и многолюдная Венеция сохранила угрожающую позицію, но венецианскій сенатъ до такой степени поглощенъ былъ страшнымъ съдствомъ турокъ, что о наступательныхъ дѣйствіяхъ совершенно не думалъ, по крайней мѣрѣ, въ началѣ вторженія Карла. Вскорѣ Лукка, Пиза, Чивита-Беккія, и самый Неаполь попали въ руки короля, послѣ нѣсколькихъ ничтожныхъ стычекъ. Французы вели себя во время этого нашествія совершенно такъ же, какъ худшіе изъ варваровъ, нахлынувшихъ на полуостровъ за тысячу лѣтъ передъ тѣмъ: они грабили, жгли, убивали, насиловали женщинъ и хвалились предъ итальянцами, что „отъ Альпъ до Калабріи не оставятъ послѣ себя ни одной дѣвушки“. Движеніе противъ фран-

цузовъ, вызванное такого рода поступками, само по себѣ не пугало Карла; но противъ него составилась лига: Фердинандъ Католикъ, императоръ Максимилианъ, Венецианская республика и измѣнившій королю миланскій правитель Людовикъ Моръ рѣшили силою воспротивиться дальнѣйшимъ успѣхамъ французской арміи.

Этотъ союзъ, дѣйствительно, оттеснилъ короля; Фердинандъ, король неаполитанскій, вернулся въ Неаполь, и очень многія захваченные Карломъ мѣста, ускользнули изъ подъ его власти. Собственно, послѣ 1496 года Карлъ во всемъ полуостровѣ могъ надѣяться только на Флоренцію, но въ 1498 году Савонарола, другъ французовъ, погибъ. Умеръ и Карлъ VIII,—и на французскій престолъ вступилъ молодой Людовикъ ХІІІ. Его дѣла въ Италии сразу пошли хорошо. Онъ заявилъ претензію на миланскій престолъ, узурпированный у герцога Галеаццо (уже умершаго) Людовикомъ Моромъ; собственно права французскаго короля были, по-жалуй, еще менѣе обоснованы, нежели права Мора, тѣмъ не менѣе обстоятельства сложились для миланскаго правителя чрезвычайно неблагопріятно: Венеция вдругъ возстало противъ него и соединилась съ Франціей, можетъ быть, раздраженная сношеніями Мора съ турецкимъ султаномъ, а союзниковъ онъ не пріискалъ. Послѣ нѣсколькихъ отчаянныхъ попытокъ сопротивленія, всѣми покинутый, оставленный миланцами (среди которыхъ правитель имѣлъ очень много враговъ), онъ бѣжалъ изъ Италіи въ имперскія владѣнія, потомъ вернулся, собралъ небольшую армію и попытался вернуть утраченное. Но попытка опять не удалась, и, попавшій въ руки французскаго короля, (въ 1500 г.) Людовикъ Моръ былъ подъ конвоемъ препровожденъ въ глухую французскую крѣпость, где просидѣлъ нѣсколько лѣтъ въ заточеніи и умеръ. Миланъ и, въ сущности, вся Ломбардія попали во власть французовъ.

Прочно обосновавшись въ Ломбардіи, Людовику ХІІІ уже совершенно ничего не стоило играть роль верховнаго суды всѣхъ политическихъ распрай Италіи. Папа Александръ Борджіа первый понялъ это и съ обычною своею смѣтливостью вступилъ въ союзъ съ королемъ; при помощи короля онъ надѣялся добиться давно желанного имъ возвышенія своего сына Цезаря. Цезарь Борджіа съ

молодыхъ лѣтъ занимался, если можно такъ выразиться, убийствами, грабежами и разнообразнейшими мошенничествами,— какъ другое занимаются определеннымъ ремесломъ. Мечтою его было стать однимъ изъ тѣхъ мелкихъ династовъ, которыхъ такъ много было въ тогдашней Италии. Эта честь человѣкъ никогда ни надѣть чѣмъ не задумывался: онъ цѣлымъ рядомъ убийствъ и предательствъ захватилъ въ свои руки почти всю Романью,— при полномъ сочувствіи французского короля. Когда это совершилось, отецъ Цезаря, папа Александръ, торжественно благословилъ нового романскаго герцога, и такъ сказать, поставилъ его на царство. Всльдѣтъ затѣмъ Людовикъ ХІІ заключилъ съ главнымъ врагомъ своимъ Фердинандомъ Католикомъ выгодный для обоихъ договоръ, по которому неаполитанское королевство отходило Франціи, а Калабрія Испаніи. Фердинандъ Католикъ такъ ловко и беззастѣнчиво обманулъ при этомъ Фридриха, короля неаполитанскаго, что когда нагрянули французы, онъ былъ убѣженъ, что испанцы за него. Благодаря этому заблужденію онъ погибъ весьма быстро. Неаполитанское королевство отошло къ Людовику, а Фридриха отправили во Францію. Неаполитанцы, столь же апатично, какъ и жители другихъ мѣстностей, поддали подъ иго французовъ. Случилось все это въ 1501 году, а уже въ слѣдующемъ, 1502-мъ, союзники перессорились, и Людовикъ выгналъ вонъ испанцевъ изъ Калабріи. Но пока онъ воевалъ съ испанцами, дѣла его въ папской области и во владѣніяхъ Цезаря Борджіа приняли довольно хлопотливый оборотъ: Цезарь напалъ на дружественную королю Флоренцію. Флорентійцы выбрали въ предсѣдатели синьоріи (гонфalonьеры) съ почти диктаторской властью Сoderини, — и ему удалось кое-какъ уладить дѣло съ Цезаремъ; флорентійскій посланникъ, знаменитый Маккіавелли, чрезвычайно ловко внушилъ Цезарю преувеличенное понятіе объ оборонительныхъ средствахъ Флоренціи. Цезарь удовольствовался присвоеніемъ Сенигалліи и нѣсколькихъ мелкихъ тосканскихъ городовъ. Папа Александръ за это время успѣлъ отравить кардинала Орсини и другими способами умертвить еще нѣсколькихъ лицъ, обладавшихъ большими помѣстьями, и часть награбленной добычи отдалъ сыну, а часть взялъ себѣ. Округливъ такимъ образомъ свои владѣнія, отецъ и

сынъ Борджіа обратились противъ Людовика ХІІ, въ которомъ видѣли слишкомъ сильного сосѣда. Они соединились противъ французовъ съ королемъ испанскимъ Фердинандомъ Католикомъ, и собирались вмѣстѣ завоевать Флоренцію и ослабить французского короля. Неожиданное обстоятельство разстроило всѣ планы. Папа Александръ, желая отравить одно духовное лицо, обладавшее доходными помѣстьями, пригласилъ его къ себѣ, но нечаянно пересмѣшалъ сосуды съ виномъ, и выпилъ приготовленный ядъ, а также далъ сыну, — гостю же предоставилъ безвредный кубокъ. Вслѣдствіе этого промаха папа умеръ (въ 1503 г.), а Цезарь послѣ долгой болѣзни оправился, но за время болѣзни уже успѣли выбрать папу Пія III, а когда тотъ, спустя полтора мѣсяца умеръ, папскій престолъ занялъ Юлій II, лично ненавидѣвшій семью Борджіа, человѣкъ желѣзной энергіи и беспокойнаго, дѣятельнаго честолюбія. Первые годы своего правленія (до 1508 г.) Юлій II довольствовался лишь тѣмъ, что отнималъ у Цезаря Борджіа награбленное имъ земельное имущество; Цезаря не любили, Людовикъ ХІІ и Фердинандъ Католикъ были на сторонѣ папы, такъ что пришлось отдавать одну землю за другую новому папѣ. Но тутъ съ дѣлѣжомъ наслѣдства Борджіа вышло серьезное осложненіе. Дѣло въ томъ, что Венеція какъ разъ въ эти годы переживала одинъ за другимъ страшные, неотвратимые удары. Торговля ея съ Востокомъ, такъ пышно процвѣтавшая рядъ вѣковъ, достигшая кульминаціонной точки именно въ XIV—XV вв., послѣ открытія Америки въ 1492 году и, въ особенности, морскаго пути въ Индію въ 1498 г., стала замѣтно падать. Главный нервъ торговой жизни отошелъ отъ Венеції; Александрия, Дамаскъ, все побережье Сиріи и Египта перестали быть путями въ Индію, по которымъ восточныя богатства свозились въ Венецію, а оттуда распредѣлялись по европейскимъ странамъ.

Съ каждымъ годомъ роковые послѣдствія открытій Колумба и Васко де Гамы сказывались ощутительнѣе; закрывались заводы и мастерскія, продавались корабли, пустѣли верфи... Венеціанское правительство всѣми силами старалось поддержать быстро и невозвратно исчезавшее величие своего города и, поэтому, когда послѣ смерти

папы Александра Борджіа началася дѣлежъ имущества его сына,— Венеция заявила и свои претензіи и овладѣла городами Чезепою, Римини и Фаэнзою. Папа Юлій II, видя рѣшительное стремленіе венецианской республики наверстать путемъ земельныхъ приобрѣтеній то, что она теряла въ торговлѣ,— задумалъ положить этому конецъ. Въ Камбрѣ, въ 1508 году, былъ заключенъ союзъ между Юліемъ II, французскимъ королемъ Людовикомъ XII, императоромъ Максимилианомъ и Фердинандомъ Католикомъ. Папа каждого изъ нихъ сумѣлъ увлечь обѣщаніями тѣхъ или иныхъ территоріальныхъ приобрѣтеній и соединить противъ Венеции; чтобы обеспечить нейтралитетъ Флоренціи, камбрецкіе союзники отдали ей во владѣніе —Пизу, чого Флоренція давно уже добивалась. Весною 1509 года борьба всѣхъ этихъ грозныхъ силъ противъ Венеции обострилась: Людовикъ XII въ кровавомъ сраженіи разбилъ кондотьеровъ, состоявшихъ на службѣ у Венеции, и отнялъ у республики Брѣшчію, Кремону, Пескьери и, вообще, всѣ почти ея владѣнія на материкѣ. Сенатъ въ этомъ отчаянномъ положеніи не растерялся,— и сосредоточилъ всѣ войска на островахъ, гдѣ расположена Венеция. Едва это было сделано, какъ пришла вѣсть, что Триестъ и восточная владѣнія Венеции попали въ руки императора Максимилиана. Но Максимилианъ задержался предъ Падуей, сильною венецианской крѣпостью, которая никакто не хотѣла сдаваться императорскимъ войскамъ. Папа Юлій II, дѣятельный и ловкий интриганъ, доведя дѣло до того, что Венеция очутилась на краю гибели, получивши въ свое владѣніе все, что онъ хотѣлъ, тотчасъ же перемѣнилъ фронтъ. Онъ примирился съ Венецией, примирилъ съ нею Фердинанда Католика, который также былъ удовлетворенъ занятіемъ части Неаполя, императоръ Максимилианъ былъ запуганъ перспективою будто бы грозящаго владѣчества французовъ надъ всею Италиею,— и вотъ, къ началу 1511 года, отъ лиги заключенной въ Камбрѣ не оставалось и слѣдовъ,— и король французскій Людовикъ XII увидѣлъ себя лицомъ къ лицу съ огромною коалиціей. Папа Юлій II лично принялъ на себя командованіе въ этой войнѣ. Война велась, какъ всѣ итальянскія войны еще съ начала борьбы гвельфовъ и гибеллиновъ, замѣчательно свирѣпо. Французы (подъ начальствомъ Гастона де Фуа), въ особен-

ности, отличались неистовою жестокостью: грабежъ города Брешчія Гастономъ де Фуа (20 февраля 1512 г.) уступаетъ по варварству развѣ только грабежу этого-же города австрійскимъ „усмирительнымъ“ корпусомъ барона Гайнау въ 1849 году. Сильно помогъ папѣ союзъ съ Генрихомъ VІІІ, королемъ англійскимъ, который своими угрозами сдѣлать десантъ, парализовалъ всѣ дѣйствія французовъ. Швейцарцы также измѣнили Людовику ХІІІ и водворили въ Миланѣ Максимилиана Сфорцу, сына Людовика Мора. Сфорца уступилъ въ благодарность папѣ Пьяченцу и Парму, а Швейцарцамъ Вальтелину, Кьянену и еще нѣсколько селеній. Пять тысячъ испанцевъ взяло послѣдній оплотъ французского вліянія — Флоренцію штурмомъ, Джуліано и Джованни Медичи, пришедшіе съ испанцами, вошли на престолъ изгнанного за 18 лѣтъ предъ тѣмъ ихъ брата Пьера, и заявили, что они всегда были и будутъ друзьями святѣйшаго отца.

Послѣ Савонаролы Флоренціей правилъ гонфalonьеръ Содерини, который теперь послѣ пораженія скрылся съ наиболѣе энергичными своими помощниками, и фамилія Медичи безъ всякаго сопротивленія вернулась къ власти. Вскорѣ послѣ этого события (черезъ $4\frac{1}{2}$ мѣсяца, 21 Февраля 1513 г.) папа Юлій II внезапно скончался, оставивъ, если не папскій авторитетъ, то свѣтскую власть папы на такой высотѣ, на которой она уже триста лѣтъ, отъ эпохи Иннокентія III, не бывала.

II.

Чрезвычайно любопытная личность заняла престолъ тотчасъ же послѣ смерти Юлія II. Кардиналы, утомленные воинственнымъ понтификатомъ Юлія II, избрали въ папы Джованни Медичи, сына Лаврентія Великолѣпнаго, того самаго человѣка, который, какъ мы сказали, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Джуліано только что вернулся во Флоренцію. Джованни Медичи былъ извѣстенъ всей Италии, какъ изнѣженный, женолюбивый человѣкъ, заботящійся исключительно о собственныхъ удовольствіяхъ и совершенно свободный отъ честолюбія и иныхъ беспокойныхъ страстей папы Юлія II.

Даже въ самый моментъ выборовъ, Джованни былъ боленъ какою-то „печальною болѣзнью“, какъ выражается одинъ его историкъ,— такъ что къ нему даже и приблизиться было затруднительно, чтобы оповѣстить о превращеніи его, волею конклава, въ папу Льва X. Понтификальть Льва X принадлежитъ къ памятнымъ эпохамъ въ исторіи Ренессанса. Левъ X былъ страстнымъ поклонникомъ античнаго міра; подобно отцу своему, Лаврентію Великолѣпному, онъ всѣ радости жизни полагалъ, во первыхъ, въ чувственныхъ наслажденіяхъ и, во вторыхъ, въ коллекціонированіи статуй и пергаментовъ, въ изученіи древней литературы, въ научныхъ и философскихъ диспутахъ и собесѣданіяхъ. Великие художники-современники сравнительно мало интересовали папу: ни Рафаэль, ни Леонардо да Винчи, ни Микель-Анджело никогда не занимали его такъ, какъ свозившіяся отовсюду изъ всѣхъ итальянскихъ и греческихъ раскопокъ, полуизломанныя и совершенно изломанныя статуи и полу-склонившіе пергаменты. Въ сущности, онъ именно былъ больше любителемъ-коллекціонеромъ, нежели гуманистомъ; обѣ активныхъ движеніяхъ его мысли мы не знаемъ ничего,—онъ ничего не писалъ и ничего достопримѣчательного не высказалъ. Извѣстенъ онъ былъ и своимъ меценатствомъ; въ этомъ отношеніи онъ превзошелъ даже и отца своего Лаврентія. Тотъ поддерживалъ такихъ выдающихся работниковъ философіи и литературы, какъ, напримѣръ, Марсиліо Фичино или Луиджи Пульчи, а папа Левъ X собиралъ въ стѣнахъ своего дворца всевозможнѣйшихъ проходимцевъ, имѣвшихъ хоть какое-нибудь отношеніе къ литературѣ; здѣсь были и стихотворцы самаго разнообразнаго калибра, и шуты, и специалисты-каламбуристы, и авторы недцензурныхъ и сомнительнаго содержанія романовъ, и импровизаторы. Чтобы содержать всѣхъ этихъ лицъ, требовались огромныя средства, и Левъ X правильно выразилъ истинный свой взглядъ на выпавшую ему роль, когда произнесъ при извѣстіи о выборѣ: „будемъ пользоваться папствомъ, разъ Господь Богъ намъ его далъ“. Онъ систематически, въ теченіе всего своего понтификаата опустошалъ папскую казну и на свои литературно-художественные затѣи не щадилъ ничего. Уже при Юліи II постоянныя войны сильно истощили папскую сокровищницу; но Левъ X съ одной сто-

роны тратя огромные деньги на эстетические свои потребности, съ другой стороны — нуждался не въ меньшихъ средствахъ для военныхъ предпріятій, нежели его предшественникъ, и это-то заставило его заняться усиленною продажею индульгенцій. А война кипѣла и при Лѣвѣ X, на всемъ полуостровѣ, какъ мало ни было папа расположенья переносить беспокойства военного времени. Группировка державъ съ начала его правленія (съ 1513 г.) была такая: императоръ Максимилианъ, Фердинандъ Католикъ, миланскій герцогъ Сфорца, Левъ X и англійскій король Генрихъ VIII въ союзѣ боролись противъ французского короля Людовика XII, такъ что лига, заключенная еще въ 1511 г. и нарушенная предательствомъ папы Юля II, снова утвердилась. Французы потерпѣли рядъ поражений (особенно вредили имъ швейцарцы, присоединившіеся въ количествѣ десяти тысячъ человѣкъ къ лигѣ). Только одна Венеция была въ союзѣ съ Францией, и подверглась, поэтому, весьма разорительному нашествію. Дѣла Франціи стояли чрезвычайно плохо, когда, въ самомъ началѣ 1515 года, Людовикъ XII умеръ и на престолъ вступилъ Францискъ I. Блестящій рыцарь, склонный къ фанфаронству, то, вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствительно храбрый человѣкъ, довольно толковый хозяинъ, недурной военачальникъ, молодой король весьма быстро поправилъ дѣла свои на полуостровѣ. 13 Сентября того же (1515) года онъ нанесъ кровавое пораженіе своимъ врагамъ на Мариньянскомъ полѣ, около самой Пьяченцы. Послѣ Мариньянской битвы все Миланское герцогство попало въ руки французовъ,— а Сфорца,—сынъ Людовика Мора, подобно отцу своему, былъ отправленъ плѣнникомъ во Францію. Папа Левъ X выказалъ необычайную трусивость: получивши извѣстіе о полной побѣдѣ Франциска, онъ мгновенно отправился на встречу къ своему врагу въ Болонью, разыгралъ здѣсь сантиментальную комедію насчетъ внезапно воспламенившихъ дружескихъ чувствъ къ королю, немедленно уступилъ Франциску Пьяченцу и другіе бывшіе у папы въ рукахъ города, и за все это умолялъ лишь о мирѣ. Миръ былъ заключенъ, и до 1519 года особенно грозныхъ столкновеній на полуостровѣ не произошло. Конечно, не прекращались мелкія войны и ссоры между Флоренціей, Генуей, Урбино и пр., но въ виду пол-

наго отсутствія прочныхъ результаційъ, этихъ мелкихъ и безко-
нечныхъ войнъ можно совсѣмъ не касаться; онъ не прекращались
въ Италии съ конца среднихъ вѣковъ до конца XVIII столѣтія,
въ описываемый же періодъ французскихъ и иныхъ нашествій, какъ
вообще, въ эпохи особенныхъ дипломатическихъ осложненій между
большими державами, эти мелкія стычки умножались въ чудовищной
прогрессіи. Въ 1519 году Карль, король Испанскій, наследникъ
колossalной монархіи Фердинанда Католика былъ избранъ въ импе-
раторы. Противъ Франциска выдвинулся врагъ, который былъ завѣ-
домо и очевидно могущественнѣе его. Карль V былъ нуженъ папѣ
Льву X, какъ весьма важный союзникъ въ борьбѣ противъ только
что начавшагося лютеровскаго движенія, а еще больше какъ че-
ловѣкъ, по широтѣ натуры склонный сквозь пальцы смотрѣть на при-
своеніе папою итальянскихъ феодальныхъ помѣстій въ Романіѣ
подчиненныхъ императору. Почему Карль V выступилъ противъ
Франциска,—понятно само собою: французскій король былъ един-
ственнымъ серьезнымъ его соперникомъ въ дѣлѣ захвата полити-
ческой власти надъ Европою. Вскорѣ къ Карлу V и папѣ присо-
единился также англійскій король Генрихъ VIII, и долгая война
началась. Главное, къ чему стремились союзники,—это было изгнаніе
французовъ съ Апеннинскаго полуострова. Положеніе Франциска было
не изъ легкихъ. Въ 1522 году онъ потерпѣлъ сильное пораженіе,
потерялъ Геную. Въ 1521 году умеръ отъ истощенія силь и
нѣкоторыхъ другихъ болѣзней аналогичнаго происхожденія папа
Левъ X, и на престолъ св. Петра взошелъ Адріанъ VI. Война
при немъ продолжалась съ прежнею энергией; къ союзникамъ при-
соединилась и Венеція. Разореніе страны было ужасно; император-
скіе генералы занимали всю Романію, Неаполь, Тоскану, въ Лом-
бардіи стояли французы, и всюду все грабили наперерывъ; города
переходили изъ рукъ въ руки, и то, что не успѣвали захватить
императорскіе солдаты, брали себѣ французы, уцѣлѣвшее отъ фран-
цузовъ доставалось венеціанцамъ и т. д. Нужно замѣтить, что новый
папа Адріанъ VI былъ человѣкомъ уже иного разбора, нежели
Левъ X; это уже былъ папа послѣреформаціоннаго ~~періода~~, когда
католическій клиръ нѣсколько опомнился, одумался

лять средства для борьбы съ новымъ и нежданнымъ врагомъ,— когда выбирать въ папы такихъ прославленныхъ злодѣевъ, какъ Борджіа, становилось слишкомъ неудобнымъ въ виду взволнованнаго реформацией съвера Европы, когда отъ главы теократического механизма требовались не научные и художественные интересы и наклонности, а нечто иное. Адріанъ былъ чрезвычайно набожнымъ и чрезвычайно, вмѣстѣ съ тѣмъ, честнымъ человѣкомъ; двухъ этихъ качествъ въ соединеніи папскій престолъ не видѣть до него столь тѣями. Онъ скорбѣлъ по поводу состоянія вѣчной войны, вѣчной подавленности, вѣчной зависимости отъ разнокалиберной солдатчины, въ которомъ находились и Римъ, и Романья, и весь полуостровъ; но сдѣлать что бы то ни было, остановить не имѣвшую сумятицу—было совершенно не въ его силахъ. Въ 1524 году онъ умеръ, и его мѣсто занялъ Климентъ VII (Джуліано Медичи), который владѣлъ Тосканою и желалъ, будучи папою, удержать Флоренцію и Тоскану за собою. Для этой цѣли (а ея при помощи Карла осуществить было нельзя, ибо Карль самъ имѣлъ виды на эти мѣста) Климентъ заключилъ союзъ съ Францискомъ, но не успѣлъ онъ это сдѣлать, какъ Францискъ неожиданно для всѣхъ (даже для победителей) потерпѣлъ страшное пораженіе при Павії (24 Февраля 1525 года); французская армія была разгромлена, король попалъ въ плѣнъ къ императору Карлу и былъ отвезенъ тотчасъ же въ Мадридъ. Италия вся была въ рукахъ Карла; въ Миланѣ водворился Франческо Сфорца, союзникъ императора. Одиннадцать мѣсяцевъ Карль держалъ короля Франциска въ плѣну, все желая получить отъ этого какія-нибудь особенные выгоды; наконецъ, когда Францискъ такъ заболѣлъ, что жизни его стала грозить опасность, императоръ заключилъ съ своимъ плѣнникомъ миръ. По этому миру, между прочимъ, Францискъ обязывался никогда не вмѣшиваться въ итальянскія дѣла. Разумѣется, едва попавши на свободу, онъ объявилъ договоръ вынужденнымъ и не имѣющимъ ни малѣйшаго значенія, и тотчасъ же образовалъ союзъ съ папою Климентомъ VII, Венеціей, Флоренціей, Генрихомъ англійскимъ,—съ цѣлью изгнанія испанскихъ войскъ императора съ Апеннинскаго полуострова. Война 1526—1572 г.г. ознаменована двукратнымъ и, лѣйтвительно, зл-

дѣйскимъ избѣніемъ жителей города Рима войсками императора и его союзниковъ: ихъ подвергали пыткамъ и затѣмъ квалифицированнымъ казнямъ, а имущество солдаты забирали себѣ. Подобная же событія совершились и въ другихъ мѣстахъ. Папа Климентъ VII попалъ въ плѣнъ къ одной изъ такихъ разбойничавшихъ въ Римѣ солдатскихъ ордъ. Плѣнъ папы далъ поводъ къ оживленію борьбы союзниковъ противъ Карла, непомѣрного усиленія которого они всегда боялись. Соединенная англо-французская армія съ швейцарцами (также опасавшимися испанского владычества) одержала нѣсколько побѣдъ, освободила папу, правда хитростью, а не силою,— и заняла весь сѣверъ Италии. Къ страшной безпрерывной войнѣ, прибавилась чума, уже давно спорадическими случаями посещавшая Италію. Чума эта опустошила кадры союзной арміи,— унесла она много жертвъ и въ императорской. Общее истощеніе привело къ заключенію между всѣми воюющими мира въ Камбрѣ, въ 1529 году. Собственно, къ Италіи относятся слѣдующіе пункты мирнаго договора: 1) онъ призналъ за Карломъ титулъ „короля Италіи“; 2) отдать ему все Неаполитанское королевство; 3) императоръ обязанъ отдать флорентійскій престолъ Александру Медичи (сыну самого папы Клиmentа VII); 4) герцогство Миланское отдается Франческо Сфорцѣ. Нѣсколько второстепенныхъ пунктовъ опредѣляли территоріальное разграничение Флоренціи, Венеціи, Милана, Церковной области, Неаполя. Миръ въ Камбрѣ далъ нѣкоторый роздыхъ несчастному полуострову. Съ этого только времени итальянцы начали знакомиться со всѣмъ, что произошло въ Европѣ за послѣднія двѣнадцать лѣтъ; а съ 1517 года въ Европѣ не прекращалось, но росло не по днямъ, а по часамъ, колоссальное реформаціонное движеніе.

III.

Начало XVI столѣтія дало Италіи трехъ замѣчательныхъ литературно-научныхъ дѣятелей, вокругъ которыхъ группируются уже болѣе мелкія величины. Въ общей исторіи Италіи нѣть возможности останавливаться даже надъ такими грандіозными фигурами въ исторіи искусствъ, какъ Леонардо да-Винчи, Рафаэль,

Микель—Анджело, какъ всѣ ихъ замѣчательные предшественники и послѣдователи. Но о названныхъ трехъ писателяхъ, сыгравшихъ въ исторіи итальянской культуры слишкомъ ужъ выдающуюся роль, упомянуть совершенно необходимо. Философъ Помпониацци, историкъ Гвиччардини и политической мыслитель Маккіавелли, особенно, два послѣднихъ были извѣстны, можно сказать, всѣмъ безъ исключенія образованнымъ людямъ Европы; Маккіавелли считался въ продолженіе двухъ столѣтій одною изъ настольныхъ книгъ для государственныхъ людей (XVI—XVII вв.), но эти люди интересны не только въ качествѣ наиболѣе выдающихся и яркихъ литературныхъ знаменитостей, внесшихъ свое новое содержаніе въ умственную культуру Италии; они важны для историка еще и какъ характерные представители современной имъ дѣйствительности, отложившей на нихъ явный свой отпечатокъ.

Пьетро Помпониацци былъ профессоромъ философіи въ болонскомъ университѣтѣ до самой своей смерти, т. е. до 1525 года. Это былъ уже въ полномъ смыслѣ раціоналистъ и скептикъ; въ надѣлавшемъ чрезвычайно много шума трактатѣ онъ категорически отвергъ бессмертіе души, обставивши это свое утвержденіе многочисленными философскими аргументами и полемизируя съ ученіемъ церкви и всѣхъ его поборниковъ. Любопытно, что папа Левъ X, при которомъ появился трактатъ, чрезвычайно имъ заинтересовался, но исключительно съ любительской, такъ сказать, точки зренія. Онъ немедленно устроилъ печатный диспутъ между Помпониацци и придворнымъ своимъ философомъ Нибо. Диспутъ, конечно, ни къ какимъ результатамъ не привелъ, но Помпониацци никто не тронулъ, п онъ остался до конца дней своихъ весьма спокойно на своей болонской каѳедрѣ. Помпониацци отвергалъ также и чудеса, вѣру въ вѣдѣмъ и пр., и все это дѣлалъ въ самыхъ прямыхъ, точныхъ и ясныхъ выраженіяхъ. Философа онъ считалъ избраннымъ и счастливымъ человѣкомъ уже по тому одному, что онъ стремится ~~знать~~ истину, и вмѣстѣ съ тѣмъ называлъ участъ его несчастною, ибо „очень часто когда философъ истину найдетъ,—ближніе обрушиваются на него, — начинаютъ его терзать и мучить“. Тутъ Помпониацци какъ бы прозрѣваетъ судьбу Джордано Бруно и Ванини;

самъ онъ оть гоненій, какъ уже сказано, не страдалъ. Незамѣнимый для историка интересъ представляеть чтеніе не изложеній, но подлиннаго текста трактатовъ Помпонаціи: тонъ его произведеній всегда живой, страстный, ироническій тамъ, гдѣ онъ polemizirustъ съ традиціей, и грустный, тревожный тамъ, гдѣ онъ пытается поставить что нибудь на мѣстѣ ниспровергнутаго догмата. Это — характернѣйшій типъ человѣка своей эпохи, когда моральное удовлѣтвореніе выпадало на долю либо нашедшихъ свой идеаль послѣдователей Савонаролы, и имъ подобныхъ людей, не утратившихъ религіозной вѣры, либо на долю такихъ (по темпераменту) чистѣйшихъ эпикурейцевъ, какъ папа Левъ X, кардиналь-гуманистъ Бембо и т. д. Люди же въ родѣ философа конца XV вѣка — Пико д'Альба или Пьетро Помпонаціи, могли или обратиться въ концѣ жизни къ религіи (какъ сдѣлалъ Пико), или остаться, по автобіографическому выраженію Помпонаціи, „въ печальному разлумѣ“. Это „печальное разлумѣ“ и дѣлаеть его послѣдніе трактаты такими интересными и глубокими. У Помпонаціи было вѣсма много слушателей и почитателей; въ его аудиторії сходились юноши и англійскаго, и французскаго, и нѣмецкаго происхожденія, и они разносili повсюду его славу. Счастливая судьба Помпонаціи дала ему родиться, жить и умереть въ такое время, когда въ Италии царила полнѣйшая религіозная терпимость. Уже когда онъ умиралъ, раздавались злобные голоса его полемистовъ о „нечестивомъ проповѣднике“ и желательныхъ мѣроопріятіяхъ по его поводу; уже давали себя чувствовать первые годы реформаціи... Но вѣчныя войны на полуостровѣ мѣшали клиру со- средоточить свое вниманіе на неблагонамѣренномъ ученіи болонскаго профессора и, вообще, на борбѣ съ новыми, антикатолическими вѣяніями. Въ 1525 году умеръ Помпонаціи, въ 1529 году былъ заключенъ общій миръ въ Камбрэ, и съ того же времени начинается энергичная католическая реакція, сжигавшая на костре людей за гораздо меньшую смѣлость въ выраженіи своихъ мнѣній, нежели та, которая проникаетъ всѣ произведенія Помпонаціи. Для общаго состоянія умственной атмосферы того времени вѣсма характерно, что этотъ смѣлый отрицатель, послѣдовательный раціона-

листь, тонкий скептикъ и ядовитый критикъ ученій римской церкви, самъ свято вѣрилъ въ астрологію и всѣ ея тогдашнія выдумки. Помпониацци читался не только въ первой четверти XVI столѣтія, но и гораздо позже: изданія его трактатовъ становятся рѣже лишь къ началу XVII вѣка. Традиція философскаго скептицизма, начатая въ Италии еще въ XIII — XIV вв. переводами Аверроэса, была поддержана Помпониацци, — а уже въ концѣ XVI и началѣ XVII вв. воспринята и развита Джирардано Бруно и Ванини (о которыхъ будетъ рѣчь въ концѣ настоящей главы).

Маккіавелли въ исторіи политическихъ ученій занимаетъ еще болѣе выдающееся мѣсто, нежели Помпониацци въ исторіи философіи. Въ своемъ трактатѣ о „Государѣ“ онъ даетъ цѣлый рядъ тезисовъ практической политики, какъ она понималась государственными людьми въ его время и какъ, въ значительной степени, продолжаетъ пониматься и до нашихъ дней. При Козимо Медичи Маккіавелли находился въ рядахъ флорентійской республиканской оппозиціи; аристократія, враждебная Медичи и называвшая себя опорою республиканской партіи, возвела его въ санъ государственного секретаря. Послѣ паденія Медичи, въ особенности же послѣ конца демократического и теократического правленія Савонаролы, Маккіавелли много разъ посѣщалъ итальянскіе и сѣверные дворы (напр. французскій), исполняя дипломатическія порученія флорентійскаго правительства. Съ 1499 г. не проходитъ года, чтобы онъ не побывалъ у какого-нибудь изъ соѣдніихъ правительствъ съ предложеніями союза, торговаго договора, совмѣстныхъ тайныхъ или явныхъ интригъ противъ общаго врага и т. д. При возстановленіи правленія Медичи Маккіавелли сохранилъ свое положеніе, ибо его цѣнили какъ изумительно ловкаго и хитрого дипломата; Флоренція уже тогда гордилась имъ. Нравственною неразборчивостью и неопрятностью изумить современниковъ и соотечественниковъ Цезаря Борджіа было затруднительно, а ловкостью и умомъ Маккіавелли превосходилъ всѣхъ своихъ контрагентовъ (кромѣ, развѣ, Фердинанда Католика), такъ что въ Италии онъ пользовался еще до выхода въ свѣтъ его сочиненій весьма почетною извѣстностью. Въ 1512 году Маккіавелли былъ посаженъ въ тюрьму правительствомъ

Медичи, подозрѣвавшимъ его въ измѣнѣ интересамъ династіи, и подвергнуть страшнымъ истязаніямъ. Отъ казни ему, впрочемъ, удалось спастись, но съ этого времени и вплоть до 1519 года онъ исчезаетъ съ политической арены. За эти шесть лѣтъ онъ и предался литературной дѣятельности, обезсмертившей его имя. Съ 1519 года опять началась его государственная служба и возобновились дипломатическіе разѣзды, но уже прежней роли онъ до конца жизни не игралъ. Въ своихъ сочиненіяхъ Маккіавелли является и политическимъ, и историческимъ писателемъ. Какъ публицистъ онъ считается идеаломъ сильную государственную власть, находящуюся въ рукахъ тѣсно сплоченной, одаренной политическимъ смысломъ олигархіи. Венецію онъ не перестаетъ ставить въ примѣръ всѣмъ современнымъ ему государствамъ; нѣсколько насилия историческую правду, онъ описываетъ также древній Римъ, какъ совершенное подобіе Венеціи, — и не перестаетъ восторгаться твердой, дальновидной, эгоистической и зрѣло-продуманной политикою римскаго сената. Въ римской исторіи онъ не видитъ ни единаго пятнышка, внутренняя нестроенія и смуты обходить молчаниемъ или говорить о нихъ бѣгло, мелькомъ. Кореннымъ зломъ, угнетающимъ Италию, онъ считаетъ ея расчененіе, а главною причиною этого зла — существование свѣтской власти папы. Но ему представляется возможнымъ мечтать не только объ объединеніи Италии, но и объ ея могуществѣ, удачной завоевательной политикѣ: онъ не перестаетъ напоминать итальянцамъ, что ихъ предки, благодаря, какъ онъ думаетъ, единству и подчиненію сенатской олигархіи завоевали и Испанію, и Францію и всѣ тѣ страны, которыя теперь, въ его эпоху, давятъ и расчленяютъ Италию. Въ книгѣ о „Государѣ“ Маккіавелли, повидимому, и имѣть въ виду дать рядъ практическихъ совѣтовъ такому итальянскому властителю, который окажется способнымъ ихъ осуществить и этимъ путемъ объединить расчененную страну. Всѣ средства одобряются авторомъ, если только они ведутъ къ зрѣло обдуманной и полезной для величія государства цѣли. Беззастѣнчивость, угрозы, ложь, дѣятельная интрига, обольщеніе, ласки — все это должно пускаться въ ходъ государемъ, желающимъ своего возвышенія. „Толпу“ онъ

совѣтуетъ держать въ рукахъ также всѣми безъ исключенія средстами, какія только возможны и находятся подъ рукою. Эгоизмъ государя и интересы государства сливаются для Маккіавеллі во едино, и вотъ почему циничнѣйшія страницы трактата не производятъ такого отталкивающаго впечатлѣнія, какое, казалось бы, можно было ожидать. Книга Маккіавеллі сдѣлалась настольною при всѣхъ современныхъ ему европейскихъ дворахъ, — и, вообще, не переставала быть библіей политической мудрости для многихъ поколѣній государственныхъ людей; только въ XVIII столѣтіи перестали ее такъ усердно читать, ибо въ эту эпоху просвѣщенаго абсолютизма, совѣты Маккіавеллі, вполнѣ подходившіе къ правительственныйй практикѣ всѣхъ странъ Европы, слишкомъ противорѣчили сентиментальному теоріямъ и формуламъ, бывшимъ въ большомъ ходу. Многіе историки литературы склонны были видѣть въ „Государѣ“ злую сатиру на современные автору правительственные нравы; другіе полагали, что трактатъ написанъ съ цѣлью угодить монархической партії Медичи и вернуть его автора къ дѣламъ (послѣ немилости и опалы). Но каковы бы ни были мотивы изданія этого трактата, нельзя не замѣтить, что онъ пришелся удивительно ко двору и въ свое время и въ теченіе цѣлаго ряда поколѣній. При безгласномъ рабствѣ всего итальянскаго народа подъ владычествомъ испанцевъ и домашнихъ деспотовъ, ученіе Маккіавеллі вскорѣ сдѣлалось практическимъ руководствомъ такъ называемаго *patriarchalnago* управления, т. е. самаго полнаго деспотизма внутри государства и алчной, мелкой, узко-своекорыстной политики во внѣшнихъ сношеніяхъ. Обихъ государственно-правовыхъ соображеній послѣдователи Маккіавеллі не знали и не понимали; мысль о сплоченіи Италіи въ единое государство не произвела никакого впечатлѣнія. Въ XIX столѣтіи только научно заинтересовались флорентійскимъ мыслителемъ и подвергли его трактаты всестороннему анализу; а до тѣхъ поръ этого сдѣлано не было. Маккіавеллі между многимъ прочимъ написалъ также „Історію Флоренціи“, чрезвычайно интересную работу, имѣющую цѣлью показать, что демократія всегда вела государство къ упадку и разоренію.

Впрочемъ, та же Флоренція выставила другого историка, обла-

давшаго блестящимъ литературнымъ талантомъ и въ политическихъ сужденияхъ своихъ склонявшагося къ монархіи Медичи, поддерживаемой демократами. Франческо Гвиччіардини (род. въ 1482 г.), подобно Маккіавелли, служилъ по дипломатическому вѣдомству, перезнакомился во время своихъ поездокъ со многими итальянскими государями и перешелъ (въ 1516 г.) на службу къ папѣ Льву X, который назначилъ ему въ управление Модену, Парму и Реджіо. Послѣ смерти Льва X онъ лишился этой прибыльной должности и вернулся во Флоренцію. Гвиччіардини гораздо больше мемуаристъ, нежели историкъ: онъ водитъ своеобразный исторический дневникъ за все время иностранныхъ нашествій отъ первого похода Карла X, въ 1494 году до 1525 года. „Исторія Флоренціи“ написана Гвиччіардини прекраснымъ легкимъ языкомъ, хотя по временамъ авторъ и склоненъ къ болтливости; за вычетомъ флорентійского патріотизма его не одолѣваютъ никакія особенно мѣшающія историку пристрастія. Суждения его довольно мелки и тривіальны; моральные оценки, въ которыхъ онъ любить пускаться, — безвкусны и плоски; вообще, особой глубины ума онъ не обнаружилъ. Но какъ первоисточникъ для современной ему исторіи, какъ памятникъ замѣчательной итальянской исторической прозы, книга Гвиччіардини никогда не потеряетъ своего значенія. На исторію своего города онъ смотрить все же менѣе пессимистично, нежели Маккіавелли, по-видимому, не ожидавшій уже отъ Флоренціи „ничего доблестнаго и великаго“.

IV.

Вся исторія Флоренціи въ XVI и слѣдующихъ столѣтіяхъ слишкомъ достаточно показала, насколько былъ правъ въ своихъ приговорахъ величайшій государственный человѣкъ этого города. Послѣ мира въ 1529 году, одна только Флоренція не сумѣла покориться общей участіи, и не имѣя ровно никакой возможности, лѣйтвительно, отстоять свою независимость противъ папы Климента VІ, императора Карла V и ихъ ставленника, сына папы, Александра

Меличи, тѣмъ не менѣе начали борьбу, приведшую къ ея полному разоренію и политической смерти, ибо съ тѣхъ поръ Флоренція уже никогда больше никакой самостоятельной роли не играла.

Коренная бѣла Флоренціи заключалась въ ея глубочайшемъ, поразительномъ новѣжествѣ, необычномъ даже для тѣхъ временъ: флорентійцы понятія не имѣли, несмотря на многочисленныя военные экзекуціи послѣднихъ тридцати лѣтъ, объ истинномъ могуществѣ своихъ враговъ. Они думали все о воскрешеніи временъ Савонаролы, ожидая отъ этого всякихъ благъ и забывая, что даже и при Савонародѣ имъ не приходилось отбиваться ни отъ одной крупной арміи, а только отъ болѣе слабыхъ сосѣдей. Поставивши себѣ цѣлью вернуть времена Савонаролы, снова пробудить подъемъ духа и этимъ подъемомъ духа отразить враговъ, флорентійцы вручили власть главному представителю духовной партіи или такъ называемой партіи „плаксъ“ (*piagnoni*), нѣкоему Кардуччи: затѣмъ начались проповѣди изступленныхъ и иногда совершенно полуумныхъ монаховъ и прорицателей, и флорентійцы по предложенію одного изъ нихъ провозгласили флорентійскимъ королемъ Иисуса Христа; третьею мѣрою національной обороны была отдача всей арміи подъ начальство кондотьера и разбойника Малатесты Бальоне, репутація которого даже для тѣхъ несприятливыхъ временъ была ужасна; въ частности, онъ прославился многочисленными измѣнами всѣмъ своимъ нанимателямъ. Испанскія и итальянскія войска Карла V подступили къ городу; одинъ молодой и храбрый республиканецъ Франческо Ферручи нѣсколько разъ дѣлалъ попытки путемъ внезапныхъ вылазокъ отогнать осаждающихъ,— но Бальоне въ рѣшителій моментъ измѣнилъ — и Флоренція сдалась. Въ ней воцарился Александръ Медичи, всѣ выдающиеся члены республиканской партіи были казнены или изгнаны, а въ слѣдующемъ (1531) году была уничтожена сеньорія, всѣ старыя учрежденія, которыхъ не касались въ предшествующемъ столѣтіи ни Козимо, ни Лаврентій Медичи. Наслѣдственная и неограниченная власть была вручена Александру Медичи, а вокругъ него группировался „сенатъ“ отчасти назначавшійся, отчасти выбиравшійся изъ 48 человѣкъ. Но сенатъ, конечно, ни малѣйшей роли не игралъ. Болонья, Амальфи— почти всѣ города Тосканы попали

во владѣніе Карла V. Деспотизмъ императора былъ такъ ощущительенъ, политическое равновѣсіе на полуостровѣ такъ нарушено, что Климентъ VII уже началъ интриговать противъ своего могущественнаго друга, котораго онъ всегда побаивался. Но въ 1534 г. онъ умеръ и папою сталъ Павелъ III, еще въ большей мѣрѣ, нежели Адріанъ III, представлявшій собою типъ первосвященника послѣ-реформаціонной эпохи. Павелъ III былъ уже дѣйствительно и серьезно обеспокоенъ успѣхами реформаціи и реформаціонныхъ соктъ, вытѣснявшихъ католицизмъ на сѣверѣ Европы и пробиравшихся въ романскія земли. Онъ смотрѣлъ на свои обязанности тѣмъ широкимъ взглядомъ, какой былъ у Иннокентія III, и какого совсѣмъ недоставало обоять Медичи, занимавшимъ папскій престолъ: Льву X, и Клименту VII. Павелъ III смотрѣлъ на себя не какъ на итальянскаго владѣтеля, связаннаго разнообразными, но всегда довольно мелкими и переходящими интересами со своими сосѣдями, а какъ на главу угрожаемой міровой религіи, для которой настало время думать о самосохраненіи. Рядомъ энергичныхъ и суровыхъ мѣръ онъ очистилъ высшій клиръ отъ тѣхъ лицъ, которымъ тамъ вовсе было не мѣсто по ихъ правамъ и репутаціи; строго выбиралъ кандидатовъ на духовные посты, давалъ имъ точныя и подробныя инструкціи, и всѣми дѣйствіями своими обнаруживалъ, что интересы поддержки католицизма стоять у него на первомъ планѣ. Особенно это проявилось въ его виѣшней политикѣ. Когда опять начались враждебныя дѣйствія между виѣчными врагами—императоромъ Карломъ V и королемъ Францискомъ, онъ (въ 1538 г.) помирилъ обоихъ государей, хотя могъ бы извлечь для церковной области пользу изъ ихъ ссоры, и направилъ ихъ усилия на общую войну противъ турокъ, какъ враговъ христіанства. Впрочемъ, съ турками бороться пришлось преимущественно одному только Карлу V. Что касается до Флоренціи, то для нея папа ничего сдѣлать не могъ. Александръ Медичи продѣлывалъ тамъ вещи, предъ которыми не останавливался въ XVI вѣкѣ разве только Иванъ Грозный,—и въ первые дни 1537 года герцогъ былъ убитъ. Но избавиться отъ власти семьи Медичи Флоренція этимъ не могла, тѣмъ болѣе, что и убийство произошло не на политической, а на романнической почвѣ.

На престолѣ возварился Козимо Медичи, несмотря на попытку республиканцевъ учредить республику. Наша съ неодобрениемъ смотрѣла на правленіе Медичи, но они были во Флоренціи слишкомъ сильны и партія *piagnoni* не смѣла даже роптать, боясь тюремы и казни. Императоръ Карлъ V желѣзною рукою правилъ неаполитанскимъ королевствомъ, Ломбардію и отдѣльными городами (Луккою, Сіеной и т. д.), принадлежавшими ему въ остальной Италии. всякая тѣнь самостоятельности городовъ была погашена совершенно, и военное управление намѣстниковъ водворило относительную тишину и спокойствіе въ этихъ многострадальныхъ частяхъ полуострова. Вообще, самодержавный режимъ сдѣлалъ въ Италии XVI вѣка огромные успѣхи именно подъ вліяніемъ императора Карла V, самого могущественнаго итальянскаго государя, считавшагося для Козимо II Медичи флорентійскаго и для другихъ мелкихъ державцевъ недосыгаемымъ идеаломъ величія. Этотъ политическій режимъ такъ и держался въ полной неприкосновенности до средины XIX столѣтія, и все слабыя попытки, предпринимавшіяся за триста лѣтъ отъ эпохи императора Карла V до эпохи еще живущаго въ настоящее время императора Франца-Іосифа, — оказывались безнадежными и безсильными измѣнить режимъ, вкравшійся въ итальянскую жизнь въ XIV—XV вв., и укрѣпленный окончательно владычествомъ Карла V. Единственный болѣе или менѣе крупный и самостоятельный владѣтель — папа никакъ не могъ и не хотѣлъ ссориться съ императоромъ, потому что борьба съ реформаціей на всемъ континентѣ Европы, въ особенности же въ Германіи, была немыслима безъ содѣйствія Карла. Поэтому, напримѣръ, когда открылся въ 1545 году знаменитый тридентскій соборъ, то папа все силы своего авторитета употребилъ на то, чтобы потушить всякия неудовольствія противъ Испаніи, ибо помочь императора въ начинавшемся трудномъ дѣлѣ католического возрожденія казалась ему слишкомъ драгоценной. Въ 1547 году въ Сіенѣ, въ Неаполѣ и кое-гдѣ въ Тосканѣ (кромѣ Сіены) были попытки вооруженныхъ воссталій противъ испанскаго владычества, но императорскіе намѣстники задушили броженіе въ самомъ зародышѣ. Въ Генуѣ Джованни Фіеско съ нѣсколькими заговорщиками убилъ попавшаго въ ихъ руки племянника губернатора

Доріа, но совершенно случайно упалъ въ море, поскользнувшись на одномъ корабельномъ трапѣ, и утонулъ; заговоръ не удался, такимъ образомъ, еще раньше, нежели его участники столкнулись съ войсками. Отношения между папою и испанцами ухудшились лишь въ послѣдніе годы понтификата Павла III, но исключительно вслѣдствіе слишкомъ ужь безцеремоннаго хояйничанья намѣстниковъ Карла на полуостровѣ и захвата ими чужихъ земель; но смерть Павла III въ 1549 году и восшествіе на папскій престолъ Юлія III избавили Карла даже отъ тѣхъ неопасныхъ для него претензій папскаго двора, которыя начали было проскальзывать. Въ 1555 г. старый императоръ отказался отъ престола, и тогда же умеръ безцвѣтный Юлій III. Новый папа Павелъ IV, восьмидесятилѣтній старики, пережившій личными впечатлѣніями всю исторію Италии отъ временъ Савонаролы, съ неожиданной энергией принялся за дѣло эманципації полуострова изъ подъ испанскаго ига. Его прямая враждебная дѣятельность противъ наслѣдника Карла, короля Филиппа II, не заставили себя ждать. Карлъ передалъ Филиппу Неаполь, Сицилію, миланское герцогство и разбросанныя въ разныхъ частяхъ полуострова большія помѣстья, Павелъ IV, съ жаромъ продолжавшій дѣло католического возрожденія, считалъ совершенно необходимымъ оградить независимость церковной области отъ всевозможныхъ посягательствъ Испаніи. Для этой цѣли онъ заключилъ союзъ съ французскимъ королемъ Генрихомъ II, и началъ войну противъ Филиппа. Но съ Испаніей справиться было слишкомъ еще трудно, и войско Филиппа оборонялось чрезвычайно ожесточенно на всѣхъ пунктахъ, где только Павлу IV удалось поднять противъ испанскаго владѣчества тайныхъ и явныхъ его враговъ. Папа прибегнулъ къ рѣшительному средству, чтобы заинтересовать французовъ въ войнѣ: онъ предложилъ родственнику Генриха II герцогу Гизу неаполитанскій престолъ, который требовалось отнять у испанцевъ. Однако французы были разбиты Альбою и другими полководцами Филиппа II, которому весьма удобно было нападать на французовъ въ двухъ мѣстахъ: со стороны испанскихъ Нидерландовъ и со стороны Ломбардіи. Наконецъ, и римское населеніе подъ вліяніемъ враждебной папы фамилии Колонна обнаруживало несомнѣн-

ную свою готовность передаться на сторону Испаніи. Оставалось, пока еще не поздно, помириться съ могущественнымъ врагомъ. Въ 1559 году въ Като-Камбрези былъ заключенъ миръ. Сиenna и Пьяченца отошли къ Флоренціи, савойскій герцогъ получилъ кое-какія прилегающія къ его землѣ владѣнія въ Ломбардіи; Миланъ, принадлежавшій Филиппу II, былъ окончательно поставленъ подъ верховный протекторатъ германскаго императора: такъ что даже въ случаѣ изгнанія оттуда испанцевъ, все равно, австрійская имперія могла всегда предъявить на все герцогство свои права. Римской церкви и ея руководителямъ приходилось все больше и больше привыкать къ мысли, что чисто политическая роль папства уже невозможна, что единственное дѣло, которое они могутъ дѣлать съ надеждою на успѣхъ — это борьба съ реформацией и поддержка римско-католическихъ догматовъ. Вторая половина XVI вѣка прошла для Италии однообразно: полнѣйшее безмолвіе царило въ испанскихъ владѣніяхъ Филиппа, во Флоренціи у Медичи, въ обнищавшей Венеціи, въ папскомъ Римѣ. Только мелкія сосѣдскія ссоры и драки нарушали эту монотонную тишину.

Самый полный деспотизмъ царилъ на всмѣ протяженіи владѣній Испаніи. Губернаторы имѣли почти неограниченную власть надъ жизнью и смертью подданныхъ, назначали и собирали налоги, вели даже сосѣдскія войны, и сравнительно рѣдко обращались за инструкціями въ Мадридъ. Страны они не знали, а законовъ итальянскихъ не вѣдали и сами аборигены, ибо при постоянной смѣнѣ одного режима другимъ, при безпрерывныхъ войнахъ XII—XVI вв. всевозможныя уложенія и статуты были перепутаны до послѣдней степени вѣроятія. Въ Миланѣ еще было то, что отсутствовало въ другихъ испанскихъ владѣніяхъ: существовалъ, со временемъ Карла V, небольшой наследственный сенатъ, состоявшій изъ главныхъ представителей знати и имѣвшій совѣщательный голосъ при губернаторѣ; но и сенатъ этотъ никакого значенія, конечно, не имѣлъ. Налоги на земледѣльческомъ и городскомъ классахъ висѣли тяжкимъ бременемъ, доводившимъ страну до безнадежнаго разоренія: всѣ собираемыя деньги отчасти шли на содержаніе губернаторовъ, отчасти же на корабляхъ перевозились въ Испанію и удовлетворяли

потребностямъ военной политики Филиппа II, ведшаго постоянныя кампаниі въ обоихъ полушаріяхъ. Одинъ лѣтописецъ XVIII столѣтія говоритъ: „не было ни лома, ни человѣка, ничего — изъятаго отъ бремени податей; не было такой вещи, какъ бы она мала и незначительна ни была, ничего, относящагося къ продовольствію, одѣждѣ, жилищу, — что не подверглось бы непосильному обложенію“. Города, селенія, частныя лица входили въ безнадежные долги, банкротились, нищали подъ бременемъ податей, до нелѣпости несопрѣзмѣренныхъ съ платежеспособностью населенія. Люди сами разоряли свои имѣнія и сносили дома, чтобы не быть принужденными уплачивать подати, превышавшія всякую доходность. Собранныя деньги, какъ сказано, шли исключительно на пользу Испаніи, которую итальянскіе хронографы тѣхъ временъ называютъ „вампиромъ, сосущимъ итальянскую кровь“. Одною рукою опустошая карманы населенія, испанскіе губернаторы другою рукою препятствовали всякому развитію торговли и промышленности. Они обложили такими ввозными пошлинами красящія вещества, что въ конецъ искоренили производство цветныхъ суконъ; запретили вывозить шелкъ — и торговля шелковыми матеріями пала. Торговцы хлѣбомъ, спиртными напитками, мельники, всѣ они были обязаны не отлучаться изъ своихъ мѣстъ, не расширять торговли, заводя філіальныя отдѣленія въ другихъ городахъ и т. д. При сравнительно маленькихъ размѣрахъ отдѣльныхъ земель, бывшихъ въ рукахъ Испаніи, у многихъ торговцевъ хлѣбомъ являлось иногда желаніе завести вывозную торговлю, но за это грозило ни болѣе, ни менѣе, какъ обезглавленіе. Контрабанда, разбой, причемъ разбойники держали на откупъ всю продажную испанскую администрацію, полное истощеніе и обезлюдѣніе страны, — вотъ какія явленія прочно укоренились на полуостровѣ лѣтъ невозбраннаго хохяиничанъ испанцевъ на Апеннинскомъ полуостровѣ. Еще во второй половинѣ XVI столѣтія въ Миланѣ было семьдесятъ суконныхъ мануфактуръ; черезъ 30—35 лѣтъ, къ 1616 году, изъ нихъ уцѣлѣло всего пятнадцать; въ 1611 году въ Кремонѣ было тысяча триста купцовъ, — а черезъ 37 лѣтъ, — около 1648 года ихъ насчитывалось лишь сорокъ четыре человѣка; населеніе Кремоны въ 1584 году равнялось сорока

шести тысячамъ душъ, а черезъ 80 лѣтъ низошло до тринадцати тысячъ; скромный и угодническій миланскій сенатъ жалуется, въ 1668 году, испанскому королю: „земледѣліе упало, житоли, въ ожиданіи лучшей участіи, убѣжали въ чужіе края; чрезмѣрные налоги убили торговлю; Павія, Александрія, Тортоне, Новара, Виджевано представляютъ собою печальную пустыню и развалины; даже хлѣба недостаетъ гражданамъ“. Но мадридское правительство никакого вниманія на всѣ эти жалобы и представленія не обращало. Любопытно, что знать и въ неаполитанскомъ королевствѣ, и въ Ломбардіи, одна только изъ всѣхъ сословій общества не хирѣла, а, напротивъ, богатѣла при испанскомъ владычествѣ. О политическихъ притязаніяхъ аристократы давно уже забыли и думать, но испанцы освободили ихъ отъ гнета со стороны городской буржуазіи, и аристократія замѣтно богатѣла именно съ половины XVI вѣка. Нобили покупали огромныя земли у нищавшихъ горожанъ и крестьянъ, и на этихъ земляхъ жили маленькими царьками, никого не боясь и имѣя за собою поддержку всесильныхъ губернаторовъ, предъ которыми они самымъ раболѣпнымъ образомъ выказывали свою полную покорность. За то у себя дома, въ своихъ замкахъ и деревняхъ, они если не *de jure*, то *de facto* весьма часто возстановляли худшія, давно позабытыя стороны уже всюду въ Италии исчезнувшихъ феодальныхъ отношеній. Въ чисто политическомъ отношеніи это возрожденіе аристократизма ничуть не поколебало испанского владычества, такъ же, какъ не поколебало деспотизма Медичи во Флоренціи и другихъ князьковъ въ прочихъ мелкихъ государствахъ, потому что аристократія дружила съ властью и опиралась на нее; въ отношеніи гражданскихъ порядковъ, права и нравовъ общежитія это возрожденіе аристократизма отодвинуло Италію на нѣсколько столѣтій назадъ, въ тѣ времена, когда еще городская буржуазія начинала только свою борьбу за самостоятельность. Въ сущности, при рабской подчиненности испанскому владычеству, знатные сеньеры не стѣснялись сколько угодно разбогачивать надъ окрестнымъ населеніемъ, совершенно лишеннымъ возможности сопротивляться хоть съ какой-нибудь надеждою на успѣхъ. Правда, испанская власти, полагавшая свою государственную

задачу исключительно въ экономической эксплуатации страны, не препятствовали населению вооружаться и, где возможно, предпринимать правильные облавы противъ знатныхъ грабителей; въ 1663 году въ Ломбардіи были даже объщаны большія денежныя награды за ихъ головы. Можно себѣ представить, насколько такого sorta уголовное правосудіе могло способствовать правильной и спокойной жизни въ Италии. Въ Неаполѣ дѣло обстояло немногимъ лучше. Можно только замѣтить, что тутъ, въ неаполитанскомъ королевствѣ, при почти одинаковыхъ финансовыхъ и экономическихъ условіяхъ было гораздо меньше анархіи и больше правительственноаго воздействиія въ дѣлѣ защиты гражданъ отъ разбойниковъ. Были здѣсь времена отъ времени испанскіе намѣстники, которые не шутя принимались за упорядоченіе города и страны, за изгнаніе бандитовъ и т. д., но эти исключительные чиновники были рѣдки. Глубокое равнодушіе къ политическимъ и общественнымъ интересамъ, сильно сказывавшееся въ большинствѣ итальянскаго народа, еще въ XIV—XV вв., окончательно сдѣлалось самою характерною его чертою въ XVI—XVII столѣтіяхъ. Жадный интересъ обнаруживался только къ такимъ событиямъ, какъ въездъ или отъездъ губернатора, мелкія войны, предпринимавшіяся губернаторомъ противъ сосѣдей, и т. д. Необыкновенное любопытство возбуждали утонченѣйшія и всегда публичныя пытки и казни, чуть не ежедневно совершающіяся надъ бандитами, отравителями и другими уголовными преступниками до воровъ включительно: ихъ разрывали раскаленными щипцами, отрывали черезъ каждые три часа по кусочку тѣла, засѣкали розгами и плетьми, вѣшали за ноги, сдирали кожу ремнями и пр. Нужно сказать, что жестокость уголовныхъ наказаній въ Италии въ эти столѣтія далеко превзошла средневѣковыя, болѣе простыя и грубыя кары. Искусные палачи славились и превозносились; на казняхъ присутствовали и женщины высшаго класса, и множество дѣтей, которыхъ водили, чтобы внушать отвращеніе къ пороку. Въ Неаполитанскомъ королевствѣ и въ Ломбардіи правосудіе было организовано несолько болѣе сложно, чѣмъ въ не принадлежавшихъ Испаніи земляхъ — Тосканѣ, Церковной области. Въ первыхъ страахъ каждый округъ обладалъ (назначаемымъ) судомъ, решавшимъ

5*

дѣло въ первой инстанці; далѣе слѣдоваль апелляціонный судъ второй инстанці, и, наконецъ, судилище при намѣстникѣ („св. Клары“) для постановки окончательныхъ рѣшеній въ третьей и послѣдней инстанці, состоявшее изъ десяти итальянцевъ и пяти испанцевъ, непремѣнно подъ предсѣдательствомъ испанца. Впрочемъ, населеніе испанцамъ вѣрило больше, чѣмъ своимъ туземнымъ нобилямъ. Весьма часто нобили, напримѣръ, брали на откупъ сборъ податей, и населеніе тогда умоляло о присылкѣ изъ Мадрида ревизоровъ для изслѣдованія ихъ злоупотребленій и вымогательствъ.

Нужно сказать, что внѣшняя культура ширилась и росла въ это время въ Италии, но едва ли не въ одномъ только довольно узкомъ направлениі. Для богатыхъ людей удовольствія и развлечеснія становились все изящнѣе и разнообразнѣе. Театръ, пѣніе, музыка — все эти искусства процвѣтали въ Италии, и только въ ней одной. Тогда же распространилась та особая форма уличной жизни, которая потомъ (съ XVIII столѣтія) перешла во Францію и другія страны Европы. Кофейни, кафэ-концерты, открытые помѣщенія для закусыванія, сады, гдѣ подавался перешедшій изъ Испаніи (въ XVII вѣкѣ) шоколадъ, — все это поражало путешественника, прибывающаго съ сѣвера и создавало нищей и разоренной Италии репутацію страны легкихъ и изящныхъ удовольствій, страны искусствъ и веселой жизни. Обиліе проститутоокъ, въ особенности, привлекало „форестьеровъ“, которые уже тогда, съ XVII столѣтія, становятся весьма замѣтны во Флоренціи, Римѣ, Неаполѣ, Болоньѣ, меныше въ Венеціи и грязной Генуѣ. Красота итальянскихъ женщинъ и страшно возросшее число публичныхъ домовъ создали своеобразную репутацію Италии, которая еще такъ недавно, въ XIV, XV, даже въ началѣ XVI столѣтія славилась, какъ страна лучшихъ университетовъ и самой богатой литературы. Впрочемъ, литература и все умственное движеніе, столь пышно начатое въ эпоху Ренессанса, со второй половины XVI столѣтія, замерло, какъ бы придавленное католической реакцией.

V.

Замѣчательно, что и въ эти монотонно тянувшіяся столѣтія (XVI—XVII), въ это время чужеземнаго владычества, глубочайшаго политическаго ничтожества, полнаго экономическаго упадка, спорадически появлялись весьма крупныя литературныя величины, но дѣятельность ихъ не давала въ результатѣ ни общей школы, ни отдельныхъ крупныхъ направлений, запечатленныхъ общую мыслью, общими, руководящими тенденціями. Только поэтому литература въ Италии XVI — XVII вв. представляется такою бѣдою и скучною сравнительно съ эпохой Ренессанса.

Освободительная тенденція Ренессанса, перейдя во Францію, въ Голландію, въ Германію, въ Англію, въ самой Италіи почти совсѣмъ зачахла. Два свободныхъ мыслителя — Джордано Бруно и Ванини — почти всю свою жизнь провели въ предѣловъ родины, и литературная дѣятельность ихъ вліяла на Францію, Англію, Германію гораздо больше, нежели на итальянскую литературу. Впрочемъ, сначала нужно сказать нѣсколько словъ о самомъ выдающемся поэте Италіи въ XVI вѣкѣ.

Торквато Тассо (1541—1595) первый въ Европѣ началъ ту поэтическую идеализацію крестовыхъ походовъ, которая впослѣдствіи составила столь замѣтное содержаніе романтизма. „Освобожденный Іерусалимъ“ не блещетъ, въ сущности, никакими особыми достоинствами, но пройти его молчаніемъ нельзя, принимая во вниманіе огромное распространеніе этой поэмы въ Италіи, гдѣ даже уличные пѣвцы перекладывали на музыку и распѣвали отдельныя ея строфы. Аристократическій, монархическій и клерикальный духъ проникаетъ всѣ его произведенія. Его даже подозревали въ религіозномъ помѣшательствѣ, и его покровитель герцогъ Феррарскій Альфонсъ даже заключилъ его въ госпиталь св. Анны, руководствуясь, впрочемъ, повидимому, чисто личными соображеніями. Религіозное чувство Тассо было до такой степени живо и сильно, что онъ себя считалъ величайшимъ грѣшникомъ только потому, что иногда его посѣщали (въ молодости) религіозныя сомнѣнія. Сущ-

ствование его началось черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ основанія іезуитскаго ордена, а оборвалось въ 1595 году, въ самый разгаръ свирѣпствовавшей въ Италии и Испаніи католической реакціи. Духъ эпохи остался на его произведеніяхъ, но отразился на нихъ не протестомъ, а, такъ сказать, общею придавленностью, угнетенностью мысли, трепетнымъ и благоговѣйнымъ преклоненіемъ предъ католицизмомъ. Въ пять лѣтъ „Освобожденный Іерусалимъ“ разошелся въ количествѣ двадцати изданій. Тассо читали и заучивали наизусть, какъ человѣка, которому удалось опоэтизировать суровую и непреклонную религіозную борьбу, похожую на ту, какая велась въ XVI вѣкѣ противъ реформаціи. Іерусалимъ, освобождаемый отъ невѣрныхъ, и римская церковь, спасаемая отъ лютеранъ и кальвинистовъ, сливались для современниковъ поэта въ одно величавое представлѣніе; когда католическая реакція ослабѣла, уже въ концѣ XVII столѣтія, даже итальянцы не могли понять впечатлѣнія, произведенаго „Освобожденнымъ Іерусалимомъ“ на ихъ предковъ, а во Франціи онъ пересталъ читаться еще раньше.

Кромѣ Тассо было въ Италии XVI—XVII вв. около полутора десятка поэтовъ меньшого дарованія, не представляющихъ никакого общекультурного интереса. Гораздо характернѣе въ этомъ смыслѣ дѣятельность и судьба двухъ наиболѣе выдающихся итальянскихъ философовъ, изъ всѣхъ, жившихъ послѣ Помпониacci.

VI.

Въ Помпониacci мы видѣли послѣдовательнаго философскаго скептика и рационалиста, отвергавшаго всѣ религіозные догматы, вѣру въ чудеса и т. д. Онъ умеръ совершенно спокойно, въ 1525 г., почитаемый своими товарищами-профессорами, пользуясь благосклонностью папскаго двора. Но начавшаяся и усилившаяся вскорѣ послѣ его смерти католическая реакція заставила забыть объ его ученіяхъ; сжигались люди, не обладавшіе и сотой долею смѣлости Помпониacci, всякое проявленіе мало-мальски отступающей отъ догмата мысли сурово преслѣдовалось и каралось.

Только во второй половинѣ XVI и первой четверти XVII

столѣтія въ Италии одинъ за другимъ появились и погибли два мыслителя, принявшихъ литературное наследіе автора трактата „О бессмертіи души“. И Джордано Бруно, и Ванини, къ своему личному несчастью, обладая умственнаю смѣлостью Помпіонадці, жили уже въ несравненно менѣе терпимую эпоху, нежели времена ихъ общаго учителя. Но ихъ смерть на кострѣ какъ бы особенно упрочила и сдѣлала болѣе памятною традицію философскаго свободомыслия. Казнь Ванини, а, еще больше, Бруно всегда выдвигалась, какъ яркій примѣръ самой вопіющей нетерпимости и злодѣйской жестокости папскаго Рима.

Джордано Бруно (1550--1600) еще въ юные годы покинулъ доминиканскій монастырь, а вскорѣ затѣмъ и Италию, и отправился въ Женеву. Гнала его, повидимому, кромѣ неукротимой жажды свободы, еще и ненависть къ испанскому владычеству. Но кальвинистская Женева была во всѣхъ отношеніяхъ чрезвычайно сомнительною хранительницей свободы, и Бруно вскорѣ подвергся тамъ преслѣдованіямъ за слишкомъ рѣзкія и отрицательныя свои сужденія о христіанствѣ. Тогда для Бруно началась скитальческая жизнь, полная треволненій, впечатлѣній и постояннаго философскаго творчества. Онъ посѣтилъ Францію, Англію, гдѣ былъ принять въ высшемъ обществѣ, Германію, гдѣ около него образовался своего рода литературный клубъ, и всюду онъ обращалъ на себя всеобщее вниманіе своею богатѣйшею философскою эрудиціей, быстрымъ блестящимъ, оригинальнымъ и сильнымъ умомъ, смѣлостью и глубиною сужденій. Онъ съ глубочайшимъ почтеніемъ относился къ еретическимъ открытіямъ Коперника, и въ своемъ трактатѣ (подъ страннымъ заглавиемъ: „Торжествующее животное“) осыпаетъ самыми ядовитыми сарказмами католическую церковь; уже этихъ двухъ обстоятельствъ было бы достаточно, чтобы сдѣлать его ненавистнымъ для инквизиціи. Но Джордано Бруно, сверхъ того, выдвинулъ, цѣлую теорію о сущности міра, весьма фантастическую, однако, очень стройную и поставившую его въ глазахъ католического (особенно итальянского) клира въ ряды опасныхъ ересярховъ. Но для исторіи философскихъ учений система Бруно особыго интереса не представляетъ; она носить довольно рѣзко выра-

женный пантеистический характеръ и основана на предположеніи, что Божественный духъ проникаетъ все сущее, и что весь существующій міръ есть „Богъ въ численности“. Съ репутацией безбожника, атеиста, богохулителя, ересіарха, Джіордано Бруно путешествовалъ тѣмъ не менѣе безъ всякой особой помѣхи; но, со скучившись по родинѣ, онъ имѣлъ неосторожность вернуться въ Италию, поступилъ въ качествѣ воспитателя въ богатый домъ венецианскаго патриція Мочениго, былъ преданъ своимъ ученикамъ, отправленъ въ Римъ, гдѣ его нѣсколько лѣтъ продержали въ подгребѣ инквизиціонной тюрьмы и, наконецъ, сожгли (въ 1600-мъ году), напрасно добиваясь отъ него отреченія отъ „заблужденій“. Извѣстіе о его казни вызвало чрезвычайно большое волненіе въ Англіи и Германіи среди всѣхъ знатныхъ его и сильно оживило интересъ къ его ученіямъ. Но нѣкоторая смутность положительныхъ его идей обусловила тотъ фактъ, что и въ Европѣ, и въ Италии Джіордано Бруно гораздо болѣе былъ извѣстенъ, какъ критикъ и отрицатель католическихъ догматовъ и римской церковной политики, нежели какъ творецъ философской системы. Страдальческая кончина, повторяясь, упрочила навѣки его славу.

Въ еще большей мѣрѣ можно сказать о другомъ послѣдователѣ и продолжателѣ Помпонаціи — молодомъ философѣ Джуліо Ванини, что своею извѣстностью онъ обязанъ не столько своимъ произведеніямъ, сколько эшафоту. Родился онъ недалеко отъ Неаполя, въ 1585 году; первое воспитаніе получилъ въ Римѣ, гдѣ и увлекся до крайней степени ученіемъ Помпонаціи. Чтеніе Помпонаціи натолкнуло его на изученіе аверроизма, давно уже замершаго на итальянской почвѣ, но оставившаго по себѣ слѣдъ въ видѣ переводныхъ и оригиналныхъ трактатовъ въ книгохранилищахъ Рима, Флоренціи, Милана. Университетскій курсъ ему пришлось уже оканчивать въ Падуѣ, гдѣ особенно были живы помпонаціевскія традиціи, а послѣ университета, уже съ дипломомъ доктора гражданскаго и канонического права, онъ отправился путешествовать по Европѣ. Онъ, подобно Джіордано Бруно, посѣтилъ одну за другую почти всѣ страны Европы, но, въ то время какъ его соотечественнику больше всего по сердцу пришли Англія и Германія,

Ванини облюбовалъ Францію, куда и возвращался постоянно послѣ самыхъ разнообразныхъ экскурсій. Въ 1615 году онъ издалъ свой основной трактатъ подъ витіеватымъ названіемъ: „Театръ вѣчнаго провидѣнія“, а въ 1616 г. (въ Парижѣ) — второе и послѣднее сочиненіе „Діалоги“. Въ этихъ двухъ своихъ произведеніяхъ Ванини развиваетъ и иллюстрируетъ примѣрами мнѣнія о смертности души, обѣ отсутствіи чудесъ, о произвольности весьма многихъ римскихъ ученій. Онъ еще болѣе откровенный пантеистъ, нежели Джордано Бруно; существованіе видимаго міра онъ приписываетъ „богинѣ природѣ“, которой и поеть религіозные гимны. Что касается до чисто отрицательной части его ученій, то она сосредоточивается главнымъ образомъ въ критикѣ Бібліи, и рѣже, Евангелія. „Дѣти, рождающіяся слабоумными, весьма способны стать хорошими католиками“, читаемъ въ его діалогахъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „папа благословилъ святую воду и надѣлилъ ее безчисленными привилегіями, и поэтому я не хочу отрицать ся могущества, но, какъ философъ, я имѣю возраженія“. Здѣсь мы видимъ заимствованное у Аверроэса ученіе о двойной истинѣ, которое арабскій философъ формулировалъ такъ: „коранъ говоритъ одно, разумъ — другое; какъ магометанинъ — вѣрю, какъ философъ — отвергаю“.

Въ 1618 году Ванини имѣлъ неосторожность перѣѣхать на жительство въ Тулузу, городъ католической, строго клерикальный, находившійся подъ близкайшимъ воздействиѳмъ испанскихъ властей. Тулузская молодежь собиралась вокругъ него и жадно его слушала: Ванини былъ одаренъ краснорѣчiemъ. Вскорѣ на него былъ сдѣланъ однимъ изъ слушателей формальный доносъ тулузскому суду по обвиненію въ богохульствѣ и ереси; судъ приговорилъ Ванини къ страшной казni, которая весною 1619 года и была исполнена: ему отреzали языкъ, а затѣмъ философа сожгли на кострѣ. Въ Италии имѣ зainteresовались только лишь послѣ этой казни; но вообще помнили больше его мученичество, нежели литературную его дѣятельность.

За нѣсколько мѣсяцевъ до казни Ванини началась тридцатилѣтняя война; для Апеннинскаго полуострова она имѣла лишь

весыма отдаленное и косвенное значение, но въ очень сильной степени способствовала тому, что культурная жизнь во всей Европѣ, въ томъ числѣ и въ Италии, стала еще скучнѣе и непригляднѣе. Католическая реакція достигла своего апогея; литература замерла; философовъ больше не появлялось; политическое ничтожество и расчлененіе казались настолько непреоборимыми, что уже не вызывали никакихъ мало-мальски значительныхъ протестовъ.. XVII столѣтіе кончалось для Италии блѣдно, безцвѣтно и безразсвѣтно, такъ же, какъ шла вся исторія итальянскаго народа со второй трети XVI вѣка, съ окончательного водворенія испанцевъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Италия съ конца XVII столѣтія до начала революціонныхъ и наполеоновскихъ войнъ.

I.

Въ теченіе всего времени испанского владычества въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій, въ Ломбардіи, Сіенѣ и Сардиніи — папская область оставалась вполнѣ независимымъ владѣніемъ церкви. Но, будучи безошибочною отъ внѣшнихъ нападеній, Церковная область не представляла тяжко страдать отъ безчисленныхъ разбойничихъ шаекъ, гулявшихъ по ней вдоль и попрекъ. Умныи и энергичные папы Павелъ III, Григорій XIII пробовали принимать мѣры противъ этого зла, но изъ ихъ попытокъ никакихъ ощутительныхъ послѣствій не выходило. Они слишкомъ заняты были трудною борьбою съ реформацией, которая пядь за пядью отнимала у католицизма среднеевропейскую территорію. Съ другой стороны Османская имперія, основавшаяся и утвердившаяся по сосѣдству съ Италией, не представляла и въ XVI, и въ XVII вв. дѣлать попытки десантовъ на всомъ длинномъ побережье полуострова, и папы, не только въ качествѣ первыхъ представителей католического міра, но и какъ итальянскіе государи, находились въ вѣчной тревогѣ и неувѣренности за свое ближайшее будущее и были заняты постоянными дипломатическими попытками образованія союзовъ противъ турокъ для изгнанія ихъ изъ Европы и т. д. Поневолѣ интересы общественной безопасности, торговли, промышленности, земледѣлія въ Церковной области отходили слишкомъ часто на задній планъ.

Напримѣръ, въ семидесятыхъ годахъ XVI вѣка феодалъ герцогъ Пикколомини собралъ вокругъ себя цѣлое правильно органи-

зованное войско бродягъ и разбойниковъ и немилосердно опустошаль всю Среднюю Италию, хотя испанскія владѣнія все-же больше щадиль, нежели папскія, потому что неаполитанскій губернаторъ былъ гораздо сильнѣе папы. Кончилось тѣмъ, что папа въ 1581 году заключилъ формальныѣйшій мирный договоръ съ атаманомъ, и послѣдній торжественно, при музыкѣ и факелахъ, вѣхалъ въ Римъ, занялъ цѣлый дворецъ, принималъ просителей и поклонниковъ и, наконецъ, потребовалъ у папы отпущенія всѣхъ грѣховъ. Когда папа взглянулъ на безконечно длинный листъ, где были перечислены всѣ подвиги Пикколомини, онъ отказалъ въ отпущеніи. Но разбойникъ заявилъ категорически, что онъ убьетъ сына папы, если святой отецъ не отпустить грѣховъ. Пришло соглашеніе, и Пикколомини съ облегченной душою принялъ снова за свою дѣятельность. Такія явленія уже перестали изумлять тогдашнихъ итальянцевъ: деспотизмъ правительственной власти и въ испанскихъ владѣніяхъ, и въ церковныхъ, и во Флоренціи, и въ Венеціи ничуть не гарантировалъ населенія отъ полнѣйшей анархіи и разбойниччьихъ набѣговъ; чиновники вымогали деньги открыто, разбойники менѣе регулярно и болѣе по ночамъ, но принципіальная между ними разница въ глазахъ жителей полуострова исчезала все больше и больше. Продажная полиція была въ стачкѣ съ бандитами, и союзники обоюдно и полюбовно дѣлились между собою услугами и добычей. Понтификъ папы Сикста V (1585—1590) является маленьkimъ оазисомъ въ эти столѣтія анархіи, разбоя и повсемѣстного грабежа. При немъ, если не вся Италия, то Церковная область нѣсколько отдохнула отъ своихъ бѣдствій. Феличе Перетти, ставшій въ 1585 году папою Сикстомъ V, всю свою жизнь до избранія провелъ въ засѣданіяхъ инквизиціи, въ застѣнкахъ, где пытали сретиковъ, въ кардинальскихъ собраніяхъ, где обсуждались мѣропріятія противъ движавшейся съ сѣвера реформаціи, и всюду обнаруживалъ необыкновенную энергию, работоспособность и настойчивость, наряду съ непреклоннымъ, повелительнымъ складомъ характера. Его кардиналы не любили и, собственно, избрали, только надѣясь на болѣзnenность и хрупкость его организма, на его близкую кончину. Но, totчасъ по избраніи, Перетти вдругъ сталъ какъ будто совсѣмъ другимъ человѣкомъ.

вѣкомъ: пересталъ охать и жаловаться на боли, выпрямился и обнаружилъ необыкновенный приливъ жизненныхъ силъ. Сикстъ V немилосердно вѣшалъ разбойниковъ, даже если они оказывались ближайшими родственниками кардиналовъ, и вѣшалъ ихъ на самой улицѣ, предъ окнами ихъ квартиръ. Длиннейшіе списки разбойниковъ были прибиты во всѣхъ общественныхъ мѣстахъ съ объясненіемъ значительныхъ денежныхъ наградъ и полного помилованія ихъ соображеніемъ, которые доставлять перочисленныхъ лицъ живыми или мертвыми. Ежедневно слѣдовали безконечныя казни; казнили и матерей, и женъ разбойниковъ, если была хоть тѣнь подозрѣнія въ укрывательствѣ или недонесеніи; вѣщали 12—13-лѣтнихъ мальчиковъ, если находили ихъ вооруженными въ лагерь разбойниковъ; вѣщали всякаго полицейскаго, уличенного въ сношеніяхъ съ бандитами. Папа высылалъ изъ города или сажалъ въ тюрьмы и подвергалъ бичеванію всякаго, кто не могъ точно и ясно объяснить свои доходы. Благодаря этимъ драконовскимъ мѣрамъ, бандиты, дѣйствительно, временно неронесли свою дѣятельность за границы папскихъ владѣній. Съ мирными подданными своими Сикстъ V обращался также весьма круто, но его любили, потому что послѣ очень долгаго промежутка видѣли на папскомъ престолѣ человека, дѣйствительно поглощенаго интересами своего народа. Онъ устраивалъ хлѣбные магазины, изъ которыхъ раздавались припасы въ голодные годы нуждающимся; сильно сократилъ расходы папского двора, и изъ $1\frac{1}{2}$ миллиона золотыхъ экю, получаемыхъ ежегодно въ тѣ времена куріей,— успѣвалъ и платить проценты по обязательствамъ своихъ предшественниковъ, и откладывать огромныя суммы про запасъ, и вести придворное хозяйство. Конечно, за пять лѣтъ его понтификата финансовое положеніе Церковной области поправиться не могло; голодовки въ народѣ, нищета въ папской казнѣ были постоянными явленіями до начала и послѣ конца правленія Сикста. Въ срединѣ XVI столѣтія населеніе Рима равнялось приблизительно 45 тысячамъ душъ, хотя, конечно, тогдашней статистикѣ особенно довѣрять было бы наивно.

Въ XVII вѣкѣ число это уменьшилось вслѣдствіе голодовокъ, бѣгства въ другія области и всяческаго раззоренія, прогрессировав-

шаго изъ десятилѣтія въ десятилѣтіе, но во времена Сикста V Папская область считалась, наряду съ Тосканою, наиболѣе населеною изъ всѣхъ независимыхъ отъ испанцевъ земель. Герцогъ флорентійскій Фердинандъ, современникъ Сикста V, вступилъ съ папою въ самыя дружественные сношенія; интересно, что какая-то смутная пока национальная тенденція руководила обоими союзниками при этомъ сближеніи въ виду расположенныхъ въ Ломбардіи и Неаполѣ испанскихъ войскъ; вскорѣ къ нимъ примкнула и Венеция. Но Сикстъ V умеръ, и встревожившійся было Филиппъ II могъ опять успокоиться. Въ XVII столѣтіи потянулись нескончаемыя распри и ссоры между самостоятельными итальянскими владѣтелями и испанскими губернаторами по поводу мелкихъ земельныхъ участковъ, сомнительныхъ границъ, невыдачи бандитовъ и т. д. Никакой общей идеи, никакихъ твердо обоснованныхъ и выясненныхъ общихъ интересовъ—национальныхъ-ли, сословныхъ-ли, экономическихъ-ли—нельзя усмотреть въ подавляющей массѣ этихъ безпрерывныхъ, похожихъ другъ на друга свалокъ между населеніемъ отдѣльныхъ государствъ и провинцій полуострова. Изрѣдка, зарницами, вспыхивали (обыкновенно, въ испанскихъ провинціяхъ) тревожные огоньки, которымъ только слишкомъ сильное материальное сопротивленіе не давало разгорѣться въ большой пожаръ, но которые оставались надолго въ народной памяти. Безчисленныя династическая войны и драки канули въ Лету весьма быстро, а, напримѣръ, такое, въ сущности, совершенно безрезультатное происшествіе, какъ возмущеніе Мазаніелло въ Неаполѣ, удержалось въ преданіяхъ, сказаніяхъ и народной поэзіи до настоящаго времени: Мазаніелло остался въ итальянской легендѣ представителемъ демократическихъ и национальныхъ интересовъ, и это выдѣлило его навсегда изъ безцвѣтной массы политическихъ дѣятелей Италии XVI, XVII, XVIII вв. Событие, связанное съ его именемъ, происходило такъ. Съ самаго начала своего управлѣнія Франціею кардиналъ Мазарини не переставалъ дѣлать попытки территориальныхъ завоеваний на почвѣ неаполитанскихъ владѣній Испаніи: сокрушение (уже, впрочемъ, клонившагося къ упадку) испанского могущества, было, какъ известно, однимъ изъ руководящихъ мотивовъ всей политики французского правителя. Испанскій намѣстникъ,

вице-король неаполитанский, долгие годы отражалъ всѣ французскія тайныя интриги и открытыя морскія нападенія, не получая почти никакой поддержки изъ Мадрида. Вообще, нужно замѣтить, что испанское центральное правительство ничуть не тревожило себя размышеніями объ охранѣ своихъ отдаленныхъ провинцій: это дѣло цѣликомъ лежало на вице-короляхъ. Они должны были заботиться и о деньгахъ, и о войскахъ, нужныхъ для отраженія непріятеля. Правда, контроль надъ доходами и расходами провинцій, и безъ того весьма слабый, совершенно отмѣнялся въ минуты военныхъ невзгодъ, но отъ этого вице-королямъ бывало не легче, потому что финансы приходилось пополнять новыми и новыми налогами все съ того же обнищавшаго и вѣчно голоднаго населенія. Въ 1647 г. борьба съ французами заставила вице-короля учредить новый налогъ, и самый тяжелый для народа,—налогъ на фрукты, ибо всѣ уже существовавшіе были сданы на откупъ, деньги откупщиками уже внесены и давно истрачены. Налогъ на фрукты тяжко поражалъ интересы неаполитанской голытьбы, весьма многочисленной, издавна разоренной испанскимъ владычествомъ и питавшейся только дешевыми плодами, въ изобиліи ростущими въ этомъ климатѣ. Лѣтомъ 1647 года, вскорѣ послѣ объявленія нового налога, въ Неаполь началось броженіе, во главѣ которого стала молодой рыбакъ изъ города Амальфи нѣкій Томмазо Аніелло; предводительствуя толпами народа, этотъ юноша, котораго въ просторѣчіи называли сокращенно—Мазаніелло,—устраивалъ одну за другою самыя внушительныя демонстраціи противъ нового налога. Наконецъ, населеніе, подъ вліяніемъ Мазаніелло, окончательно отказалось платить новый налогъ, сожгло податныя книги, избило сборщиковъ и бурно окружило дворецъ вице-короля. Толпа кричала, что она повинуется и будетъ впредь повиноваться испанскому королю, но что народъ умираетъ отъ голода, что администрація грабить его и т. д. Вице-король перепугался чрезвычайно, и умоляль толпу успокоиться, обѣщаю общее прощеніе для всѣхъ взбунтовавшихся. Когда это не помогло, онъ пообѣщалъ вѣчную пенсію Мазаніелло, если тотъ воспользуется своимъ вліяніемъ, чтобы успокоить толпу. Мазаніелло отказался наотрѣзъ отъ подобнаго предложения, и съ удвоенною яростью продолжалъ

наступательныхъ дѣйствія противъ вице-короля. Весьма скоро бунтовщики овладѣли городомъ, разбили тюрьмы, выпустили всѣхъ арестованныхъ за неуплату податей, роздали освобожденнымъ оружіе, и Мазаніелло сдѣлался фактическимъ диктаторомъ Неаполя. Интересно, что при всѣхъ этихъ быстрыхъ успѣхахъ инсургенты совершенно не надѣялись избавиться отъ испанского владычества окончательно; они не переставали кричать: „да здравствуетъ король“, сжигая казенные зданія, выносили оттуда предварительно портретъ короля, и всячески подчеркивали, что Мазаніелло протестуетъ противъ мѣстнаго управлѣнія и его злоупотребленій, а не противъ владычества Испаніи. Они ясно понимали, что обязаны своими успѣхами, преимущественно, тому обстоятельству, что войска отосланы на границы королевства; свою победу Мазаніелло первый готовъ былъ считать скоро преходящею. Вице-король также довольно скоро опомнился отъ своего испуга; онъ одного за другимъ подославъ пять тайныхъ убийцъ, чтобы покончить съ Мазаніелло, но всѣ убийцы попали въ руки народа и были растерзаны, не успѣвши совершить своего дѣла. Эти предательскія попытки сильно разъярили армію лацдарони, собравшуюся вокругъ Мазаніелло, и вице-король счелъ долгомъ пригласить народнаго предводителя для личныхъ переговоровъ. Переговоры состоялись, благодаря вмѣшательству духовенства, въ полномъ составѣ находившагося на сторонѣ испанского правительства. Архиепископъ угрожалъ Мазаніелло отлучить его отъ церкви, если тотъ не согласится на переговоры съ вице-королемъ, и не одѣнется для этого случая поприличнѣе. Свиданіе состоялось; нѣсколько десятковъ тысячи лацдарони окружили дворецъ, гдѣ оно происходило, и Мазаніелло нѣсколько разъ долженъ былъ выходить къ нимъ иувѣщевать вести себя спокойнѣе. Вице-король чрезвычайно ласково и предупредительно съ нимъ обошелся, называлъ смѣлаго рыбака „сынъ мой“, и согласился на большую часть требованій обѣ отмѣнѣ тяжкихъ налоговъ. Колossalная народная овация была устроена Мазаніелло при его выходѣ; но Мазаніелло, переживавшій теперь дни славы, могущества и блеска, гналь отъ себя заискивавшихъ предъ нимъ испанскихъ рыцарей, и не переставалъ повторять, что его мечта—поскорѣе успокоить городъ и вернуться къ своему ры-

бапкому членоку. Но волненіе утихало слишкомъ медленно; а пока съ Мазаніелло начало происходить нѣчто неладное. Онъ повѣсили нѣсколько человѣкъ, не разобравши толкомъ, въ чемъ ихъ обвиняютъ; скакалъ на бѣшеныхъ коняхъ по городу, давя прохожихъ; швыряль въ толпу деньги, собранныя для дальнѣйшихъ цѣлей возстанія и т. д. Слухъ о его помѣщательствѣ дѣлался все болѣе и болѣе настойчивымъ; вице-король, ни одной минуты, конечно, не помышлявши искренно о мирѣ съ Мазаніелло, — подъ рукою распространялъ и подтверждалъ этотъ слухъ. Боясь открыто порвать связи съ Мазаніелло, вице-король приказалъ послушному ему духовенству заманить диктатора въ исповѣдальню далекой церкви, и когда это было исполнено, убийцы зарѣзали Мазаніелло. Похороны ему были устроены самыя пышныя; рядомъ съ плачущимъ народомъшли посланныя вице-королемъ траурныя испанскія войска. Но это притворство не особенно много помогло. Возстаніе вспыхнуло съ новою силою и пріобрѣло уже характеръ соціального бунта; крики: „смерть богатымъ“, разрушеніе нѣсколькихъ великолѣпныхъ дворцовъ не только испанскихъ, но и итальянскихъ, убийство не только сборщиковъ податей, но и откупщиковъ, — все это показывало, что дѣло идетъ не объ одномъ лишь налогѣ на фрукты. Сынъ короля испанскаго Филиппа IV, Донъ-Жуанъ Австрійскій, прѣѣхалъ со специальнымъ флотомъ и войскомъ, чтобы покарать бунтовщиковъ, и послѣ многихъ перипетій, разстрѣливанія народа изъ пушекъ, примиреній, обѣщаній и т. д., послѣ появленія въ Неаполитанскомъ заливѣ французской эскадры и ея бѣгства, испанское правительство могло, наконецъ, считать неаполитанскую свою провинцію болѣе или менѣе замиренною. Все осталось по-прежнему; снова мало-по-малу, одинъ за другимъ, были утверждены налоги на хлѣбъ, на предметы первой необходимости; снова нищее населеніе погрузилось въ свое вялое и дремотное прозябаніе. Что же касается, собственно, до національного итальянскаго дѣла, то оно скорѣе проиграло, нежели выиграло отъ этой вспышки: при Мазаніелло и послѣ него много знатныхъ итальянцевъ погибло отъ рукъ народа вмѣстѣ со своими замками и имуществомъ, не мало ихъ пострадало также отъ казней, конфискацій и иныхъ репрессій во время усмиренія воз-

станія, ибо история 1647 — 48 г. г. была полна самыхъ неожиданныхъ перипетій и перетасовокъ. Когда же все успокоилось, многими землями, оставшимися безъ хозяевъ, завладѣли вельможи и рыпари испанского происхожденія. Снова потянулись для Италии, состоявшей подъ испанской властью, и, въ частности, для Неаполя тяжелыя, беспросвѣтныя времена, времена истощенія и нищеты большинства народа, и сомнительного благополучія меньшинства, привыкшаго къ испанцамъ и начинавшаго утрачивать свою національность. „Фальшивые монетчики, грабители, бандиты, испанцы, полунищая полуразбойничья аристократія, алчные откупщики налоговъ, нищий народъ“ — вотъ какія явленія, безпрестанно поминаемыя современными писателями, доминировали въ итальянской жизни въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтія.

II.

Конецъ XVII в. былъ временемъ, когда католическая реакція уже повсемѣстно ослабѣла; реформація и католицизмъ застыли въ тѣхъ своихъ географическихъ границахъ, въ какихъ застало ихъ начало тридцатилѣтней войны; наступленіе реформаціі окончилось, одновременно прекратилась и оборона католицизма. На престолѣ св. Петра снова стали появляться одинъ за другимъ жалкие, дряблые, своекорыстные люди, думавшіе только о благополучії и обогащенії своихъ дѣтей и племянниковъ, и нисколько не занятые какими-бы то ни было общими интересами. Общая тенденція римской куріи въ концѣ XVII столѣтія заключалась въ стремлениі завязать прочные дипломатическія связи съ французскимъ дворомъ и противу-поставить могущественную поддержку Людовика XIV всѣмъ пополновеніямъ Испаніи захватитьсосѣднія съ Неаполемъ или Ломбардіей земли. Въ это же время стало быстро крѣпнуть государство, которое въ предшествующіе вѣка считалось однимъ изъ ничтожнѣйшихъ и которому суждено было впослѣдствіи объединить Италію.

Двѣ сосѣднія сѣверо-итальянскія мѣстности — Савойя и Пьемонтъ съ средины XI столѣтія находились во власти самостоятельныхъ владѣльцевъ

савойскихъ графовъ. Въ XIII столѣтіи савойская династія, всегда стоявшая на сторонѣ гибеллиновъ, потеряла Пьемонтъ, но пріобрѣла столько спустя огромное феодальное владѣніе—ниццкое графство, а черезъ двадцать лѣтъ послѣ этого событія возсоединила и Пьемонтъ. Столица савойскихъ графовъ Туринъ всегда подвергалась чрезвычайнымъ опасностямъ при всѣхъ нашествіяхъ на Апеннинскій полуостровъ, потому что для французскихъ армій этотъ городъ являлся первымъ итальянскимъ этапомъ, первою и самою близкою приманкою. Не разъ во время войнъ за Италію французы занимали всю страну и жестоко грабили ее, и враждебная французамъ традиція весьма долго и упорно держалась въ савойской политикѣ. Въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтія дѣло доходило даже до наступательныхъ дѣйствій герцогства противъ Франціи, раздиравшейся религіозными внутренними войнами. Конечно, никакихъ результатовъ эта политика герцога Карла-Эммануила не дала. Въ эпоху испанского владычества въ Ломбардіи и Неаполѣ, полнаго упадка Генуи, ослабленія Флоренціи и всего тосканского герцогства Медичи, тяжкой борьбы Венеціи съ турками, политического ничтожества римской куріи,—Савойская династія являлась единственою, хоть немного благоустроенною и независимою страною въ Италіи. Впрочемъ, она со второй половины XVII столѣтія вступила на путь сближенія съ Франціей, и это totчасъ же отразилось на ней весьма большими затратами на войска, ибо при вѣчныхъ войнахъ Людовика его союзники были столь же мало гарантированы, какъ и его враги отъ внезапныхъ военныхъ предприятій, походовъ, нашествій и т. д. Впослѣдствіи, уже въ XIX столѣтіи, когда Савойская династія стала въ первыхъ рядахъ объединительного движенія, многие панегиристы приписывали ей роль носительницы итальянской национальной идеи уже въ минувшіе вѣка. Это совершенно невѣрно. Случаю угодно было, чтобы ко времени начала национального движенія Савойская династія являлась единственою чисто итальянскою и, притомъ, довольно сильною на полуостровѣ. И если взоры націи съ начала XIX столѣтія не переставали обращаться къ ней, какъ къ наиболѣе естественному матеріальному центру, вокругъ котораго проще всего можетъ начаться объединеніе, то и сама Савойская

династія, съ своей стороны, не имѣла причинъ отвращаться отъ перспективы такого огромнаго возвышенія. Но въ XV, XVI, XVII, XVIII вѣкахъ интересы итальянской національности, какъ цѣлаго, не играли ни малѣйшей роли въ дипломатіи какого-бы то ни было изъ государствъ полуострова. Савойско-пьемонтское герцогство вступило въ войну за испанское наслѣдство въ качествѣ довольно виднаго союзника Франції, вскорѣ измѣнило ему, и, весьма ловко маневрируя между борющимися державами, герцогъ Викторъ-Амедей II добылъ себѣ къ концу войны королевскій титулъ, окрестныя монферратскія и, отчасти, миланскія владѣнія и островъ Сицилію. Вообще, эта война имѣла для Италии весьма большое политическое значеніе.

Къ концу XVII вѣка становилось все яснѣе и яснѣе, что испанское владычество долго въ Италии не продержится. Собственно, населеніе Ломбардіи и Неаполя по прежнему было покорно, платило налоги, попытки вродѣ возстанія Мазанелло не повторялись, и шататься испанское могущество на полуостровѣ начало вовсе не отъ внутренняго протеста, а, просто, отъ интригъ, угрозъ и нападеній французскаго короля Людовика XIV. Ницце и разоренное итальянское населеніе такъ апатично относились къ своей судьбѣ, что, пробѣгая монотонныя страницы хронографовъ XVII столѣтія, ровно ничего не видишь дѣйствительно важнаго, характернаго для настроенія общества, для положенія народа; все одно и то же: мелкія чисто династическія войны, ведущіяся руками наемныхъ кондотьеровъ, вымоганіе у населенія денегъ для платы этимъ наемникамъ и для постройки роскошныхъ дворцовъ — вотъ чѣмъ полны страницы истории и Тосканы, и Савойи, и папской области, и испанскихъ Ломбардіи и Неаполя. Общенаціональная апатія была такъ велика, что, въ сущности, и къ Людовику XIV въ Италии относились съ чрезвычайною подозрительностью: на всѣ его вмѣшательства въ дѣла полуострова большинство смотрѣло, какъ на попытки послѣ полутораста лѣтъ снова воскресить старое вліяніе и старый деспотизмъ французовъ въ Италии. Напримѣръ, жители города Мессины въ Сициліи возмутились въ 1674 году противъ испанского вице-короля, и Людовикъ послѣшилъ послать въ

итальянскія воды довольно внушительную эскадру. Желая во что бы то ни стало побѣдить застарѣлую ненависть сицилійцевъ къ французамъ, Людовикъ категорически обѣщалъ имъ всяческую помошь и содѣйствіе для выбора национального сицилійскаго короля, лишь бы только изгнать съ острова испанцевъ. Кончилось тѣмъ, что бунтъ потухъ; испанцы остались въ Сициліи и отмстили инсургентамъ звѣрскою расправою, а эскадра Людовика ушла ломой, ровно ничего не достигнувъ. Викторъ-Амедей, герцогъ савойскій и Фердинандъ, герцогъ тосканскій, герцоги Модены и Мантуи, сгруппировались въ лигу вокругъ Людовика XIV. Не то, чтобы имъ очень нравился французскій союзъ, но они боялись Людовика и переставали бояться Испаніи, и это-то обусловило, главнымъ образомъ, ихъ поведеніе. Венеціанская республика не обладавшая уже къ этому времени и третьему долею своего бывшаго могущества, приняла дружественный пейтралитетъ по отношенію къ французамъ, потому что ей нужно было имѣть обеспеченный тылъ для болѣе спокойныхъ и энергичныхъ дѣйствій противъ турокъ. Порта тѣснила Венецію, и ежегодно грозила либо походомъ черезъ Иллірію и Альпы, либо морскимъ десантомъ; ссориться съ могущественнымъ французскимъ королемъ при такихъ условіяхъ было невозможно, а испанцевъ, все еще стоявшихъ гарнизонами въ Ломбардіи, Венеція уже не боялась. Папская курія относилась къ Людовику иногда враждебно, чаще — миролюбно. Такова была общая группировка итальянскихъ государствъ, когда началась борьба европейскихъ коалицій противъ Людовика XIV; эта группировка за тридцать пять лѣтъ борьбы нѣсколько разъ измѣнялась, но въ общихъ очертаніяхъ, оставалась въ указанномъ видѣ. Генуя, всегда стоявшая на сторонѣ Испаніи, особенно много страдала отъ французского флота, а савойскій герцогъ, боясь, что его владѣнія будутъ насильственно присоединены Людовикомъ, въ концѣ концовъ перешелъ на сторону его враговъ. Австрійскій генералъ Евгеній Савойскій разорялъ всю Сѣверную Италію, ища по всей территории французскія и дружественные Франціи войска; населеніе снова переживало худшіе дни войнъ 1494 — 1531 гг., но на этотъ разъ даже война не пробудила страну изъ ея вѣкового сна. Съ полнѣйшимъ равн

душіемъ, точно не о нихъ шло дѣло, итальянскіе города встрѣчали то французскихъ, то австро-испанскихъ генераловъ, не интересуясь, подъ какимъ именно флагомъ будетъ происходить грабежъ страны. Въ 1699 году Венеції удалось, заключивши миръ съ турками, и миръ очень выгодный, нѣсколько успокоиться отъ военныхъ тревогъ, расходовъ и разоренія; почти въ то же время и герцогъ Савойскій помирился съ Людовикомъ на условіяхъ полной непрікосновенности своихъ владѣній. Это все случилось въ 1698—1699 гг.

Быть съ XVIII столѣтіемъ началась послѣдняя и самая страшная война Людовика XIV,—война за испанское наслѣдство. На Апеннинскомъ полуостровѣ находились двѣ небольшія, но считавшіяся важными, части этого наслѣдства: неаполитанское королевство и Ломбардія. Послѣ смерти Карла II, короля испанского, какъ извѣстно, на его наслѣдство, стало быть, и на итальянскія его владѣнія, заявили притязанія и французскій, и австрійскій дворы. Современный историкъ сравниваетъ состояніе Италіи съ заколдованнымъ сномъ, въ которомъ находится сказочная красавица, пока рыцари ломаютъ изъ за нея копья, а поэтъ тѣхъ временъ объясняетъ эту глубочайшую апатію Италіи къ рѣшенію собственной участіи тѣмъ обстоятельствомъ, что все равно, кто бы ни побѣдилъ въ этой войнѣ Людовика съ коалиціей, Италія осталась бы подъ чужеземнымъ игомъ—(...*reg servire sempre, o vincitrice, o vinta*). Послѣ страшного четырнадцатилѣтняго опустошенія, грабежа, вѣчныхъ контрибуцій и экзекуцій, война для Италіи, наконецъ, окончилась: чтобы вознаградить императора Австрійскаго за Испанію, доставшуюся Филиппу (внуку Людовика XIV), ему были отданы итальянскія владѣнія Испаніи: вся Ломбардія, Неаполь, Сардинія; савойскій герцогъ Викторъ-Амедей получилъ Сицилію, а Мантую, послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ между договаривавшимися сторонами, отошла также къ Австріи, т. е. потеряла свою независимость. Но уже черезъ три года Викторъ Амедей принужденъ былъ отдать Австрія Сицилію и взамѣнъ того получилъ Сардинію: населеніе этихъ острововъ не выразило ви радости, ни горя отъ этого обѣна. Вскорѣ события показали, что, вообще, съ итальянцами того

времени возможно было, съ полной безопасностью, обращаться, какъ съ неодушевленнымъ имуществомъ: продавать, вымѣнивать земли, давать въ приданое и т. п. Въ 1730 году, воспользовавшись смертью герцога Пармскаго, австрійскій императоръ Карлъ VI ввелъ изъ принадлежавшей ему теперь Ломбардіи войска въ Парму и Пьяченцу, и заявилъ, что считается отнынѣ эти земли подъ своимъ суверенитетомъ; въ отвѣтъ на это испанскій король захватилъ Флоренцію и объявилъ своего сына Донъ-Карлоса герцогомъ Тосканскимъ (прямыхъ наследниковъ у послѣдняго герцога изъ династіи Медичи не оказалось). Началась война, въ которой Донъ-Карлосъ имѣлъ поддержку отца своего, испанского короля, и Людовика XV, своего близкаго родственника (следуетъ помнить, что Испанія послѣ войны „за наследство“ досталась Филиппу Бурбону, внуку Людовика XIV). Главнымъ театромъ войны вскорѣ стало неаполитанское королевство: австрійскіе губернаторы, управлявшіе имъ отъ лица императора Карла VI, были побѣждены одинъ за другимъ, сдали на капитулацио всѣ крѣпости, населеніе не оказалось имъ ни малѣйшей поддержки, и Донъ-Карлосъ воцарился въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій. Неаполь и островъ Сицилія весьма быстро попали въ полную его власть. Еще раньше, въ 1720 году окончательно былъ ратифициранъ насильственный (для короля Виктора-Амедея II) обмѣнъ Сициліи на Сардинію. Сардинія при всей своей некультурности, дикости, бѣдности, малонаселенности имѣла также для Савойскаго дома свои привлекательныя стороны: ее гораздо легче было удержать въ рукахъ, какъ вслѣдствіе большей близости этого острова къ территории Савойи и Пьемонта, такъ и вслѣдствіе того, что никто на Сардинію особенно не зарился; присоединеніе острова сыграло выдающуюся роль въ исторіи савойской династіи, и, даже, все соединеніе земель — Савойи, Пьемонта, ниццскаго графства частей Монферрата, и Сардиніи — стало все чаще и чаще называться Сардинскимъ королевствомъ.

Въ тридцатыхъ годахъ, какъ уже сказано, произошли немаловажныя дипломатическія и политическія перемѣны на всемъ полуостровѣ. Парма и Пьяченца, до сихъ поръ занятыя Донъ-Карлосомъ,

были уступлены (въ 1735—38 гг.) Францу — Стефану, зятю австрійского императора и мужу Маріи-Терезіи, австрійской наследницы; взамънъ этого австрійскій императоръ подарилъ Донъ-Карлосу въ вѣчное владѣніе королевство Обѣихъ Сицилій (и безъ того, впрочемъ, почти совсѣмъ завоеванное Донъ-Карлосомъ); наконецъ, въ 1737 году, когда уже погасла династія Медичи, триста лѣтъ правившая Флоренціей, Флоренція и вся Тоскана также попали въ руки Франца-Стефана. Нѣмецкое вліяніе прочно и надолго утвердилось на сѣверѣ Италии; на югѣ — королевствомъ Обѣихъ Сицилій владѣль Донъ-Карлосъ, начавшій собою неаполитанскую вѣтвь Бурбоновъ; папская область осталась въ прежнемъ состояніи ненадежнаго политического ничтожества; вся Ломбардія была въ полномъ и прямомъ подчиненіи отъ австрійской короны, и съ 1740 г. чета Маріи-Терезіи и Франца-Стефана, обладавшая огромными властніями на сѣверѣ, являлась самою могущественною величиною на полуостровѣ. Сардинское королевство, которое въ 1734 г., въ союзѣ съ французами, заняло было Миланъ, — должно было отъ него отказаться и получило лишь Новару, Тортону и еще нѣкоторыя западно-ломбардскія мѣстности. Наступила эпоха сравни-тельной тишины и спокойствія, длившаяся до начала революціон-ныхъ и наполеоновскихъ нашествій. Впрочемъ, эту тишину нужно понимать въ весьма ограниченномъ и узкомъ смыслѣ: мелкія сѣдскія драки и свалки почти не прекращались, безопасности для частныхъ лицъ отъ разбойниковъ не было, владѣтели замковъ часто творили и въ австрійскихъ, и въ неаполитанскихъ, и въ церков-ныхъ имѣніяхъ самая невозможная вещь, вродѣ осады городовъ и т. п. Но просвѣтительный духъ XVIII столѣтія повѣялъ и на полуостровѣ; и здѣсь эта замѣчательная культурная эра оставила свои слѣды.

III.

Въ столь общей и поневолѣ краткой исторіи итальянского народа, какъ настоящая, очеркъ художественной литературы можетъ имѣть мѣсто лишь тогда, когда художественная литература почему —

либо пріобрѣтасть серьезную, исторически-услѣдимую важность для всей культуры страны. Вотъ почему мы не могли обойти молчаніемъ ни Петрарку, ни Бокачіо, и принуждены опустить разсказъ о всей художественной литературѣ XVIII столѣтія. Въ кое-какихъ литературныхъ произведеніяхъ, правда, звучитъ скорбь о печальному положеніи отечества, но большинство ихъ чрезвычайно далеки отъ современной имъ жизни: ложноклассическая традиція мертвила многія настоящія дарованія. Ни одной новой мысли не выдвинула итальянская художественная литература XVIII столѣтія, ни одной тенденціи просвѣтительной эпохи не пробовала даже популяризовать, ни одного изъ чаяній и волненій тогдашнихъ передовыхъ кружковъ въ нее не проникло. Мало того: даже съ чисто художественной стороны, со стороны формы она не дала, кроме Альфіери, ни одного выдающагося поэта.

Но, даже въ самой общей исторіи Италіи, ни одинъ добросовѣстный авторъ не имѣеть права пройти молчаніемъ итальянской публицистической литературы. При всемъ сравнительно небольшомъ практическомъ ея значеніи, она, тѣмъ не менѣе, является самымъ яркимъ оазисомъ на тускломъ фонѣ тогдашней итальянской литературы. Вліяніе французскихъ писателей на итальянскихъ публицистовъ XVIII столѣтія не подлежить никакому сомнѣнію. Мало того, была такая область публицистической литературы, въ которой совершенно несомнѣнно можно подмѣтить прогрессъ, сдѣланный итальянскою мыслью, сравнительно съ тѣмъ, что она получила изъ Франціи. Мы говоримъ о крестьянскомъ вопросѣ. У Вобана и Буагильбера, впервые формулировавшихъ этотъ вопросъ во Франціи, разореніе крестьянского сословія приписывается безобразной, по ихъ мнѣнію, податной системѣ. Почти полстолѣтія спустя по выходѣ книгъ Вобана и Буагильбера одна за другою въ концѣ 30-хъ и въ концѣ 40-хъ гг. XVIII столѣтія появились книги — сіенскаго экономиста Бандини (1737 г.) и неаполитанскаго — Броджіа (1748 г.). Докладъ Бандини тосканскому правительству о запустѣніи и разореніи южной Тосканы является своего рода обвинительнымъ актомъ противъ халатной и воровской администраціи, выжимавшей изъ крестьянъ всѣ соки и ничего не дававшей имъ взамѣнъ. Бандини

указываетъ, что разоряемые и гонимые призракомъ голодной смерти крестьяне переселяются въ города, гдѣ скучивается населеніе, дешевѣеть труда, и жить работникамъ становится все хуже и хуже. Бандини предлагаетъ правительству уничтожить все безъ исключенія сложные и стѣснительные налоги и вмѣсто нихъ всѣхъ ввести одинъ — равномѣрный и справедливый налогъ на землю; мало того: правительство должно заставить крупныхъ землевладѣльцевъ сдавать крестьянамъ въ аренду участки настолько болыше, чтобы семья арендатора было чѣмъ прокормиться, и за умѣренную, опредѣленную самимъ правительствомъ, плату. Неаполитанецъ Броджіа въ своихъ мнѣніяхъ о податной реформѣ примыкаетъ къ Бандини, но онъ борется и съ другимъ зломъ, котораго уже не знала Тоскана, но которое слишкомъ давало себя чувствовать въ Неаполѣ. Общій строй феодальныхъ отношеній сохранился въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій въ болѣе цѣльномъ видѣ, нежели въ любой другой мѣстности Апеннинского полуострова. Броджіа съ жаромъ борется противъ этихъ феодальныхъ пережитковъ. Онъ упрекаетъ государственную власть въ томъ, что она слишкомъ ласково относится къ знати и слишкомъ сурово преслѣдуетъ поборами и налогами бѣдствующее большинство. По его мнѣнію вредень и несправедливъ всякий налогъ, который долженъ уплачивать каждый рабочій человѣкъ только за то, что онъ существуетъ (подушная подать) или занимается своимъ трудомъ (налогъ на воловъ). Самый справедливый налогъ — есть налогъ на капиталы, соразмѣряющійся съ размѣрами облагаемаго состоянія. Но кромѣ того, по мнѣнію Броджіа, должны быть стерты съ лица земли всѣ слѣды какой бы то ни было зависимости крестьянъ по отошенню къ помѣщикамъ; правительство должно озабочиться, чтобы крестьяне, уже послѣ окончательного освобожденія ихъ отъ всякой зависимости, все-таки сохранили за небольшую арендную плату свои земельные участки, а безземельные батраки, чтобы не страдали отъ чрезмѣрно низкой заработной платы. Онъ считаетъ государство обязанымъ обо всемъ этомъ заботиться, ибо по его мнѣнію благоденствіе страны тѣснѣйшимъ образомъ связано съ процвѣтаніемъ именно крестьянскаго сословія. Трактатъ Броджіа пользовался до конца столѣтія большою славою и въ

Италіи, и, даже, въ Германіи и Франції. Въ Италіи онъ скоро нашелъ продолжателей. Въ 1755 году въ неаполитанскомъ университѣтѣ началъ читать политическую экономію профессоръ Дженоvezи, который еще ярче, нежели Броджіа, изложилъ антифеодальную теорію. Можетъ быть, двоинство, и есть краса государства, говорилъ Дженоvezи, однако, всякая истинная краса познается по своей цѣнности, а нынѣ (т. е. въ срединѣ XVIII столѣтія) двоинство сохраняетъ всю свою жизнь полнѣшую праздность и, поэтому, уваженія вовсе не заслуживаетъ. Феодальные пережитки, по мнѣнію Дженоvezи, вредны для благосостоянія трудящагося большинства и, въ концѣ концовъ, пагубны для государства. Майораты, неотчуждаемость дворянскихъ имѣній — все это вредное старье, подлежащее немедленному упраздненію. Люди, занимающіеся физическимъ трудомъ, должны быть такъ же свободны, какъ и всѣ остальные, иначе никогда производительность труда ихъ не поднимется, и всегда страна останется нищей. Что пользы, восклицаютъ Дженоvezи и современникъ его Занонть, — что пользы въ томъ, что крестьяне въ Италіи будто бы не считаются рабами? На дѣлѣ — они рабы, и самые безотвѣтные, ибо феодальный владѣлецъ можетъ дѣлать со своимъ арендаторомъ или, еще хуже, батракомъ, все, что благоразсудится, а если тотъ посмѣеть протестовать, тогда въ одинъ день его выгонятъ изъ помѣстья и оставятъ съ семьюю на жертву голоду. Крупная собственность, по мнѣнію Дженоvezи, есть то коренное зло, съ которымъ надлежитъ бороться. Исходя все время съ точки зрѣнія общегосударственной выгоды, Дженоvezи, не перестасть повторять, что слѣдуетъ уничтожить майораты и заповѣдность дворянскихъ имѣній, всякую зависимость крестьянского сословія отъ дворянства, что необходимо всячески облегчить крестьянству возможность приобрѣтенія земельныхъ участковъ въ собственность или выгодную ихъ аренду: „на своей землѣ лучше работаетъ, батракъ не сдѣлаетъ никогда и половины того, что хозяинъ“, такова одна изъ любимыхъ мыслей Дженоvezи. Онъ всецѣло стоитъ за упроченіе монархической власти и въ король видитъ главное, если не единственное, орудіе для уничтоженія феодальныхъ притязаній. Духъ просвѣщенаго абсолютизма явственно

вѣеть въ сочиненіяхъ Дженоези. Отъ правительства онъ ждетъ, между многимъ прочимъ, и такого блага, какъ точное, ясное и непререкаемое опредѣленіе размѣровъ арендной платы. Знаменитый Беккаріа поддерживалъ всесѣло идеи Дженоези; оба публициста не переставали повторять, что дворянство должно быть совершенно лишено всѣхъ своихъ особыхъ прерогативъ, что податная система должна налагать на каждого бремя, прямо, а не обратно пропорциональное его достатку, наконецъ, что сильная государственная власть одна только можетъ трудащемуся населенію облегчить жизнь нужными реформами.

Послѣдний, по времени, выдающійся итальянскій публицистъ XVIII столѣтія Филанджieri, выпустившій въ свѣтъ въ 1781—1785 гг. свои трактаты „Экономические законы“ (*Leggi economiche*) и „Наука о законодательствѣ“ (*Scienza della legislazione*) еще рѣзче и ярче выражаетъ свой протестъ противъ экономическихъ нестроеній той эпохи. Филанджieri смотритъ на экономическое настоящее своего отечества чрезвычайно пессимистично. Населенность Италии, по его словамъ, рѣдкая, нищета всеобщая, огромныя земельныя пространства лежать впустѣ, единственнымъ спасеніемъ для голодающихъ является уходъ въ бандитскія шайки. Мало того: не только въ Италии, но во всѣй Европѣ, по убѣждѣнію автора, правительственная власть не сдѣлала ровно ничего для поднятія благосостоянія трудящихся массъ, для облегченія имъ возможности не умереть голодною смертью. Колossalныя земельныя угодья находятся еще оть феодальныхъ временъ въ рукахъ нѣсколькихъ тысячъ лицъ, а миллионы бѣдствуютъ на своихъ крошечныхъ арендныхъ или, что еще рѣже, собственныхъ участкахъ, идутъ за грошевую плату въ батраки, голодаютъ и вымираютъ. Собственники и бездомные батраки, восклицаетъ Филанджieri, являются двумя враждебными лагерями, между которыми невозможенъ прочный миръ, которыхъ не приведутъ къ согласію ни священники, ни моралисты. Собственникъ всегда видѣтъ предъ собою сотни людей на перебой предлагающихъ ему свои рабочія руки, и онъ имѣть полную возможность предложить имъ самое нищенское вознагражденіе и бытьувѣреннымъ, что еще батракъ, нанявшійся будешь считать себя

счастливѣо товарищѣй. Феодальные порядки, существующіе въ Европѣ, и, въ частности, въ Италии, являются въ глазахъ Филанджieri кореннымъ зломъ экономической жизни. Пользуясь разными устарѣвшими, обвѣшавшими, но сохранившими юридическую свою силу правами, феодальные владѣльцы держать съ незапамятныхъ временъ въ своихъ рукахъ огромныя земельныя площади, передающіяся, по праву первородства, отъ отца къ сыну, и даже не обрабатываются имъ. Что же мудренаго, если въ плодороднѣйшихъ мѣстностяхъ народъ гибнетъ отъ голода? Даже сами феодалы не столько виноваты въ подобномъ плачевномъ положеніи дѣлъ: они, можетъ быть, были бы рады пролить излишекъ своихъ земельныхъ владѣній, но нелѣпые и старые феодальные законы воспрещаютъ отчужденіе, и, такимъ образомъ, создаются даромъ пропадающія пустыни рядомъ съ селеніями, погибающими отъ недостатка пахотной площади. Кто изъ батраковъ, получающихъ греческую плату и живущихъ впроголодь, восклицаетъ Филанджieri, рѣшился обзавестись семьюю? Конечно, никто, и такъ-то „жалкая глупость людская (не отмѣняющая феодальныхъ порядковъ) хуже и вреднѣе самой смертоносной чумы, ибо чума убивасть людей, уже пожившихъ хоть немного, а господствующій экономическойстрой не даетъ людямъ даже родиться на свѣтѣ“. Феодализмъ есть безмыслица, продолжаетъ онъ; право охоты и рыбной ловли, нелѣпые старые феодальные поборы съ земледѣльцевъ, все это также разоряетъ земледѣліе. Въ большей части Европы свобода составляетъ принадлежность лишь нѣсколькихъ тысячъ дворянъ и священниковъ, остатальная часть населенія состоитъ изъ рабовъ, прикованныхъ къ той же землѣ, на которой они родились, обрабатывающихъ землю, не принадлежащую имъ, и отдающихъ всѣ результаты своего труда въ руки тирана, угнетающаго ихъ. Правда, государство значительно ослабило силу сеньоровъ, но оно сохранило такую массу злоупотребленій, связанныхъ съ правами дворянъ, что, въ сущности, не произошло особыхъ измѣненій въ состояніи земледѣльческаго класса. Много привилегій сохранилось за высшими классами, и одна часть населенія оказывается покровительствуемой во вредъ другой, самой большой и самой полезной. Такіе порядки могли существовать!

то время, когда верховная власть простирадась лишь на небольшую часть территории, когда феодалы разделяли власть съ нею или, вѣрнѣе, угнетали ее. Тогда имѣло еще смыслъ, было основаніе жертвовать интересами всего народа интересамъ той части территории, гдѣ король былъ всесиленъ, разорять земледѣліе во всей странѣ, чтобы поддерживать его въ собственныхъ владѣніяхъ. Теперь, съ усиленіемъ центральной власти, все это утратило свое прежнєе значеніе, а, между тѣмъ, все осталось по прежнему". „Удивительно ли послѣ всего этого, спрашивается Филанджіери, если земледѣліе находится въ самомъ жалкомъ состояніи, если земледѣльческій классъ страшно бѣдствуетъ? А эта нищета будетъ до тѣхъ поръ царствовать среди наиболѣе важного и заслуживающаго наибольшее уваженіе класса, пока будутъ существовать и производящія ее причины, пока законы будутъ благопріятствовать скопленію собственности въ рукахъ немногихъ лицъ, пока феодальная злоупотребленія не будутъ подвергнуты коренному измѣненію, а въ деревняхъ сохранится крѣпостное право, и крѣпостной и батракъ будутъ устраниены отъ владѣнія землею. Уничтоженіе феодальныхъ отношеній -- первый шагъ къ улучшенію низшихъ классовъ, къ поднятію земледѣлія. За нимъ должны слѣдовать реформы въ государственномъ управлѣніи и въ системѣ налоговъ, которые отнимаютъ у земледѣльца всякую надежду улучшить свое положеніе, и отнятіе у духовенства богатствъ и земли, сосредоточеніе которыхъ въ его рукахъ представляеть собою не меньшее зло, чѣмъ существующія феодальная отношенія". Неудивительно, что историкъ крестьянской реформы на Западѣ (И. В. Лучицкій) называетъ эти сужденія Филанджіери „высшей точкой развитія, до которой достигла экономическая мысль того времени". Названные итальянскіе публицисты (Вандини, Броджіа, Дженовези, Филанджіери) имѣли весьма большое вліяніе на постановку крестьянского вопроса въ литературѣ XVIII столѣтія; къ сожалѣнію, вліяніе ихъ на жизненные условія Италии, было несравненно слабѣе.

Но гораздо большей славою пользовался современникъ и, отчасти, единомышленникъ ихъ — Беккарія, авторъ знаменитаго трактата „О преступленіяхъ и наказаніяхъ". Чезаре Беккарія (1738—

1794 г.) ничего исторически-важнаго, кромѣ этого трактата, и не написалъ, но широта и новизна его взглядовъ на задачи уголовнаго возмездія, снискали ему тогда же громкую славу среди юристовъ, философовъ, государственныхъ людей тогдашней Европы. Уроженецъ и постоянный житель Милана, Беккарія съ юношескихъ лѣтъ вступилъ въ оживленную переписку со многими выдающимися людьми тогдашняго европейскаго міра, и въ самомъ Миланѣ вокругъ него образовался кружокъ молодежи, увлекавшейся мнѣніями французскихъ энциклопедистовъ. Рѣшающее значеніе для Беккарія имѣлъ процессъ несчастнаго Жана Каласа, казненнаго вслѣдствіе происковъ французского духовенства (въ 1762 г.) и нашедшаго горячаго защитника своей памяти въ Вольтерѣ. Глубоко взволнованный этимъ всплющимъ проявленіемъ фанатизма и пенитенціарного варварства, Беккарія, по настоянію членовъ своего кружка, написалъ меныше, нежели въ одинъ годъ, книгу „О преступленіяхъ и наказаніяхъ“, которая и была издана въ 1764 году въ Тосканѣ, гдѣ какъ разъ переживался разгаръ либеральныхъ вѣяній и реформъ герцога Леопольда. Беккарія первый въ Европѣ (послѣ забытаго Томаса Мора) выдвинулъ мнѣніе, что варварски жестокія казни ни въ какомъ случаѣ не могутъ искоренить преступленія; напротивъ, привычка къ нимъ ожесточаетъ зрителей, да и все общество, и создаетъ благопріятную атмосферу для совершенія новыхъ преступленій. Смертная казнь вредна и заслуживаетъ полной отмены, ибо противорѣчитъ христіанству, бесполезна по существу своему, непоправима въ случаѣ судебной ошибки, пріучаетъ людей не дорожить жизнью. Но Беккарія сильно боялся преслѣдованій за свою книгу, и, поэтому, къ сужденіямъ о смертной казни весьма нелогично прибавляется, что это все онъ говоритъ о казни за уголовныя преступленія, а за политическія— казнь цѣлесообразна, забывая, не говоря уже о другихъ соображеніяхъ, что именно въ судопроизводствѣ по политическимъ дѣламъ въ его время судебныя ошибки были чуть ли не чаще, нежели— *sit venia verbo*— „справедливы“ приговоры. Рядъ драгоценныхъ мыслей высказываетъ Беккарія о томъ, что въ каждомъ преступленіи отчасти виновато все общество, что преступленія слишкомъ часто обусловливаются нищетою и другими плодами со-

ціального неустроїства, что государство обязано поднять уровень народной зажиточности, всіми м'єрами развить образованіе, смягчить зв'єрскія чувства въ массахъ, и уже тогда ожидать уменьшениі преступности именно отъ этихъ своихъ м'єръ, а не отъ жестокихъ казней. Уничтоженіе привилегій, уравненіе всѣхъ передъ закономъ, сглаженіе сопіальныхъ контрастовъ Беккарія признаётъ необходимымъ условіемъ для оздоровленія общества и избавленія его отъ преступныхъ посягательствъ на жизнь, здоровье и имущество мирныхъ гражданъ. Съ удивительною литературною силою и энергией негодованія говоритьъ онъ о пыткахъ, бывшихъ тогда повсюду тайнымъ или, чаще, явнымъ условіемъ, сопутствовавшимъ всякому уголовному дознанію. Его мнѣнія сильно повлияли на криминалистовъ всей Европы и легли краеугольнымъ камнемъ въ основу тогдашней передовой криминастики. Въ Италии тосканское правительство, а за нимъ неаполитанское и пьемонтское, принялись довольно дѣятельно за уничтоженіе пытокъ и квалифицированныхъ казней (колесованія и т. п.). Герцогъ Леопольдъ совсѣмъ уничтижилъ въ Тосканѣ пытки и смертную казнь, но послѣ его смерти казни снова появились въ его странѣ. Беккарія, переведенный на французскій языкъ, читался нарасхватъ во всей Европѣ, и всюду страсть чувства, новизна мыслей завоевывали сму новыхъ и новыхъ поклонниковъ. Много читали его при различныхъ дворахъ, но справедливость требуетъ замѣтить, что завѣты его еще очень долго не были исполнены на практикѣ (да и въ наше время смертная казнь держится и находится еще убѣжденныхъ сторонниковъ). Идеи Беккарія, какъ известно, сильно повлияли на екатерининский Наказъ; уничтоженіе (если не на практикѣ, то на бумагѣ) пытокъ въ самыхъ отсталыхъ европейскихъ странахъ можно привести въ фактическую связь съ появлениемъ трактата миланского криминалиста. Меньше всего было его влияние на такъ называемое учение о доказательствахъ, игравшее весьма важную роль въ тѣ времена письменного процесса. Въ этой области, трудно поддающейся регулированію, произволъ такъ и остался произволомъ вплоть до временъ повсемѣстнаго введенія суда присяжныхъ въ XIX столѣтіи, уже послѣ объединенія. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что и вообще гуманизи-

рующее вліаніе Беккаріи отозвалось, главнымъ образомъ, на космополитической, общеевропейской интелигенці, главной носительницѣ взглядовъ энциклопедической философіи; безграмотный итальянскій народъ не имѣлъ никакого представлениія о Беккаріи. Вплоть до времена объединенія Италии и развитія элементарного школьнаго обучения. Беккарія слишкомъ опередилъ свое время; въ наши дни, въ двадцатомъ столѣтіи, ученый германскій юристъ, имѣющій громадную аудиторію и выработанную школу, горячо проповѣдуется введеніе въ уголовный кодексъ розги и цалки (Миттельштедтъ); замѣчательный мыслитель (Джонъ-Стюартъ Милль) стоялъ за смертную казнь; знаменитый ученый (Штраусъ, авторъ „Жизни Христа“) примыкаетъ къ нему; одна изъ вліятельнейшихъ европейскихъ газетъ (*Times*) называется въ принципѣ всякія петиціи о помилованіи 18-ти-лѣтней, помѣщанной девушки „дерзкими сумасбродствами“ (по поводу казни Мэри Энисель въ 1898 году). Можно ли послѣ этого думать, что привыкшее къ деспотамъ, грабителямъ и бандитамъ нынѣшнее и голодное населеніе Италии XVIII вѣка могло явиться подходящей аудиторіей для проповѣди Беккаріи? Но въ исторіи европейской публицистики и науки уголовнаго права, имя миланскаго мыслителя навсегда осталось вписанымъ на одномъ изъ наиболѣе почетныхъ мѣстъ.

Обратимся теперь къ наиболѣе выдающимся явленіямъ внутренней жизни полуострова, за все это время бездѣтнаго прозабанія и отсутствія мало-мальски яснаго національнаго или, хотя-бы, классового самосознанія. Проявленія такъ называемаго „просвѣщенаго абсолютизма“ поневолѣ станутъ здѣсь на первомъ планѣ.

IV.

Во время восьмилѣтней войны изъ-за австрійскаго наслѣдства, начатой тотчасъ же по вступленіи Марії-Терезіи на престоль, французскій дворъ въ союзѣ съ Генуею и съ Испаніей пытался отнять у австрійцевъ ихъ владѣнія, но эта попытка не удалась. Ломбардія осталась за Австріей, Генуя, несмотря на жестокое опустошеніе, сохранила свою самостоятельность, Бурбонская династія окон-

чательно утвердились въ королевстве Обѣихъ Сицилій, Францъ-Стѣфанъ, мужъ Маріи-Терезіи, остался герцогомъ тосканскимъ, Новара и Виджевано, два ломбардскихъ селенія съ довольно большой территоріей отошли къ сардинскому королевству. Все это было подтверждено Ахенскимъ миромъ (1748 г.).

Съ этого времени, вплоть до французскихъ революціонныхъ нашествій въ самомъ концѣ XVIII столѣтія, Апеннинскій полуостровъ не подвергался никакимъ военнымъ потрясеніямъ. Но уже такъ давно Апеннинскій полуостровъ не жилъ мало-мальски нормальною, спокойною жизнью, что за пятьдесятъ лѣтъ сравнительного спокойствія населеніе почти вовсе не успѣло поправить свои материальныя обстоятельства. Мы уже видѣли, что рядъ публицистовъ XVIII столѣтія ясно сознавалъ всю непріглядность положенія ихъ родинъ и предлагалъ мѣры къ исцѣленію ея ранъ. Какъ уже замѣчено нами, расчененность Италии, ея подчиненіе чужеземцамъ, словомъ, *политическая*, въ точномъ смыслѣ слова, бѣды ихъ отечества, производили на нихъ чрезвычайно мало впечатлѣнія, а соціальная ея нестроенія, напротивъ, приковывали къ себѣ все ихъ вниманіе. Это явленіе — совершенно въ характерѣ просвѣтительной эпохи, въ духовномъ ба-гажѣ которой национальная идея совершенно отсутствуетъ. Феодальные пережитки, дѣйствительно, тѣснили большинство земледѣльческаго класса всюду, особенно на югѣ — въ папской области и королевствѣ Обѣихъ Сицилій; колоссальная болота не осушались за полнѣйшимъ отсутствіемъ средствъ; податная система, почти не касавшаяся высшихъ сословій — дворянства и духовенства, — всею своею тяжестью падала на крестьянъ и высасывала послѣдніе соки изъ ихъ хозяйства; крѣпостная зависимость юридически почти не существовала, кромѣ нѣкоторыхъ мѣстностей, но фактически царила всюду, ибо крестьянинъ былъ либо арендаторомъ, либо батракомъ у помѣщика и всецѣло отъ него зависѣлъ. Вотчинная юстиція удержалась отъ феодальныхъ временъ на всемъ югѣ въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій, въ папской области, на югѣ Тосканы, даже въ большей части Пьемонта и кое-гдѣ въ Ломбардіи. Вообще, судопроизводство во всѣхъ мѣстностяхъ полуострова было крайне сложно и запутанно, ибо при частой сменѣ завоевателей въ Италии удержалось множество

различныхъ, не отмѣненныхъ или реставрированныхъ уложеній и судебніковъ, слишкомъ часто одинъ другому противорѣчившихъ. Но мало содѣйствовали вящему осложненію всей этой путаницы церковные суды; вообще, церковь въ Италии, кромѣ одного лишь Пьемонта, рабски подчинялась папѣ и не проявляла даже тѣни самостоятельности; споры съ духовными лицами и съ монашескими орденами всегда кончались для свѣтскихъ властей полуострова пораженіемъ и необходимостью дѣлать уступки. Церковная область не была ни велика, ни сильна, но съ ея владѣтелемъ приходилось считаться, вслѣдствіе многообразныхъ средствъ, моральныхъ и материальныхъ, которыми располагалъ римскій папа. Впрочемъ, при чисто азіатскомъ административномъ произволѣ, невозбранно царившемъ во всей Италии, всякие суды являлись только простою формальностью: все равно, администрація решала всевозможные споры такъ, какъ ей это было угодно. Торговля, нѣкогда процвѣтавшая на сѣверѣ Италии, подкошенная великими географическими открытиями Колумба и Васко де Гама, совершиенно почти свелась въ XVIII столѣтіи къ нулю, благодаря нолѣвой и для самого же правительства убыточной системѣ налоговъ, внутреннихъ и вѣнчанихъ таможенныхъ сборовъ и т. д. Склады шелку иногда гнили безъ пользы въ Ломбардіи, и ни одинъ кусокъ его не могъ попасть въ Пьемонтъ; бочки вина опорожнялись прямо на землю, чтобы освободить посуду для нового сбора, гдѣ нибудь въ Тосканѣ, а въ церковной области ощущался въ винѣ недостатокъ, и подобные случаи бывали далеко нерѣдко. Стоило поссориться двумъ сосѣднимъ владѣтелямъ, и торговль обѣихъ странъ наносился страшный ударъ, разорявший десятки фирмъ.

Но знаменательная эпоха, переживавшаяся тогда всею Европою, отозвалась въ Италии не только оживленіемъ умственной жизни, о которомъ мы упомянули выше: итальянская исторія XVIII столѣтія знаетъ нѣсколько попытокъ реформъ сверху, предпринимавшихся въ эти годы „просвѣщенного абсолютизма“ и въ Даніи, и въ Португалии, и въ Австріи, и въ Россіи. Въ герцогствѣ тосканскомъ, впрочемъ, всѣ усилия правительства Франца-Степана были направлены на техническую помощь разоренному населенію: гидравлическія и ирригационныя работы были предприняты въ самыхъ широкихъ

разибрахъ; на нихъ не щалили ни сродствъ, ни труда, въ особенности же эти работы усердно велись въ Ломбардіи, принадлежавшей Австрії, но подвѣдомственной Францу-Стефану, какъ уполномоченному супругу Маріи-Тересії и германскому императору.

Въ Тосканѣ былъ также предпринять пересмотръ всего финансового устройства страны, затѣвалась реформа администраціи и суда; но ничего опредѣленного изъ этихъ усилій не вышло.

Но при сынѣ и преемникѣ Франца герцогѣ Леопольдѣ I (вступившемъ на престолъ въ 1765 году), реформаторская дѣятельность въ Тосканѣ на самомъ дѣлѣ весьма сильно оживилась. Прежде всего, онъ поручилъ двумъ юристамъ (Верначини и Чіани) проредактиро-вать общій для всего герцогства сводъ законовъ, ибо до тѣхъ порь въ Тосканѣ существовало около 4 независимыхъ другъ отъ друга судебнаго и еще большее количество своеобразныхъ обычно-правовыхъ формъ судопроизводства. Этотъ сводъ такъ и не былъ окончательно составленъ, но весьма многое на пути выясненія правовыхъ нормъ было имъ всетаки сдѣлано. Онъ изгналъ смертную казнь, полагавшуюся тогда за 40—50 особыхъ родовъ преступлений, допустилъ въ извѣстныхъ случаяхъ публичность и устность уголовнаго процесса, установилъ опредѣленный комплектъ судей для каждой мѣстности. Мало того: Леопольдъ, большой поклонникъ новыхъ физіократическихъ и просвѣтительныхъ идей, отмѣнилъ главнѣйшиес виды торговой государственной монополіи; продажа табаку и водки сдѣгалась совершенно свободной. Были уничтожены почти все внутреннія заставы и таможни, убивавшія торговлю, и это тотчасъ отразилось на оживленіи торговаго обмѣна, отъ чего слишкомъ ужъ давно Тоскана отвыкла. Не остался молодой герцогъ глухъ и къ указаніямъ современныхъ ему публицистовъ (о которыхъ мы уже говорили): онъ совсѣмъ подкосилъ и безъ того, впрочемъ, не твердо державшіеся въ Тосканѣ феодальные обычай и права, уничтожилъ заповѣдность очень многихъ имѣній, разрѣшилъ крестьянамъ покупать и огораживать землю, считавшуюся до сихъ порь общинною и стоявшую почти впустѣ, вслѣдствіе рѣдкаго населенія. Были высушены три огромныхъ болота, и оздоровленная мѣстность стала быстро на-селяться крестьянами-пролетаріями изъ церковной области и другихъ

мѣсть. Леопольдъ началъ одинъ изъ первыхъ въ Европѣ публиковать роспись государственныхъ приходовъ и расходовъ, что съ не- привычки вызвало нареканія всѣхъ коронованныхъ сосѣдей. Доходы казны сразу увеличились параллельно съ общимъ оживленіемъ тор- гово-промышленной жизни страны. Вывозъ хлѣбныхъ продуктовъ, вина, сахару принялъ небывалые прежде размѣры, и хотя до полнаго „воскресенія Тосканы изъ мертвыхъ“, о которомъ говорили придворные энтузіасты, было всетаки далеко, тѣмъ не менѣе такого знаменательного времени страна эта никогда больше не переживала вплоть до объединенія Италіи. Особенно яркій и интересный коло- рить всей эпохѣ придала полная свобода печати, царившая тогда въ Тосканѣ и неизвѣстная рѣшительно никогда болѣе на всемъ континентѣ Европы. Мыслители, вродѣ Беккарии, боявшіеся цензуры ломбардской, венецианской, неаполитанской, щемонтской и т. д., пе- чатали свои произведенія только въ тосканскихъ, типографіяхъ. Вообще, Леопольда можно назвать самымъ искреннимъ послѣдователемъ и смѣлымъ изъ всѣхъ представителей просвѣщенного абсолютизма въ XVIII вѣкѣ. Но до передѣлки государственныхъ учреждений, въ смыслѣ расширенія народныхъ правъ, не дошелъ и онъ: это, впрочемъ, и не составляло ясно опредѣленнаго требованія ни одной значительной группы населенія.

Современникъ Леопольда тосканского, министръ и руководящій государственный дѣятель королевства Обѣихъ Сицилій, Тануччи, за-нимавшій много лѣтъ свой постъ при королѣ Карлѣ Бурбонскомъ, подавши также отчасти новымъ вѣяніямъ просвѣтительной эпохи, но, кажется, еще больше вслѣдствіе твердаго намѣренія поправить жалкіе финансы королевства, совершенно преобразовалъ сверху до низу администрацію и вѣдомство сборовъ и налоговъ. Во главѣ фискального дѣла онъ поставилъ особое учрежденіе „магистратуру экономії“, которое, путемъ сложнаго и строгаго контроля обязано было препятствовать казнокрадству и незаконнымъ поборамъ; нача-лось составленіе однообразнаго кодекса гражданскихъ и уголовныхъ законовъ, ибо безнадежная путаница царила въ дѣйствовавшемъ неаполитанскомъ законодательствѣ, составленномъ изъ мозаики по- становленій Гогенштауфеновъ, арабскихъ шейховъ, Анжуйской

частій, испанскихъ и т. д.: всѣ разнообразные владыки Неаполя и Сициліи за послѣднія пятьсотъ-шестьсотъ лѣтъ оставляли по себѣ указы и законы, часто другъ другу противорѣчившіе и почему-то не отмѣненные. Тануччи, при помощи юриста Чирillo, почти совсѣмъ упорядочилъ неаполитанскую кодификацію. Тогда же были уничтожены прежніе драконовскіе законы противъ евреевъ, и они вновь привлечены въ королевство: доходы съ оживившейся торговли дали правительству возможность путемъ посылки ряда морскихъ экспедицій обезопасить до извѣстной степени западную часть Средиземнаго моря отъ варварійскихъ пиратовъ, обитавшихъ на сѣверномъ берегу Африки и не дававшихъ покоя купеческимъ судамъ. Въ 1759 году король Карль, унаслѣдовавшій испанскій престоль, перебѣхалъ въ Мадридъ, а неаполитанскую корону предоставилъ малолѣтнему своему сыну Фердинанду (IV), а Тануччи просилъ оставаться при сыне въ качествѣ руководителя. Тогда Тануччи еще смѣлъ, нежели прежде, принялъся за реформы. Онъ пробовалъ нанести ударъ остаткамъ феодализма, какъ этого требовали упомянутые нами публицисты Броджіа, Дженовези, а впослѣдствіи Філанджіери. Онъ отнялъ у феодальныхъ бароновъ право вотчиннаго судопроизводства, вмѣшивался въ слишкомъ ужъ жестокіе поборы ихъ съ крестьянъ; впрочемъ, сокрушить эту силу онъ не былъ въ состояніи: боялся возбудить дворянское восстаніе противъ династіи. Точно также въ предѣлахъ, казавшихся ему безопасными, Тануччи боролся съ неспомѣрнымъ вліяніемъ духовенства въ Обѣихъ Сициліяхъ: все населеніе королевства равнялось приблизительно $3\frac{1}{3}-4\frac{1}{2}$ миллионовъ душъ, а духовенства разныхъ наименованій было тамъ около 150 тысячъ, и всякий монастырь, всякая церковь уже претендовали на свой, особенный, чисто духовный судъ, которому должна быть подчинена вся округа, житоли земли, зависящей отъ данной церкви или монастыря. Тануччи изъялъ всѣ свѣтскія дѣла изъ церковной подсудности, оставивши духовнымъ судамъ лишь разбирательство по процессамъ духовенства и по обвиненію кого-либо въ святотатствѣ. Когда папа сталъ обнаруживать явные признаки неудовольствія по этому поводу, Тануччи заявилъ, что не допустить ни одной папской буллы къ опубликованію и къ приведенію въ дѣйствіе въ кор-

левствѣ Обѣихъ Сицилій, пока неаполитанскій король этого не разрѣшилъ. Но послѣ Тануччи, уже при управлѣніи Фердинанда IV, новыя вѣянія начали сильно тускнѣть въ Неаполѣ; правда, финансовые реформы сильно поправили положеніе дѣль казны; торговля поднялась, шелкъ и другія матеріи тысячами штукъ вывозились въ Испанию и въ сосѣднія итальянскія страны. Но, напримѣръ, о со-
крушеніи феодальныхъ порядковъ на благо крестьянству правительство уже не мечтало совершенно; финансовые излишки шли на постройку военныхъ кораблей и на увеличеніе арміи; а увеличеніе арміи нужно было для усмиренія вѣчныхъ мятежей въ голодающей, угнетенной феодалами Сициліи. Правительство требовало ввести въ сицилійское дворянское собраніе (юнту) также представителей городовъ, но цѣли не достигло, ибо, хотя по закону буржуазія острова могла имѣть въ юнти представителей, но на дѣлѣ дворянне не позволяли ей этимъ пользоваться. Впрочемъ, вообще, юнта не имѣла (не говоря уже о всемъ королевствѣ) даже для острова Сициліи никакого политического значенія. Весь югъ Италии былъ въ фактической власти разбойничихъ шаекъ, и неаполитанское правительство ничего съ бандитами подѣлать не могло: для бандитовъ XVIII вѣка былъ такимъ же золотымъ временемъ, какъ и все предшествующіе ему.

Не прошли новыя вѣянія безъ слѣда и въ Ломбардіи, принадлежавшей австрійской коронѣ. Австрійскій намѣстникъ Фирміанъ освободилъ землемѣльческое сословіе отъ нѣкоторыхъ чрезвычайно отяготительныхъ налоговъ, взимавшихся, напримѣръ, при продажѣ хлѣба владѣльцамъ крупныхъ складовъ; земельная подать была распределена несравненно справедливѣе, нежели прежде, ибо специально для этой цѣли былъ устроенъ общій поземельный кадастъ, установившій совсѣмъ новыя и часто неожиданныя цифры земельныхъ владѣній. Рядъ канализационныхъ и ирригационныхъ работъ, чрезвычайно важныхъ для населенія, былъ исполненъ Фирміаномъ отчасти на ломбардскія, отчасти на австрійскія деньги; это сдѣлало его эпоху надолго памятною въ Ломбардіи. Свобода печати при немъ не была столь полною, какъ въ Тосканѣ при Леопольдѣ, но во всякомъ случаѣ, такая, что о ней со вздохомъ вспоминали пять-

десять лѣтъ спустя, въ меттерниховскія времена. Іосифъ II сохранилъ въ неприкосновенности все, сдѣланное намѣстникомъ Фирміаномъ при Марії-Терезіи, и, съ своей стороны, оказалъ живѣйшую денежную и моральную поддержку павійскому университету, который, также, въ теченіе всей первой половины XIX вѣка, имѣлъ случай сравнить меттерниховскій гнетъ съ счастливыми 60—70—80-ми годами XVIII столѣтія. Вообще, Іосифъ ничего не жалѣлъ для Ломбардіи: отсутствіе тамъ національного самосознанія привлекло къ ней императора-централиста, а съ нуждами государственного благоустройства онъ всегда искреннѣйшимъ образомъ хотѣлъ покончить къ выгодѣ подданныхъ. Онъ учредилъ верховный апелляціонный судъ, засѣдать въ которомъ призвалъ, между прочими и Беккаріо; для упорядоченія сбора и расходованія податей была учреждена особая, подвѣдомственная не намѣстнику, а самому императору, контрольная палата. Населеніе Ломбардіи, съ 70-хъ гг. равнявшееся одному миллиону съ нѣсколькими десятками тысячъ человѣкъ, къ концу столѣтія замѣтно возросло въ австрійскихъ владѣніяхъ.

Въ сардинскомъ королевствѣ просвѣщенный абсолютизмъ нашелъ довольно безцвѣтнаго представителя въ Карлѣ-Эммануилѣ I, который, правда, нѣсколько расширилъ свободу книгопечатанія, ограничилъ самоуправство феодального дворянства по отношенію къ крестьянамъ, уничтоживъ монастырскія темницы, гдѣ часто годами хоронились люди, вовсе не подвѣдомственные духовному суду. На полуостровѣ Сардиніи были основаны школы и двѣ гимназіи, почему-то носявшія громкое название университетовъ; податное бремя также было отчасти переброшено съ крестьянскаго сословія на духовенство и помѣстное дворянство, впрочемъ въ довольно незначительной степени. Вообще, для Сардиніи присоединеніе ея къ Піемонту имѣло немалое цивилизующее значеніе: подъ вліяніемъ строгихъ судебныхъ приговоровъ и дѣятельнаго вмѣшательства администраціи во всѣ старые счеты и споры сардинскаго населенія, обычай кровавой мести сталъ изчезать въ Сардиніи почти на сто лѣтъ раньше, нежели изъ сосѣдней Корсики.

Что касается до церковной области, то въ XVIII столѣтіи въ ней свирѣпствовала самая полная теократическая реакція. Осо-

бенно съ 1758 года, съ начала pontifikата Климента XIII, она дала себя почувствовать. Когда либеральный министр Тануччи изгналъ іезуитскій орденъ изъ королевства Обѣихъ Сицилій, а герцогъ Фердинандъ Пармскій изъ своего герцогства, Климентъ XIII устроилъ полицейскія и цензурныя строгости въ своихъ владѣніяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, разсорился весьма рѣзко и круто со всѣми просвѣщенно-абсолютистскими правительствами Италии. Въ отвѣтъ на его буллы обѣ отлученіи герцогъ Фердинандъ Пармскій отмѣнилъ у себя инквизицію; его примѣру послѣдовали другіе (Модена, Тосканы). Всюду стали уничтожаться огромные, существовавшіе со временемъ Карла Великаго церковные иммунитеты, представлявшіе во всей Италии оазисы, подчиненные папѣ и его ставленникамъ; всюду эта экстерриториальность уничтожалась самимъ рѣшительнымъ образомъ. Положеніе населенія церковной области при Климентѣ XIV было невыносимо, ибо папа въ отвѣтъ на всѣ неблагопріятныя для него мѣропріятія иностранныхъ государей удваивалъ стѣсненія для своихъ подданныхъ, лумая этимъ бороться противъ тенденцій вѣка. Умеръ онъ, ничего не достигнувъ, проклиная Тануччи, Леопольда и французского ministra Шузеля, а преемникъ его (Климентъ XIV) долженъ былъ въ 1773 году особою буллою уничтожить орденъ іезуитовъ. Для Генуи XVIII столѣтіе было временемъ дѣятельности, направленной противъ опасныхъ сосѣдей — пѣмонтскаго короля и Ломбардіи, грозившихъ поглотить маленькую и обнищавшую генуэзскую республику. Аристократическая конституція Генуи, передававшая всю власть въ руки знати, не подверглась за это время никакому существенному измѣненію; торговля продолжала падать изъ десятилѣтія въ десятилѣтіе, флотъ, все еще весьма сильный, чаще и чаще отдавался въ наймы кому-нибудь изъ нуждавшихся въ немъ итальянскихъ правительствъ. Долгое и кровавое возстаніе Корсики противъ своей метрополіи — Генуи никакъ не могло быть подавлено, и, отчаявшись въ ея обратномъ завоеваніи, Генуя уступила Корсику французскому королю; въ 1769 году французская армія разбила инсургентовъ и присоединила островъ къ Франціи. Генуя совсѣмъ обез силѣла послѣ этой утраты.

Столь же чуждой вѣяніямъ вѣка, какъ и Генуя, осталась и

другая аристократическая республика — Венеция, которая нерушимо сохранила свое государственное устройство, со всею его олигархической замкнутостью и беспощаднымъ преслѣдованіемъ своихъ враговъ. Всѣ усилия Венеции были направлены уже не на поднятіе торговли и былого могущества, — обѣ этомъ правительство еще въ XVII столѣтіи перестало даже мечтать, а только на удержаніе самостоятельности и на охраненіе своихъ островныхъ владѣній на Адриатическомъ морѣ. Эта задача была вполнѣ до революціонныхъ французскихъ нашествій разрѣшена вполнѣ удовлетворительно.

Восемнадцатый вѣкъ подходилъ къ концу, оставляя Италию все же въ лучшемъ состояніи, нежели то, въ которомъ онъ засталъ ее. Однако, главная задача исполнена не была: феодальные пережитки продолжали тяготѣть надъ громаднымъ большинствомъ населенія и препятствовать нормальному развитію общественности и экономической жизни. Просвѣщенный абсолютизмъ кое-что для Италии, какъ мы видѣли, сдѣлалъ, но его благодѣянія были слишкомъ не прочны, слишкомъ связаны съ личностью государей. Безграмотный и нищий народъ не зналъ и не понималъ намѣреній просвѣщенно-абсолютистскихъ правительствъ, среднее сословіе только въ Ломбардіи, и только къ концу вѣка, стало поднимать голову, феодальное дворянство было рѣзко враждебно настроено противъ подобныхъ новшествъ, духовенство также, а духовенство имѣло надъ населеніемъ поистинѣ колоссальную моральную власть. Немудрено, что французская революціонная армія, разлившись по Апеннинскому полуострову, всюду заставали типичныя формы стараго режима, и всюду отмѣчали свой путь глубочайшими переворотами всѣхъ житейскихъ отношеній.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Италия въ эпоху революционныхъ нашествій и нааполеоновскаго владычества (1796—1814 гг.).

I.

Когда еще при конвентѣ начались войны французской республики противъ европейскихъ державъ, для самыхъ недальновидныхъ людей было ясно, что Италия очень скоро сдѣлается однимъ изъ первыхъ и главныхъ театровъ ожесточенной борьбы. Группа небольшихъ, разъединенныхъ государствъ и владѣній, безъ сильныхъ армій, безъ денегъ, безъ общаго, столь необходимаго имъ всѣмъ союза, не могли надѣяться отбросить французское нашествіе, ибо соотношеніе силъ между Франціей и странами Апеннинского полуострова въ 90-хъ годахъ XVIII столѣтія было еще плачевнѣе для Италии, нежели въ 90-хъ годахъ XV-го, въ эпоху Карла VIII, Савона-ролы, Людовика Моро и т. д. Нужно сказать, что и Австрія также была далеко не спокойна за свои итальянскія владѣнія, и ея беспокойство слишкомъ оправдалось во время первого похода Бонапарта; впрочемъ, австрійцы были для Италии такими же чужеземцами, какъ и угрожавшіе ей французы. Столѣтнее владычество ихъ не сблизило съ кореннымъ населеніемъ никаколько. Что касается до папскихъ владѣній, то они охранялись полунааемными, полурекрутированными войсками численностью въ три-четыре тысячи человѣкъ; тосканское герцогство могло выставить отъ 5 до 6 тысячъ; Сардинское королевство было сильнѣе всѣхъ, такъ какъ обладало арміей отъ 22 до 25 тысячъ человѣкъ; въ Пармѣ былъ отрядъ въ семьсотъ человѣкъ, въ Генуѣ — $1\frac{1}{2}$ тысячи, въ Моденѣ тысяча, въ Луккѣ — двѣсти-триста чел., въ Венеции — 2 тысячи. Немудрено, что первое-же нашествіе французовъ оказалось полнымъ триумфомъ. Но италь-

янскимъ правительствамъ какъ будто было недостаточно своего физического безсилія: они постарались усугубить его и безсиліемъ моральнымъ; какъ только началось французское революціонное движение, мгновенно прекратились всѣ проявленія „просвѣщенного абсолютизма“, и началось преобладаніе противоположныхъ тенденцій. Въ Неаполѣ, въ Тосканѣ поспѣшно отмѣнялись всѣ благія реформы послѣднихъ десятилѣтій, подкрѣплялось и починялось ветшавшее феодальное зданіе, дворянство призывалось сплотиться вокругъ правительственної власти, и дать отпоръ идущимъ изъ Франціи ломократическимъ началамъ. Марія—Каролина, королева неаполитанская, преслѣдовала даже такія невинныя ассоціаціи, какъ масонскія братства, всюду терпѣвшіяся въ продолженіе всего XVIII столѣтія. Къ этому времени Габсбурги породнились съ неаполитанскими Бурбонами, такъ какъ Фердинандъ, унаслѣдовавшій Тоскану отъ своего отца Леопольда, женился на дочери неаполитанскаго короля, и политика отдельныхъ государствъ полуострова сдѣлалась довольно единой по основнымъ тенденціямъ. Во главѣ реакціоннаго движенія сталъ сардинскій король Викторъ-Амедей, ближайшій географическій сосѣдъ Франціи и потому наиболѣе воинственно настроенный. Вообще, поражаетъ въ эту эпоху у всѣхъ итальянскихъ правительствъ наивнѣшняя преодѣлка собственныхъ силъ, мнѣніе, что они могутъ вести противъ „французскихъ разрушителей“ не только оборонительную, но, въ случаѣ надобности, и наступательную войну. Поэтому, когда австрійскій императоръ Францъ I объявилъ въ 1792 году войну Франціи и этимъ самымъ объявилъ на военномъ положеніи принадлежавшую ему Ломбардію, въ Италии никто особенно не взволновался. Знали, что первые шаги союзныхъ державъ будутъ сдѣланы на сѣверѣ, у Рейна, были увѣрены, что дѣло окончится пораженіемъ Франціи, и не думали о полуостровѣ, какъ о возможномъ театрѣ войны. Тоскана, Генуя и Венеція объявили себя нейтральными, ибо не видѣли въ войнѣ никакой для себя выгода. Когда начались побѣды французовъ на восточной границѣ, когда пруссаки и австрійцы горькимъ опытомъ узнали, какъ велика была ихъ ошибка въ сравненіи Франціи съ Польшѣй, сардинское правительство чрезвычайно беспокоилось, тѣмъ больше, что въ королевствѣ уже нач-

лось броженіе немногочисленныхъ, но сильно возбужденныхъ французскою революцію передовыхъ элементовъ буржуазіи. А событія шли своимъ чередомъ, съ французами нельзя уже было мириться, ибо они вовсе, какъ оказывалось, не хотѣли мира и не боялись войны. Въ началѣ 1794 года генералъ Дюма съ французскимъ дивизиономъ занялъ Монъ-Сени и западную Савойю. Сильнейшая тревога распространилась по всей Италии, т. е. въренѣе, среди итальянскихъ правительствъ. На островѣ Сардиніи авторитетъ пьемонтскаго правительства умалился настолько, что выгнали воинъ вице-короля и потребовали реформъ въ сепаративномъ духѣ; въ Туринѣ образовался (небольшой, впрочемъ) заговоръ съ цѣлью вынудить у Виктора-Амедея либеральные уступки; въ Неаполѣ Марія-Каролина начала такъ свидѣствовать противъ всѣхъ, заподозрѣнныхъ въ прокисновенности къ „французской заразѣ“, что неаполитанскія и сицилійскія тюрьмы наполнились арестантами, и инквизиціонныя пытки подъ шумокъ событій весьма часто пускались въ ходъ въ этихъ глухихъ казематахъ. Но всетаки ни одно итальянское правительство не поняло истиннаго положенія дѣлъ,—того, что грозная опасность лежитъ на нихъ въ видѣ французской военной силы, а не изъ нѣсколькихъ демократическихъ каѳэ Неаполя, Турина, Милана или Генуи. Викторъ-Амедей, войдя въ тѣснѣйший союзъ съ австрійцами, выставившими десять тысячъ человѣкъ, и съ англичанами, дѣятельно поддержавшими на Корсикѣ восстаніе противъ Франціи, снова уже склоненъ былъ считать себя въ безопасности. Директорія еще болѣе утвердила его въ этомъ мнѣніи, предложивши миръ съ условіемъ, чтобы сардинскій король пропустилъ черезъ Пьемонтъ французскую армію въ Ломбардію, откуда французы должны были изгнать австрійцевъ. Викторъ-Амедей отказался наотрѣзъ. Осенью 1795 г. пьемонтская армія и союзный австрійскій отрядъ потерпѣли нѣсколько пораженій отъ французского генерала Шерера. Но они надѣялись на нищету и начинавшуюся дезорганизацію французскихъ войскъ, ждали весны и источенія провіанта въ скѣдныхъ савойскихъ ущельяхъ. Папа и неаполитанское правительство еще разъ объявили себя на сторонѣ „священной войны“ противъ французской республики. Наконецъ, настала памятная для исторіи Италии весна 1796 г.:

главнокомандующимъ французской арміи былъ назначенъ мало кому известный молодой генералъ Наполеонъ Бонапартъ.

II.

27 марта 1796 года въ Ниццу пріѣхалъ въ качествѣ главнокомандующаго двадцатишестилѣтній генералъ Наполеонъ Бонапартъ. Наступательный образъ дѣйствій рѣшенья былъ имъ уже давно, особенно послѣ полученія извѣстія, что временно командовавшій французской арміей Серюре на-голову разбилъ пьемонтскія войска. Первою своею задачею Наполеонъ поставилъ отдѣлить пьемонтцевъ отъ ихъ союзниковъ австрійцевъ. 12 апрѣля Бонапартъ разбилъ австрійскую армію при Монтепотте, тотчасъ послѣ побѣды повернулся къ сардинской (пьемонтской арміи), разбилъ ее на слѣдующій день (13-го апрѣля) при Миллезимо, 14-го и 15-го дважды разгромилъ снова австрійцевъ при Дего— и пустился преслѣдовывать отступавшія по всѣмъ направленіямъ сардинскія войска. Тутъ-то и сказалась та моральная слабость сардинского правительства, которая губила его дѣло еще больше, нежели слабость военная: въ Пьемонтѣ, где были элементы, обозленные безсмысленнымъ деспотическимъ давленіемъ послѣднихъ лѣтъ, началось броженіе въ пользу „освободителей“ французовъ. Боясь внутреннихъ заговоровъ, растерявши предъ наступающимъ Бонапартомъ, не вѣря уже въ австрійскую силу, Викторъ-Амедей совершилъ поступокъ, который признавался австрійскимъ дворомъ громогласно за предательство: онъ заключилъ съ французами миръ. Конечно, Наполеонъ поставилъ, по своему обыкновенію, самыя тягостныя и унизительныя условія, какія только могъ поставить: Викторъ-Амедей уступилъ Франціи всю Савойю, Ниццу, девять крѣпостей (оставивши себѣ только одну), и цѣлую массу отдѣльныхъ мѣстностей. Королю остались лишь Туринъ и одна крѣпость. Были также пункты, объясняющіе, почему Наполеону удалось сохранить въ глазахъ итальянскаго общества ореоль освободителя, нужный ему, пока еще не совсѣмъ овладѣлъ полуостровомъ: онъ поставилъ непремѣннымъ условіемъ мира полную амнистію всѣмъ политическимъ преступникамъ въ сар-

линскомъ королевствѣ, выпускъ ихъ на волю, возвращеніе конфискованныхъ имуществъ, прекращеніе всѣхъ политическихъ процессовъ и т. д. Весьма характеренъ для бонапартовскаго либерализма другой пунктъ того-же мирнаго договора, по которому Викторъ-Амедей обязывался выдавать французской полиціи всѣхъ политическихъ преслѣдуемыхъ ею лицъ, если они укроются во владѣніяхъ короля. Забравши въ Пьемонтѣ денегъ, фуражу и провіанта, Бонапартъ двинулся дальше къ востоку, все преслѣдуя австрійцевъ, оставшихся теперь одинокими. При Лоди, мостъ, обороняемый австрійцами, былъ взятъ штурмомъ, и послѣ бѣгства австрійской арміи, въ нѣсколько дней всѣ западныя ломбардскія крѣпости (въ томъ числѣ и Павія) попали въ руки Бонапарта, а 14 мая онъ вступилъ въ Миланъ. Побѣдитель безпощадно грабилъ занятыхъ мѣстности: Ломбардія заплатила ему 25 миллионовъ франковъ. Не довольствуясь этимъ, Бонапартъ вызвалъ въ занятыхъ страны изъ Парижа археологовъ и ученыхъ художниковъ, которые опустошили всѣ музеи и перевезли изъ Италии въ Парижъ массу драгоцѣнныхъ созданій античнаго искусства. Герцогъ Пармскій уплатилъ двадцать миллионовъ, объявилъ себѣ покорнымъ, выдалъ всѣ картины и мраморы своей коллекціи, и его примѣру послѣдовалъ герцогъ Моденскій, который также, безъ единаго выстрѣла, только подъ вліяніемъ ужаса предъ Бонапартомъ уплатилъ десять миллионовъ, и отдалъ всѣ драгоцѣнныя вещи, картины и статуи. Французскіе отряды заняли оба герцогства, и часть остальной арміи наводнила Романью. Болонья и Феррара отдали все, что у нихъ было— $3\frac{1}{2}$ миллиона, а затѣмъ папа долженъ былъ отдать Бонапарту совершенно оба эти города, прибавить къ нимъ Реджіо, заплатить $15\frac{1}{2}$ миллионовъ и лишиться огромной библіотеки драгоцѣнныхъ манускриптовъ. За все это папа получилъ только перемиріе съ возможностью для Бонапарта каждую минуту начать воскреснія дѣйствія. Тоскану, успѣвшая заблаговременно, еще до похода Бонапарта, занять дружественную французамъ позицію, также не совсѣмъ упѣльла: французская армія вошла въ нее и ограбила на двадцать миллионовъ франковъ англійскіе склады и магазины, бывшия въ Ливорно. Въ послѣднихъ числахъ іюля, ограбивши

всю Сѣверную Италию, Бонапартъ двинулся дальше, все къ востоку. Онъ шелъ прямо въ Австрію. Послѣ кровавыхъ пораженій при Лопато и Кастильоне, австрійская армія, по пятамъ преслѣдуемая Бонапартомъ, очистила совершенно Апеннинскій полуостровъ и отступила въ Тироль. Только еще въ Мантуѣ держался осажденный французскимъ отрядомъ 15-тысячный гарнизонъ. Наполеонъ не торопился штурмовать Мантую, ибо онъ зналъ, что около шести тысячъ больныхъ лежать въ городѣ — въ лазаретахъ и на улицахъ, что провіантъ неѣтъ и что австрійцамъ остается голодная смерть или сдача. Австрійскій генералъ Альвинци съ 50-тысячною арміей пытался спасти Мантую, но, послѣ страшной трехдневной рѣзни у Арколе, Бонапартъ отбросилъ его прочь. Это случилось уже къ концу 1796 года, а въ первые дни января Альвинци съ новыми 45 тысячами снова уже шелъ на выручку Мантуи. Но Бонапартъ опять напалъ на него (при Риволи, 13-го января 1797 года) и истребилъ двѣ трети австрійцевъ, а десять тысячъ взялъ въ пленъ. Тогда, 2-го февраля, Мантуя сдалась, наконецъ, на капитулляцію; на улицахъ валялось около 7 тысячъ мертвцовъ, 5 тысячъ умирало въ госпиталяхъ, остальные пятнадцать тысячъ положили оружіе. Послѣ этого папа, уже въполномъ отчаяніи, рѣшилъ просить объ окончательномъ мирѣ. Бонапартъ получилъ, кромѣ уже отнятыхъ раньше Болонью, Феррары и всей Романіи, еще Анкону, 15 миллиновъ (кромѣ уплаченныхъ раньше $15\frac{1}{2}$) — и вѣтъ почти драгоценныя статуи и картины. Тотчасъ послѣ паденія Мантуи, Бонапартъ вторгся въ Тироль; Австрія (17 апрѣля) заключила миръ съ французскою республикою. Такъ окончилась „священная война итальянскихъ державъ противъ парижскихъ мятежниковъ“. Вся Сѣверная и Средняя Италия была въ рукахъ французской директоії. За 11 мѣсяцевъ бонапартовскаго похода разлетѣлась въ прахъ вся политическая система полуострова, зарывшая со временемъ войны за испанское наслѣдство.

III.

Сардинское королевство, низведенное до двухъ маленькихъ округовъ, было совершенно подъ пятою Бонапарта, и Викторъ-Амедей, желчный и черствый тиранъ со своими подданными, старался самымъ наивнымъ угодничествомъ и пресмыкателствомъ предъ французскимъ главнокомандующимъ спасти остатокъ своихъ владѣній. Впрочемъ, уже ясно было, что ни вражда, ни пресмыкателство не спасутъ никого отъ Бонапарта: Генуя и не думала ссориться съ Франціей, и, тѣмъ не менѣе, туда вошелъ французскій отрядъ, и дожь вмѣстѣ съ окружавшимъ его совѣтомъ подчинились всецѣло представителю Франціи; Венеція, также не объявлявшая войны, потеряла два своихъ округа (Кремону и Брешию), а вскорѣ затѣмъ и Верону. Нападая на своихъ друзей, никогда съ ними не воевавшихъ, Наполеонъ иногда выставлялъ пустѣйшіе предлоги, а иногда никакихъ предлоговъ не выставлялъ, а, просто, бралъ, что ему хотѣлось. Тоскану также онъ грабилъ, одновременно съ грабежомъ изъясняясь въ дружественныхъ чувствахъ предъ герцогомъ. Но ужаснѣе всего было его поведеніе по отношенію къ Венеціи. Мирясь съ австрійцами, которые отказывались отъ всей Бельгіи, всей Ломбардіи, уступали всѣ завоеванія французамъ, онъ долженъ былъ, по договору, вознаградить ихъ венеціанскими владѣніями. Венеціанскій сенатъ умолялъ, унижался, предлагалъ Наполеону вѣчный союзъ, напоминаль о своей постоянной дружбѣ къ Франціи и покорности, но все было напрасно. Предъ страхомъ войны съ французами умолкли всѣ соображенія, и сенатъ (т. е. 755 нобилей, правившихъ республикою) передалъ безусловно, и безъ всякихъ оговорокъ, власть въ руки десяти человѣкъ, назначенныхъ Бонапартомъ. Затѣмъ продѣлана была комедія заключенія „мира“ между Венеціей и Франціей. Городъ уплатилъ шесть миллионовъ франковъ, выдалъ 10 тысячъ ружей, 5 военныхъ кораблей, лучшія картины старыхъ венеціанскихъ мастеровъ и библиотеку изъ 500 рукописей. Когда въ августѣ 1797 года между Австріей и Франціей былъ заключенъ миръ, городъ Венеція и ея восточная владѣнія — Истрія,

Далмация, Каттара были отданы Австрии, островные владѣнія Венеции, т. с. Корфу, Кефалонія и другое шесть попали въ руки Франціи такъ же, какъ вся Албанія и три округа на Апеннинскомъ полуостровѣ, а остальная владѣнія Венеции на полуостровѣ присоединены были къ такъ называемой „цизальпинской республикѣ“, которая, такимъ образомъ, родилась на свѣтъ въ моментъ гибели существовавшей $1\frac{1}{2}$, тысячи лѣтъ Венеции. Цизальпинская республика, образованная еще въ маѣ 1797 года, и признанная Австріей по Кампоформійскому миру въ августѣ того же года, состояла изъ отнятыхъ у Австрии Ломбардскихъ владѣній, города Мантуи, Пескьери, герцогства Моденскаго, Массы, Каррары и отнятыхъ у папы Феррари, Болоньи и всей Романьи, а также части венецианскихъ владѣній на полуостровѣ; съ сѣвера, простымъ декретомъ французского правительства, къ этой новой „цизальпинской республикѣ“ были присоединены швейцарскіе округи Вадтольино, Кіавенна и Борміо. Во главѣ этой новой республики Бонарпартъ поставилъ пять директоровъ, законодательный корпусъ состоялъ изъ 168 членовъ, а совѣтъ старѣшинъ, обсуждавшій законопроекты до внесенія въ законодательный корпусъ,— изъ 80 членовъ. Нечего и говорить что „цизальпинская республика“, сколоченная изъ разныхъ частей и поставленная подъ прямое вліяніе Франціи, являлась не болѣе, какъ политическою фикціею: вся она была только лишь владѣніемъ Франціи, хотя прогрессивные элементы полуострова и радовались слову „республика“ и уничтоженію остатковъ феодального строя (уравненію дворянства въ правахъ съ другими сословіями, уничтоженію нѣкоторыхъ старыхъ феодальныхъ поборовъ и т. д.). Самъ Бонарпартъ дѣлалъ все, чтобы привязать Сѣверную Италію къ ся новому государственному устройству, но, въ дѣйствительности, циничнѣйшимъ образомъ относился ко всей этой комедіи съ шумихою республиканскихъ фразъ. „Вы мало знаете этотъ народишко (итальянцевъ),“— писалъ онъ Талейрану: „изъ вашихъ писемъ я вижу, что вы продолжаете по-прежнему придерживаться ложныхъ сужденій. Вы думаете, что свобода въ состояніи что-нибудь сдѣлать порядочное изъ этихъ обабившихся, суевѣрныхъ, трусливыхъ и гнусныхъ людей. Не могу же я основываться на любви народовъ къ

свободѣ и равенству, всѣ эти фразы хороши только въ прокламаціяхъ и рѣчахъ, т. е. въ басняхъ". Ограбивши, занявши и отдавши Австріи Венецію, Наполеонъ столь же мало поцеремонился съ другою нейтральною республикою — Генуэзскою. Французскіе происки возбудили въ Генуѣ матежъ противъ аристократическаго сената; впрочемъ пригородные крестьяне и простой народъ въ городѣ стояли на сторонѣ сената, только молодежь средняго сословія была въ лагерѣ инсуррекціи. Но когда восстание не удалось, Бонапартъ, уже совершенно не церемонясь и не объявляя войны, послалъ въ Геную 12 тысячъ солдатъ, при помощи которыхъ и ниспровергъ древнее государственное устройство. Новая конституція вручала власть тремъ стамъ депутатамъ отъ всего населенія, уравненнаго въ правахъ; законы утверждались совѣтомъ старѣшинъ изъ 150 чл., а исполнительная власть была въ рукахъ назначенаго Наполеономъ дожа. Впрочемъ, конституція этой новой „Лигурійской“ республики такъ же существовала на бумагѣ, какъ и конституція „цизальпинской“; въ действительности, Генуя сдѣлалась французской провинціей. Вѣчный страхъ предъ Бонапартомъ, заботы и болѣзни свели осенью 1796 года въ гробъ сардинскаго короля Виктора-Амедея. Сынъ его Карль-Эммануилъ IV долженъ былъ съ страшными трудностями, всевозможными дипломатическими хитростями и уступками защищаться отъ грозныхъ для Піемонта намѣреній французской дирекtorіи. Кончилось тѣмъ, что онъ обязался вступить въ тѣсный союзъ съ Франціей. Союзъ этотъ состоялъ въ томъ, что 1) онъ отдавалъ Бонапарту армію изъ 9 тысячъ человѣкъ, обязуясь немедленно пополнять выбывшихъ изъ рядовъ этой арміи новыми рекрутами; 2) обязывался доставлять имъ провіантъ все время, пока будутъ стоять на его землѣ французскія войска; 3) обязывался всегда по первому требованію пропускать французовъ черезъ свои владѣнія. За все это Франція гарантировала ему, что остающихся въ его рукахъ владѣній (т. е. города Турина съ крѣпостью) она уже не тронеть.

Кампоформійскій миръ съ Австріей утвердилъ окончательно всѣ эти измѣненія. Когда такимъ образомъ весь сѣверъ Италіи попалъ подъ французское иго, изъ Парижа, Лиона и другихъ большихъ го-

родовъ Франції явились якобинскіе пропагандисты, люди, имѣвшіе еще наивность повторять старыя фразы временъ Робеспьера и Анахарсиса Клотца объ освобожденіи націй французами и т. д. Много было, впрочемъ, между ними, просто, шпіоновъ директоріи, промышленниковъ и проходимцевъ, но были и люди съ безспорною искренностью проповѣдывавшіе итальянцамъ „доктрину свободы, равенства и братства“, убѣждавшіе „извергнуть алтари“, уничтожить „христіанское суевѣріе“, изгнать священниковъ и т. д. Темные, безграмотные ломбардскіе и савойскіе пастухи, нищіе работники генуэзскихъ доковъ, оставались глухи къ пропагандѣ, которой вовсе не понимали, и къ которой не были подготовлены. Что же касается до насильственныхъ дѣйствій этихъ пропагандистовъ, то они возмущали весьма часто религіозное чувство этого бѣднаго, апатичнаго, пришибленнаго исторіей народа. Можно сказать, что послѣ очень долгаго промежутка у большинства итальянскаго населенія обнаружилась готовность къ энергичному отпору, и именно въ отвѣтъ на особенно обидныя дѣйствія французовъ по адресу духовенства и церквей. Однако, за вычетомъ этой естественной реакціи, колоссальный переворотъ, созданный Бонапартомъ, ловконо мало расшевелилъ итальянскія массы: сѣверъ былъ разоренъ, вытоптанъ лошадьми, ограбленъ солдатами и ихъ главнокомандующимъ, но къ нищетѣ Италии было не привыкать стать, а национального чувства всетаки этотъ ударъ не пробудилъ въ сколько — нибудь значительныхъ размѣрахъ. Цизальпинская республика объединила въ искусственные рамки довольно большое количество прежде отдельныхъ владѣній; она, была если не *de facto*, то *de jure*, самостоятельнымъ болѣшимъ итальянскимъ государствомъ, но и это не расшевелило населенія полуострова. Поэты и виршеплеты высокопарными стихами славили „освободителя Италии“ — Бонапарта, но масса оставалась инертною. Она, правда, почувствовала облегченіе отъ уничтоженія феодальныхъ поборовъ, но, съ точки зрењія национального самосознанія, обнаруживала полное равнодушіе къ состоявшейся перемѣнѣ. Въ началѣ XVIII столѣтія послѣ полутораста лѣть ушли испанцы — пришли австрійцы; въ концѣ XVIII вѣка послѣ столѣтнаго владычества ушли австрійцы — пришли французы. И тѣ, и другое, и третіи были чужеземцами въ совершенно одинак-

ковой степени; свои владыки (папа, сардинский король) также особыхъ благъ подданнымъ не доставляли; все это пріучило населеніе равнодушно смотрѣть на вторгающіяся арміи и безъ особаго волненія прислушиваться къ грому событій.

IV.

Двадцатитысячный отрядъ подъ начальствомъ Бертье былъ оставленъ въ Италии Бонапартомъ, „чтобы охранять свободу народовъ“, какъ говорилось во французскихъ бюллетеняхъ, т. е. чтобы держать всѣ завоеванныя мѣстности въ своихъ рукахъ. Что остальные части полуострова попадутъ точно также въ руки Франціи, не подлежало почти никакому сомнѣнію. Церковная область была слабѣе всѣхъ, оставшихся еще независимыми, итальянскихъ странъ, и на нее обрушился новый уларъ. Кампоформійскій миръ 1797 года, отнявшій у папы Болонью и сѣверные, самые богатые округа его владѣній, а также тридцать слишкомъ миллионовъ франковъ, разорилъ его совершенно. Французскій посолъ дѣлалъ въ Римѣ, что хотѣлъ, и всѣми зависящими отъ него способами старался возбудить войну между папою и Франціей, ибо исходъ ея не могъ подлежать никакому сомнѣнію. Предлогъ былъ выбранъ съ вѣнчаной стороны самый благовидный: посолъ дѣятельно поддерживалъ всѣхъ жителей папской области, желавшихъ реформъ въ области управления, суда и фиска. Онъ называлъ это заботами о „свободѣ римлянъ“ и употреблялъ всяческія мѣры, чтобы довести дѣло до конфликта, въ который возможно было бы вмѣшаться. Эти усилия увѣнчались успѣхомъ; толпы молодыхъ людей стали собираться у папского дворца; гораздо болѣе многочисленныя массы простого народа, уже раздраженные рѣзкими поступками французовъ относительно предметовъ религіознаго обожанія и смѣшивавшая во-едино прогрессистовъ съ французами, также толпились у дворца и проявляла рѣшимость покончить съ движениемъ и съ инсургентами, даже безъ всякаго вмѣшательства папской стражи. 28 декабря 1799 года послѣ происшедшій, наконецъ, свалки инсургенты, тѣснѣнны разъяреннымъ народомъ, пытались укрыться въ домѣ французского посольства; французскій генералъ Дюфо съ обнаженною

шашкою ворвался въ толпу преслѣдователей и былъ мгновенно убитъ. Какъ только директорія узнала это, она объявила папѣ войну и Бертье черезъ сорокъ дней безъ всякихъ сраженій заняла Римъ. 13 февраля 1798 года французы и ихъ римскіе приверженцы провозгласили римскую республику и прекращеніе свѣтской власти папы. Впрочемъ, французскіе солдаты нѣсколько роптали на своего главно-командующаго за то, что онъ совсѣмъ почти не позволялъ имъ грабить Римъ; къ ихъ счастью Бертье понадобился директоріи, и вместо него назначили Массену. При Массенѣ французы вели себя совсѣмъ по образцу вестготовъ Алариха въ 410 году: они зажигали цѣлые кварталы безъ всякой цѣли и смысла; врывались въ квартиры частныхъ лицъ, насиливали женшинъ, дрались, убивали, пьянствовали и грабили безъ конца. Римъ долженъ былъ сверхъ всего этого уплатить пятнадцать миллионовъ золотомъ, дать три тысячи лошадей и припасовъ на всю французскую армию. Всё имущество папы было продано, а деньги взяты Массеною; французскому адъютанту показалось, что у Пія VI на рукахъ драгоценныя кольца, и онъ вслѣдъ часовыми сорвать ихъ съ пальцевъ папы силою, что и было исполнено. Большой стариkъ былъ выгнанъ вонъ не только изъ Рима, но и изъ церковной области (20 февраля, черезъ недѣлю послѣ вступленія французовъ въ городъ). Черезъ два дня послѣ его отѣзда въ Римъ явились трое французскихъ уполномоченныхъ, которые и объявили „конституцію римской республики“. Всѣ жители бывшей церковной области были объявлены равными въ правахъ, всѣ слѣды крѣпостничества и феодальной зависимости уничтожены: какъ и вездѣ, соціальная реформа, принесенная французами, была демократична и справедлива. Но зато комедія съ политическими установленіями, учреждавшими трибуналъ и сенатъ и т. д., являлась пустѣйшой шумихою, лишенною смысла, ибо вся эта новая республика находилась подъ такимъ-же точно желѣзнымъ игомъ французовъ, какъ и за годъ до того завоеванныя мѣстности. Французскій генералъ Массона былъ неограниченнымъ диктаторомъ города Рима и римской республики, и въ этомъ страшномъ мартѣ мѣсяцѣ 1798 года римляне пережили ужасы, предъ которыми блѣднѣли многія страницы даже ихъ собственного прошлаго. При Массенѣ солдаты разбойничали совсѣмъ уже

невозбранно; они убивали беззащитныхъ и давно покорившихся жителей цѣлыми семьями, выгоняли женщинъ голыхъ на улицу, грабили начисто, систематически домъ за домомъ, квартиру за квартирой. Положеніе сдѣжалось такимъ, что единственнымъ средствомъ спасенія или хоть отдаленія смерти сталъ представляться бунтъ противъ французовъ. Конечно бунтъ не удался, перерѣзано было еще нѣсколько сотъ римлянъ, но, наконецъ, французское правительство приказало удерживать впредь солдатъ въ границахъ. Такъ переживали римляне первые мѣсяцы своей „республики“. Наступила очередь послѣдняго самостоятельного владѣнія на полуостровѣ, неаполитанского королевства.

Едва только занявши Римъ, французы уже заявили Маріи-Каролинѣ, неаполитанской королевѣ, что земли Беневентъ и Понте-корво должны быть немедленно уступлены Неаполемъ новосозданной римской республикѣ, и что они требуютъ отъ неаполитанского правительства разрыва всякихъ сношеній съ Англіей; а нужно замѣтить, что королева была подъ сильнымъ вліяніемъ нѣкоторой леди Гамильтонъ, любовницы Нельсона, да и страхъ передъ французами побуждалъ ее крѣпко держаться дружбы съ Англіей. Кромѣ того, все недовольные элементы внутри королевства обнаруживали весьма сильную наклонность низложить Бурбонскую династию. Въ виду грозной и близкой опасности, ибо французские мародеры стали уже шнырять за границею римскихъ и неаполитанскихъ владѣній, Марія-Каролина предложила Австріи оборонительный союзъ. Но пока велись переговоры объ этомъ союзѣ, пришла вѣсть о побѣдѣ Нельсона надъ французскимъ флотомъ при Абукирѣ; какъ только извѣстіе было на-лицо, регентша будто совсѣмъ забыла о французскихъ полчищахъ стоящихъ въ Римѣ, и вполнѣ ободрилась. Опять съ свирѣпостью, которая не уступить дѣйствіямъ Альбы и Ивана Грознаго, неаполитанское правительство стало наполнять тюрмы и монастырскіе погреба политическими арестантами. И мужчины, и женщины, и подростковъ морили въ казематахъ голodomъ, били, ломали кости, чтобы добиться признаній въ сношеніяхъ съ французами. Отсутствіе Бонапарта изъ Европы, побѣда Нельсона все это въ глазахъ многихъ торопившихся людей, въ томъ числѣ

и неаполитанской королевы, получало видъ ясныхъ признаковъ близкой гибели французского владычества въ Италии. Это убѣжденіе еще болѣе укрѣпилось, когда сдѣжалось известнымъ, что къ Англіи, Неаполю и Австріи примкнулъ и императоръ Павелъ. Все это происходило въ концѣ 1798 года, и въ ноябрѣ Марія-Каролина первая начала кампанію, пославши свои войска въ римскую республику, занятую французами. Вначалѣ имъ удалось оттеснить французовъ, но въ какія нибудь три недѣли кампанія была проиграна и неаполитанцы, пять разъ побитые французами, бѣжали по всѣмъ направленіямъ въ Неаполь. Король неаполитанскій Фердинандъ, до сихъ поръ не вмѣшивавшійся въ государственный дѣла, перетрусиль до того, что бѣжалъ не только изъ римской республики, куда было вторгся, но и изъ неаполитанского королевства. Французы вскорѣ заняли рядъ неаполитанскихъ крѣпостей, потребовали, еще не доходя до Неаполя, десять миллионовъ контрибуціи, и въ Неаполѣ произошелъ рядъ сочувственныхъ демонстрацій въ честь республиканской арміи, приближавшейся къ столицѣ. Всѣ преслѣдуемые Маріей-Каролиною и Фердинандомъ прогрессивные элементы съ восторгомъ ждали французовъ; но за то простонародіе, возбуждаемое священниками и монахами, съ яростью кричали, что они не пустятъ безбожниковъ въ городъ св. Дженнаро. 20-го января 1799 года армія генерала Шампіоннѣ съ четырехъ концовъ ворвалась, наконецъ, въ Неаполь. Дѣйствительно, лаццарони, всегда бывшіе равнодушными къ политикѣ, но ненавидѣвшіе французовъ по слухамъ обѣ ихъ неистовствахъ въ Римѣ, дрались отчаянно, и послѣ трехдневной рѣзни, среди потоковъ крови, среди трехъ тысячъ труповъ неаполитанцевъ, была провозглашена въ Неаполѣ „Партенопейская республика“. И здѣсь была объявлена конституція, но ее и не пробовали осуществить: военная диктатура французовъ была единственнымъ неаполитанскимъ правительствомъ въ это время. Уже не десять, а восемьдесятъ миллионовъ были взяты у Неаполя. Впрочемъ, Шампіоннѣ и его ближайшіе замѣстители не позволяли войску такъ грабить Неаполь, какъ они грабили Римъ: не было полнаго чувства побѣды, потому что черезъ какихъ нибудь два мѣсяца послѣ занятія Неаполя армія Суворова приблизилась къ Апеннинскому полуострову.

На съверѣ французы также не дремали, въ ожиданіи отчаянной схватки съ этою „второю коалиціею“. Еще въ декабрѣ 1798 г. они угрозами заставили сардинскаго короля Карла-Эммануила отказаться отъ престола и захватили весь Пьемонтъ въ свои руки; въ мартѣ 1799 года та же участь постигла Тоскану, послѣ изгнанія изъ Флоренціи герцога, на томъ основаніи, что герцогъ — братъ австрійскаго императора. Въ концѣ марта и началѣ апрѣля появился, наконецъ, и Суворовъ, который нанесъ рядъ пораженій Моро и другимъ французскимъ генераламъ, вошелъ въ Миланъ, двинулся дальше, захватилъ Туринъ, и французское владычество заколебалось на всемъ полуостровѣ. Въ Неаполь французы и благородные, но сентиментальные республиканцы изъ средняго и аристократическаго сословія, еле держались противъ ненависти простого народа и духовенства, возбуждаемыхъ агентами Маріи-Каролины и короля Фердинанда. Еще до прихода Суворова, чрезвычайно многочисленный и сильный элементъ неаполитанскаго населенія, все безъ исключенія разбойничьи банды, объявили себя также противъ республиканцевъ и безбожниковъ и (продолжая попутно грабить обывателей безъ различія убѣждений) двигались со всѣхъ сторонъ къ Неаполю, „дабы спасти“ (какъ наивно выразился тогда же Пій VI) „потрясенный тронъ и алтарь“. Кардиналъ Фабрицио Руффо, человѣкъ умный, стойкий и энергичный, (хотя по моральнымъ своимъ качествамъ весьма сильно напоминавшій Цезаря Борджіа) организовалъ эти банды въ грозную армию. Въ іюлѣ 1799 года, когда изъ Неаполя уже давно вызваны были на съверный, пріальпійскій театръ войны почти всѣ французскія войска, Руффо взялъ Неаполь штурмомъ, причемъ простой народъ съ восторгомъ его привѣтствовалъ и пѣлъ гимны „Арміи вѣры“, какъ назывался отрядъ Руффо. Тотчасъ вернулся и король Фердинандъ, и началась кровавѣйшая расправа съ республиканцами. Кровь лилась рекою, въ тюрьму попали сразу нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ четыре тысячи слишкомъ послѣ пытокъ были казнены. Французы предоставили спокойно удалиться въ Тулонъ, но своихъ не щадили. Лапдарони, „армія вѣры“, королевскіе сбирры, монахи, священники, разбойники — все эти разнородные элементы, объединенные жаждою

вершенно погибшимъ. Австрія поспѣшила заключить миръ (Люксембургскій, 1801 г.), который отказалась опять отъ Ломбардіи, подтверждала всѣ условія Кампо-Формійскаго трактата, признавала Цизальпинскую и Лигурійскую республики и пр. Парма и Пьяченца отошли къ Франціи, въ качествѣ полной собственности; Тоскану Наполеонъ превратилъ въ королевство Этрурійское и отдалъ сыну бывшаго пармскаго герцога, поставивши, однако, въ странѣ большой французскій гарнизонъ; Піемонтъ всепѣло былъ занятъ французами, раздѣленъ на департаменты и подчиненъ французскимъ префектамъ; Неаполитанское правительство обязалось прекратить всѣ политическія преслѣдованія, казни и процессы, изгнать англичанъ изъ своихъ гаваней, отдать Бриндизи, Отранто и Помпіяно французскимъ гарнизонамъ и укротить реакціонную ярость руффіанцевъ. Только благодаря принятію всѣхъ этихъ условій, королевство спаслось отъ нового нашествія. Новый папа Пій VII получиль свою церковную область, но тоже съ уступкою крѣпости французскому гарнизону; „римская республика“ возстановлена не была. Вообще, абсолютизмъ, смѣнившій во Франціи республику, даваль собя чувствовать и въ поведеніи Наполеона по отношенію къ Италии: онъ строго воспретилъ солдатамъ оскорблять вѣрованія населенія, не торопиться, какъ прежде, превращать въ республики всѣ завоеванія, паконецъ, Цизальпинской республикѣ, насчитывавшей около пяти миллионовъ жителей, далъ весьма нелиберальную конституцію, и себя самого заставилъ провозгласить лизальпинскимъ президентомъ; подобное же преобразованіе постигло и „лигурійскую“ (т. е. генуэзскую) конституцію: въ Генуѣ вся власть была вручена дожу, назначенному Бонапартомъ. Одна изъ главныхъ чертъ установленнаго первымъ консуломъ режима заключалась въ обязательствѣ всѣхъ подчиненныхъ ему итальянскихъ странъ выставлять довольно значительные вспомогательные отряды во французскую армію. Военная диктатура Наполеона имѣла весьма важное значеніе для Италии, ибо окончательно уничтожила старыя, феодальная сословия перегородки, но она же показала прогрессивныій слоймъ, что весьма наивно было мечтать о „свободѣ“, подъ крыльями „французскаго орла“. Бонапартовскій гнѣтъ вызвалъ въ 1802, 1803 и 1804 г.г. иѣ-

сколько заговоровъ въ Цизальпинской республикѣ и Пьемонтѣ, съ цѣлью освободиться отъ военного ига, но жестокая расправа со всѣми замѣшанными лицами надолго терроризировала недовольныхъ. Французскіе историки любятъ изображать процвѣтаніе Италии подъ владычествомъ Наполеона; конечно, это процвѣтаніе есть миѳъ, ибо вѣчные наборы и подати истощали страну въ общемъ такъ, какъ это было и при австрійцахъ, до начала французскихъ нашествій. Что касается до папы, то Пій VII былъ достаточно уменъ, чтобы понимать всю шаткость своего положенія; онъ всячески старался угодить Наполеону, и когда тому вздумалось, чтобы папа пріѣхалъ въ Парижъ короновать его (къ 1804 году), Пій VII безпрекословно исполнилъ это желаніе. Тотчасъ послѣ коронаціи Наполеонъ уничтожилъ Цизальпинскую республику и возложилъ на себя древнюю корону ломбардскихъ королей. Вице-королемъ этого новаго королевства онъ назначилъ своего пасынка Евгенія Богарнѣ; въ то же время Лигурійская республика, т. е. Генуя, раздѣленная на три департамента, была присоединена къ французской имперіи; Парма и Пьяченца потерпѣли ту же участіе, Лукка — также. Эти узурпациіи сильно всполошили Австрію, боявшуюся за свои, доставшіяся ей по Кампо-Формійскому трактату, венеціанскія владѣнія; Нельсонъ и англійское правительство, съ своей стороны, побуждали всячески неаполитанскую королевскую чету примкнуть къ затѣвавшейся коалиціи противъ Наполеона. Французская армія была далеко, въ Булони, на сѣверо-западной оконечности Франціи, ибо Наполеонъ затѣвалъ тогда высадку въ Англію, и Маріи-Каролинѣ моментъ показался удачнымъ, чтобы возсоединить къ Неаполю занятыя французами мѣстности. Лѣтомъ 1805 г. коалиція быстро формировалась, а осенью началась кампанія. Извѣстны ся результаты: послѣ страшнаго аустерлицкаго пораженія, отступленія разбитой русской арміи, унизительнаго мира австрійцевъ съ Наполеономъ, весь полуостровъ попалъ въ руки французскаго императора.

По прессбургскому миру Австрія отказалась отъ Венеціи, отъ Далмациіи и Албаніи, которыхъ отошли къ итальянскому королевству Наполеона I (мы говоримъ только о послѣдствіяхъ мира для Италии), и неаполитанское правительство осталось одинъ на одинъ

противъ всей французской арміи. „Бурбоны перестали царствовать въ Неаполѣ“, произнесъ Наполеонъ на другой день послѣ Аустерлица, и черезъ тридцать дней, въ началѣ января 1806 г., армія подъ начальствомъ Евгенія Богарнѣ и Іосифа Бонапарта явилась въ предѣлахъ королевства. Король и королева тотчасъ же бѣжали, и послѣ весьма слабаго сопротивленія столь свирѣпствовавшихъ недавно опричниковъ Маріи-Каролины, французы заняли всю страну. Въ Калабріи разбойничіи банды (какъ и на всѣмъ югѣ полуострова, принадлежавшемъ Неаполю) пробовали сопротивляться, но генералъ Ренье съ беззывѣтною, чисто каннибалъскою жестокостью, перевѣшаль тысячи бандитовъ и усмириль эти глухія мѣста. 30 марта того же 1806 года Іосифъ Бонапартъ былъ провозглашенъ королемъ неаполитанскимъ. Духовенство, сельскій народъ, лаццарони угрюмо встрѣтили новый переворотъ, но ничего противъ силы подѣлать не могли: разстрѣляніе грозило всякому за малѣйшее обнаруженіе неудовольствія. Къ тому же нѣсколько тысячъ человѣкъ, полузамученныхъ пытками, вырванныхъ изъ рукъ палачей Маріи-Каролины, явились на свѣтъ Божій изъ тюремъ и монастырскихъ подземелій, и ужъ, конечно, они и ихъ родственники, всѣми силами души ненавидѣвшіе павшій режимъ, не мало содѣйствовали прочности французского завоеванія. Скоро стали обнаруживаться и такие плоды новаго управлѣнія, которые привлекли къ нему даже нафантазированій сельскій людъ: кодексъ Наполеона, введенныій въ силу въ Неаполѣ, какъ и въ остальной завоеванной французами Италіи, ввелъ несравненно болѣе передовое гражданское право, подтвердилъ равенство всѣхъ передъ закономъ, уничтоженіе всѣхъ феодальныхъ привилегій, всѣхъ обязательствъ деревенскаго населенія по отношенію къ помѣщикамъ. Что также было немаловажно для населенія, администрація Іосифа Бонапарта, поддерживаемая нѣсколькими тысячами французскихъ штыковъ, успѣла совершить, дѣйствительно, небывалое дѣло: усмирить южныхъ бандитовъ. Правда цѣль эта была достигнута ужасными средствами: французы вѣшали разбойниковъ сотнями, сжигали постоянные дворы (часто съ хозяевами), гдѣ находился хоть одинъ бандитъ, осуждали въ вѣчную каторгу за малѣйшее сношеніе съ шайками. Одновременно съ этимъ,

Наполеонъ всѣль закрыть около десятка большихъ монастырей, а зданія обратить въ казармы и склады или разрушить: на духовенство въ Неаполѣ онъ смотрѣлъ, какъ на враждебную себѣ политическую силу и, сообразно съ этимъ, дѣйствовалъ. Право помѣщика судить и наказывать живущихъ на его земляхъ крестьянъ было цѣликомъ отмѣнено, и судъ (вполнѣ зависимый отъ правительства Йосифа Бонапарта) получилъ единообразный для всѣхъ сословій видъ. Уничтоживши всѣ феодальные и церковные налоги, тяготѣвшіе на населеніи, Наполеонъ уничтожилъ также всѣ существовавшія подъ разными наименованіями государственные подати и замѣнилъ ихъ довольно, впрочемъ, обременительнымъ, но простымъ, яснымъ и болѣе справедливымъ, всеобщимъ налогомъ на землю, сообразно съ размѣрами и доходностью земельныхъ имуществъ. Привыкшій къ безграницному деспотизму, народъ не особенно тяготился военною диктатурою, а твердое государственное управление, безопасность отъ разбойниковъ, уравненіе въ правахъ и повинностяхъ всѣхъ сословій сильно говорили за новый режимъ. Только духовенство осталось представителемъ оппозиціи, правда, поневолѣ, глухой и осторожной. Желѣзная, непреоборимая сила завоевателя придавила весь полуостровъ, его отдѣльнымъ частямъ оставалось только ждать своей очереди, чтобы быть поглощенными французскою имперіей. Лукку Наполеонъ подарилъ своей сестрѣ Элизѣ Баччіоки (лѣтомъ еще 1805 г.), а въ 1806 г. Элиза получила еще Массу и Каррару; Беневентъ былъ отданъ Талейрану; цѣлый рядъ отдѣльныхъ и довольно значительныхъ исковъ былъ оторванъ отъ Неаполитанского королевства и розданъ маршаламъ и родственникамъ Бонапарта. Участь Церковной области долго не решалась; дѣло въ томъ, что Наполеонъ еще въ 1802 г. заключилъ съ папою конкордатъ, по которому, между прочимъ, признавалъ римскую область, взамѣнъ на моральное содѣйствіе католического духовенства во Франціи. Для борьбы съ идеологами[“] возстановленіе во Франціи католицизма казалось Бонапарту лучшимъ и незамѣнимымъ средствомъ. Правда, онъ никогда не затруднялся никакими трактатами и обѣщаніями, но Пії VII держалъ себя крайне осторожно и уступчиво, не прымѣкалъ къ врагамъ императора, побѣхалъ его короновать въ Парижъ

и, вообще, избѣгалъ ссоры, а тутъ еще подоспѣла новая большая война Наполеона противъ Пруссіи и Россіи (въ 1806—807 гг.), Пій VII могъ себя чувствовать вѣдь особенно пристальнаго наполеоновскаго вниманія. Но уже въ 1807 году Наполеонъ, подъ предлогомъ, что папская полиція недостаточно зорко соблюдаетъ континентальную систему и пропускастъ англійскихъ купцовъ, вслѣдъ своимъ генераламъ занять нѣсколько крѣпостей. Еще раньше, чѣмъ покончить съ церковною областью, Наполеонъ (въ началѣ 1808 г.) отнялъ Тоскану („Этрусское королевство“) у Маріи-Луизы, регентши, управлявшей этимъ королевствомъ отъ имени своего малолѣтнаго сына: еще въ концѣ 1807 года къ регентшѣ явился французский посолъ и объявилъ ей судьбу Тосканы. Узкая, тупая и жестокая ханжа—Марія-Луиза была такъ ненавидима населеніемъ, что пероходъ власти въ руки французовъ совершился вполнѣ спокойно, безъ попытки сопротивленія. Вообще на сѣверѣ, гдѣ населеніе было подъ менѣшимъ вліяніемъ духовенства, французское владычество встрѣчало менѣше враговъ, чѣмъ въ Неаполѣ и на югѣ полуострова. Съ 1809 года Тосканы была отдана Элизѣ Баччіоки, сестрѣ императора; впрочемъ, и до, и послѣ этого она была, какъ и вся остальная Италия, подчинена французской военной диктатурѣ. Наполеоновскіе ставленники жили въ своихъ дворцахъ, получали большие доходы, кутили, какъ Іосифъ Бонапартъ, развратничали, какъ Элиза Баччіоки, копили состояніе, какъ генералъ-губернаторъ Туринъ—Мену, но все они были пѣшками и послушными орудіемъ своего повелителя.

Въ началѣ февраля 1808 года французскій генералъ Міолли вошелъ, наконецъ, въ Римъ, заперъ папу въ Латеранскомъ дворцѣ, включивъ оторопѣвшую папскую „армію“ въ свой отрядъ, арестовалъ кардинальскую коллегію и выслалъ ихъ изъ города. Папа Пій VII словесно протестовалъ противъ французскихъ насилий, но, конечно, ничего подѣлать не могъ. Послѣ этого насилия съ папою, замѣравшее уже было религіозно-національное движение противъ французского владычества снова подняло голову. Въ Калабріи и въ римскихъ округахъ по ту сторону Тибра стали образовываться общества, состоявшія изъ простолюдиновъ, монаховъ, уѣздѣвшихъ отъ

французскихъ казней бандитовъ; эти тайные общества получили название соединеній карбонаріевъ (т. е. угольщиковъ). Угольщиками они стали называться, какъ вслѣдствіе сильно выраженнаго демократического характера большинства, такъ и по той довольно случайной причинѣ, что нѣкоторые изъ этихъ обществъ были основаны представителями профессіи угольщиковъ. Появленіе карбонаріевъ въ 1808 году было съ восторгомъ привѣтствовано всѣми врагами Наполеона, но первыя дѣйствія ихъ, конечно, носили случайный характеръ: то убить сборщика податей, то утопить охотящагося въ окрестностяхъ французскаго офицера, то отправлять королевъ Маріи-Каролинѣ (въ Сицилію, где укрылась Бурбонская династія) депутацію и т. д. Французскія власти вначалѣ весьма мало обращали вниманія на новыхъ враговъ, и только съ 1809 года начали жестоко преслѣдовать всѣхъ подозрѣваемыхъ въ приконошенности къ карбонаріямъ. Теоретическое знамя карбонаріевъ было довольно смутнымъ на первыхъ порахъ; они называли себя республиканцами, и въ то же время ихъ идеальной героиней была королева Каролина, которую (вмѣстѣ съ ея мужемъ) они желали восстановить на престолѣ; они твердили о томъ, что они друзья простому народу и, одновременно, мечтали о возстановленіи всѣхъ церковныхъ правъ и привилегій, часто ложившихся въ былыя времена тяжкимъ бременемъ на плечи этого самого простого народа. Пока все сводилось къ борьбѣ путемъ тайныхъ убийствъ съ французскимъ владычествомъ, и англійское правительство, не колеблясь, отправило въ калабрійскія ущелья нѣсколько партій ружей, пистолетовъ, пороху и сабель. Карбонари, однако, ничуть не остановили Наполеона и въ маѣ 1809 года онъ просто присоединилъ особымъ декретомъ и безъ того уже завоеванные, Римъ и римскую область къ французской имперіи. Тогда Пій VII, подъ вліяніемъ энергичнаго и возмущеннаго этимъ грабежомъ кардинала Пакки, отлучилъ Наполеона отъ церкви. Большой, дрожащей отъ гнева старикъ заперся въ Квириналь, куда ночью 6-го іюля (того же 1809 г.) силою ворвались французскіе жандармы, разбили двери и стѣны, и при свѣтѣ факеловъ, бездна уличного сброва и французскихъ солдатъ наводнила всѣ комнаты дворца съ крикомъ, смѣхомъ и пѣніемъ; они ло-

мали мебель, били посуду, рвали портьеры, прятали драгоценные вещи въ карманы, а жандармы пока, выламывая бревнами дверь за дверью съ проклятиями и криками, приближались къ папской спальне. Приступивши къ старику, жандармскій генералъ Радэ потребовалъ, чтобы онъ взялъ обратно отлученіе Наполеона отъ церкви; Пій VII отказался, тогда его посадили въ карету, наполненную жандармами, и помчали во Францію, не давая старику нигдѣ отдохнуть. Послѣ полутора недѣльной бѣшеной скачки, его привезли во французскій городокъ Савону, гдѣ пока и оставили. Еще раньше этого события Наполеонъ назначилъ своего брата Іосифа, короля неаполитанскаго, испанскимъ королемъ, а неаполитанскій престолъ отдалъ Мюрату. Для королевства неаполитанскаго эта перемѣна не имѣла никакого особенного значенія, ибо Мюратъ былъ такою же наполеоновскою пѣшкою, какъ и Іосифъ. Но лично—Іоахимъ Мюратъ отличался своимъ добродушіемъ, веселостью, легкомысліемъ, гасконскимъ хвастовствомъ и полною незлопамятностью. Всѣ эти качества сильно сблизили нового короля съ его подданными: неаполитанцы видѣли въ немъ такого же подневольного человѣка, какими были и они сами, подчиненнаго всецѣло волѣ французскаго императора. Мюратъ не оскорблялъ ихъ собою, и память по себѣ онъ оставилъ въ южной Италии хорошую. Но чѣмъ больше шло время, тѣмъ быстрѣ Наполеонъ утрачивалъ въ Италии даже ту популярность въ прогрессивныхъ кругахъ общества, которую пользовался въ 1796—1804 гг. въ качествѣ „сына революціи“. Только слѣпой могъ не видѣть, что онъ уже далъ Италии то хорошее, что могъ и хотѣлъ дать гражданское уравненіе народа въ правахъ и обязанностяхъ, и что надѣяться на политическія реформы въ либеральномъ духѣ нѣть никакого основанія. Наполеонъ зналъ объ этомъ охлажденіи, но оно его ни мало не беспокоило: онъ только удвоилъ строгости полицейскаго надзора за учащуюся молодежью въ сѣверо-итальянскихъ университетахъ и усилилъ репрессіи противъ карбонаріевъ на югѣ. Въ Италии онъ бывалъ лично изрѣдка, но каждый разъ означеневалъ свой прїездъ какими—нибудь распоряженіями, полезными для внутренней торговли полуострова: при немъ были проведены нѣсколько шоссейныхъ дорогъ, которыхъ не знала Италия, продол-

жены начатыя въ концѣ предыдущаго столѣтія ирригационныя работы, проложено нѣсколько туннелей въ Пьемонтѣ, Тосканѣ и Ломбардіи. Но торговля оживлялась чрезвычайно туго: слишкомъ уже наполеоновская эпоха была для нея неблагопріятна. Вѣчные наборы уводили въ далекіе края двѣтъ населенія; итальянскіе рекруты гибли тысячами въ упорной войнѣ Наполеона противъ испанского народа (въ 1808—1812 гг.), въ войнахъ съ Австріей (1809 г.), Россіей (1812 г.), въ кровавыхъ бояняхъ наполеоновской обороны (1813—1814 г.г.); континентальная система разоряла Неаполь, Геную и все побережье, прежде ведшее торговлю съ Англіей, а Венецію эта система совсѣмъ убила. Поэтому, когда въ 1809 году австрійское правительство рѣшило попытаться поправить свои отчаянныя дѣла, воспользоваться тяжелою борьбою Наполеона въ Испаніи, и началась война 1809 года, то повсюду обнаружилась на Апеннинскомъ полуостровѣ полнѣйшая холодность къ бонапартовскимъ ставленникамъ. Бурбонская династія, съ 1805 г. укрывавшаяся въ Сициліи, устроила оттуда десантъ на неаполитанскій берегъ, но они были разбиты Мюратомъ, и часть этихъ 12 тысячъ солдатъ спаслась на корабли, часть бѣжала въ калабрійскія горы и присоединилась кто къ карбонаріямъ, кто, просто, къ бандитамъ. На сѣверѣ вице-король итальянскій Евгеній Богарнѣ при столкновеніяхъ своихъ съ напавшимъ на него эрц-герцогомъ австрійскимъ Фердинандомъ также имѣлъ случай убѣдиться, что прошли тѣ времена, когда всетаки хоть маленькая часть народа считала австрійцевъ угнетателями, а французовъ освободителями. Холодно и равнодушно слѣдили въ Ломбардіи, Тосканѣ, Пьемонтѣ, Венеціи, Генуѣ за возгорѣвшейся борьбою. Кровавая победа Наполеона при Ваграмѣ рѣшила все: владычество Франціи на полуостровѣ, и безъ того крѣпкое, было еще упрочено. Въ эти годы полнѣйшаго безгласія и политического рабства въ Италии крѣпло чувство національной обиды, желаніе независимости. Это чувство пока распространялось только между наиболѣе образованными элементами, но, въ отрицательной, мало сознанной еще формѣ, обнаруживалось также и среди карбонаріевъ въ видѣ ненависти къ французамъ. Цензура и произволъ Наполеона, разстрѣливавшаго книгопродавцевъ въ Германіи (Пальма),

за изданіе неблагонамѣренныхъ брошюръ, конечно, не дали этому зреющему чувству выясниться открыто, въ прессѣ; но одинъ изъ очень замѣтныхъ тогда поэтовъ Уго Фосколо, воспѣвавшій Армінія, борца за національную свободу древней Германіи, читался нарасхватъ, и его поэму всѣ понимали весьма ясно.

V.

Въ 1813 году, изъ двадцати семи тысячъ итальянцевъ, сражавшихся вмѣстѣ съ полумилліонной великой арміей противъ русскихъ, на родину вернулись всего триста тридцать три человѣка: остальные были перебиты или погибли во время страшнаго отступленія отъ Москвы. А тутъ еще подоспѣли новые приказы Наполеона о новыхъ наборахъ для той отчаянной борьбы противъ всей Европы, которую онъ начиналъ. Карбонаріи, сильно посмѣлѣвшіе, горячо рекомендовали населенію южной Италии отказываться отъ военной службы и возстать противъ французовъ. Но недостатокъ общаго политического идеала, непривычка къ общимъ дѣйствіямъ, культурная отсталость южной Италии отъ сѣверной, все это помѣшало болѣе или менѣе решительнымъ дѣйствіямъ итальянцевъ. Дѣло въ томъ, что на сѣверѣ больше мечтали о республикѣ, а на югѣ, въ Неаполь и Римѣ, о возвращеніи Бурбонской династіи и папы. Были и такія лица, которые предлагали соотечественникамъ отложитьсь отъ Наполеона, но сохранить всѣ внесенные имъ установлѣнія и даже назначенныхъ имъ правителей. Послѣдній планъ находилъ себѣ довольно много приверженцевъ именно въ Неаполѣ, гдѣ Мюратъ, едва вернувшись послѣ русского похода, вступилъ уже въ некоторые сношенія съ недовольными элементами и обнаруживалъ желаніе сохранить за собою неаполитанскую корону, даже цѣною измѣны Наполеону. Впрочемъ, весь 1813 годъ прошелъ у Мюрата въ неопределенныхъ колебаніяхъ, и онъ сражался, какъ левъ, въ рядахъ наполеоновскихъ войскъ въ теченіе всей германской освободительной войны. Но съ начала 1814 года, вернувшись въ Неаполь, Мюратъ, человѣкъ всегда недалекій и не дипломатичный, повѣрилъ представителю Англіи лорду Бентинку и нескольки мъ ласко-

письмамъ изъ Австріи и рѣшилъ совершенно оставить дѣло Наполеона, надѣясь, что союзники не только не отнимутъ у него неаполитанскую корону, но прибавятъ еще къ ней корону итальянскую, т. е. вѣдь владѣнія вице-короля Евгенія Богарнѣ. На этомъ основаніи, въ то время, какъ Богарнѣ напрягалъ всѣ усилия въ борьбѣ съ проникшими въ Ломбардію австрійскими войсками, Мюратъ занялъ Римъ, Болонью и еще нѣсколько городовъ и сдѣлалъ всякое дальнѣйшее сопротивленіе безполезнымъ. Австрійцы вошли въ Миланъ, гдѣ произошли антифранцузскія волненія, и объявили Ломбардію „вновь отошедшую къ австрійской коронѣ“. Мюратъ тогда вернулся въ Неаполь, полагая, что если погибли болѣе смѣлыхъ его мечтанія, то хоть это королевство ему останется. Въ мартѣ 1814 года состоялось отреченіе Наполеона, и съ тѣхъ поръ началась всеобщая европейская реставрація. Отовсюду возвращались въ Германію, въ Италію, въ Испанію государи и правительства, изгнанные Наполеономъ, отмѣнялись французскія нововведенія, реставрировался по мѣрѣ силъ и возможности старый режимъ, служились заупокойныя и благодарственные службы.

Въ концѣ мая въ Римѣ вернулся Пій VII, и церковная область присягнула ему; черезъ мѣсяцъ явился въ Піемонтъ сардинскій претендентъ Викторъ-Эммануиль, и страна была объявлена отложившейся отъ Франціи и находящейся, по прежнему, во владѣніи са-войской династіи. Осеню Тосканы попала въ руки вернувшемуся великому герцогу Фердинанду; Ломбардія, еще до отреченія Наполеона, перешла отъ Евгенія Богарнѣ къ Австріи, Геную совсѣмъ безъ всякихъ основаній, а просто, по праву сильнаго, захватилъ піемонтскій король Викторъ-Эммануильъ, Парма, Пьяченца и Гвасталла, выдѣленные изъ состава бывшихъ французскихъ владѣній, достались по волѣ Австріи, Маріи-Луизѣ, женѣ Наполеона I, урожденной австрійской принцессѣ; въ Модену вернулся въ качествѣ герцога Моденскаго Францискъ IV. Фердинандъ IV, бывшій король неаполитанскій, съ яростью требовалъ у вѣнскаго конгресса изгнанія послѣдняго остававшагося на полуостровѣ наполеоновскаго ставленника — Мюрата и возвращенія Неаполя Бурбонской династіи. Но Австрія, завладѣвшая Ломбардіей и Венеціей, и съ января 1814 года находив-

шаяся въ тайныхъ сношенияхъ съ Мюратомъ, не желала лишать его короны; Англія также разсчитывала сдѣлать изъ него свое орудіо и объявила себѣ противъ реставраціи неаполитанскихъ Бурбоновъ; въ самой странѣ, какъ только распространились слухи о дѣйствіяхъ реставрированныхъ правительствъ въ остальныхъ частяхъ полуострова, всѣ передовые слои населенія, а также всѣ скупщики распроданныхъ Наполеономъ монастырскихъ земель, одни, боясь возстановленія феодальной старины, другіе, вслѣдствіе страха потери своихъ земельныхъ участковъ, обнаружили явное желаніе поддерживать Мюрата. Словомъ, и внутри, и внѣ королевства обстоятельства складывались такъ, что Мюратъ одинъ уцѣлѣлъ среди разгрома и паденія французского владычества. Характеръ погубилъ его. Въ началѣ марта 1815 года, услыхавши о высадкѣ Наполеона на южномъ берегу Франціи, онъ вдругъ, и для всѣхъ неожиданно, беззастѣнно сталъ на сторону своего бывшаго повелителя, ринулся со всею арміей на сѣверъ, захватилъ Римъ, Умбрію, разбилъ австрійцевъ, стоявшихъ подъ Болоньей, но затѣмъ, видя ропотъ среди своихъ войскъ и офицеровъ, двинулся обратно, еще разъ сразился съ австрійцами, но, тѣснимый съ одной стороны Австріей, съ другой—десантомъ, высанженнымъ изъ Сициліи неаполитанскимъ претендентомъ Фердинандомъ, Мюратъ сдался англичанамъ, окружавшимъ берегъ и они его доставили во Францію въ безопасности, а Неаполь теперь, уже попалъ немедленно въ руки Бурбонской династіи. Но съ Мюратомъ дѣло этимъ не кончилось. Послѣ ста дней и Ватерлоо онъ съ маленькой горсточкой людей высадился въ Калабріи и обратился къ населенію съ воззваніемъ противъ Фердинанда IV, но отклика не нашелъ. Попавши въ руки королевской полиції, послѣ комедіи суда надъ нимъ, онъ былъ разстрѣянъ.

Такъ окончилась въ Италии наполеоновская эпоха. Общій результатъ паденія его владычества выразился въ непомѣрномъ усиленіи австрійского вліянія на полуостровѣ и въ сильно выраженыхъ реакціонныхъ тенденціяхъ всѣхъ реставрированныхъ правительствъ. Но осталось кое-что отъ грозной наполеоновской эпохи, чего уже не вытравили ни Фердинандъ въ Неаполѣ, ни Меттернихъ въ Миланѣ, ни савойская династія въ Туринѣ, ни другія

правительства въ своихъ столицахъ: начавшееся национальное самосознаніе ширилось и росло сначала въ большихъ городахъ среди буржуазіи и аристократіи, потомъ и въ сельскихъ округахъ. Феодализма восстановить уже не удалось нигдѣ; гражданское право наполеоновского кодекса съ большими или меньшими отклоненіями осталось всепроникающимъ (и объединяющимъ) принципомъ итальянскихъ законодательствъ; разрушенный Наполеономъ сословный перегородки уже не могли быть возобновлены сть прежнею увѣренностью и въ прежней полнотѣ; высшіе слои, титулованное и не-титулованное дворянство, сблизившись сть остальнымъ населеніемъ именно вслѣдствіе уничтоженія пережитковъ феодализма, переходитъ въ ряды национальной оппозиціи; среди карбонаріевъ 20—30—40 гг. мы видимъ рядомъ сть настоящими угольщиками аристократовъ болѣе древняго рода, нежели Габсбурги. Новая, тяжелая и тягучая борьба затѣвалась на полуостровѣ; но наполеоновская эпоха какъ будто переломила на-двоє итальянскую исторію: Наполеонъ засталъ нѣсколько маленькихъ и болѣе крупныхъ государствъ, ничего почти другъ о другѣ не знающихъ, живущихъ отдельно, изолированою жизнью, а оставилъ націю, начинавшую понемногу сознавать себя единою и смотрѣть на судьбы частей своихъ, какъ на нѣчто общее, также единое. Если бы Меттернихъ сказалъ въ XVIII вѣкѣ свою фразу, что Италия есть географический терминъ, онъ, можетъ быть, былъ бы правъ; произнеся ее въ первой половинѣ XIX вѣка, онъ только пріятно заблуждался и прожилъ достаточно долго, чтобы воочию убѣдиться въ своей близорукости.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Италия отъ конца наполеоновскихъ войнъ до восшествія на папскій престолъ Пія IX (1815—1846).

I.

Послѣ наполеоновскихъ войнъ и всѣхъ потрясеній, которыя испыталъ полуостровъ отъ начала революціонныхъ нашествій до битвы при Ватерлоо, Сардинское королевство оказалось въ 1815 году въ самомъ цвѣтущемъ состояніи по сравненію съ другими итальянскими государствами. Оно получило въ полное свое владѣніе всю генуэзскую республику, и незнакомая старому Піемонту торгово-промышленная жизнь, исходя изъ Генуи, оживляла съ тѣхъ поръ все королевство. Генуэзскихъ порта и флота съ избыткомъ хватало на всѣ торговыя потребности королевства; увеличилось его населеніе и богатство. Генуя съ отчаяніемъ умоляла вѣнскій конгрессъ даровать ей самостоятельность, но все было напрасно: она попала подъ безконтрольную власть сардинскаго короля. Въ теченіе XVII—XVIII столѣтій правительству Савойи и Піемонта, ставшему съ 1720 года сардинскимъ, случалось дѣлать политическія ошибки, вести неразсчетливыя войны, но никогда оно не бросало денегъ на вѣтеръ, какъ это дѣлали другія итальянскія правительства, никогда не вымогало послѣдняго достатка у населенія подъ видомъ податей, какъ это позволяли себѣ дѣлать сначала испанцы потомъ Бурбоны въ Неаполѣ и австрійцы въ Ломбардіи, никогда не истощало своей казны и государственныхъ силъ въ пользу посторонняго странѣ дѣла, какъ истощали всѣ силы Церковной области римскіе папы, сначала въ цѣляхъ непотизма, возвышенія своей семьи, приобрѣтенія художественныхъ и античныхъ коллекцій, скровищницъ искусства, потомъ въ цѣляхъ борьбы съ рефор-

и, затѣмъ, снова въ видахъ непотизма и личной роскоши. Савойскій домъ своею скучою хозяйственnoю политикою, строгимъ соблюденiемъ интересовъ страны снискалъ себѣ завидную репутацiю на полуостровѣ. Но этого мало. Онъ являлся единственною чисто-итальянскою, древнею династiей, не пришлой, не навязанной насилино, и это обстоятельство окружило сардинское правительство необыкновенно яркимъ ореоломъ, какъ только началось и оживилось национальное движение. Сардинскому правительству все прощалось — даже то, что не прощалось прогрессивными людьми тогдашней Италии никакому другому правительству. Въ сущности, образъ правленiя въ Пьемонтѣ былъ чисто абсолютистскiй: опираясь на армию въ семьдесятъ тысячъ человѣкъ, на многочисленное помѣстное дворянство, давно потерявшее всякую политическую силу и пополнявшее ряды дисциплинированной бюрократiи, на 3—3 $\frac{1}{2}$ миллионное населенiе, по большей части землевѣльческое и чрезвычайно мало развитое въ умственномъ отношенiи, сардинское правительство безконтрольно распоряжалось всѣми внутренними и вѣнчаними дѣлами королевства; ни малѣйшей оппозицiи оно не знало и не считалось ни съ какою внутреннею врожденною себѣ силою, какъ всѣ бѣзъ исключенiя другiя итальянскiя правительства. Но савойская династiя, при всемъ своемъ автократизmѣ, никогда не позволяла себѣ слишкомъ ужъ вовлющiхъ злоупотребленiй власти, никогда не говорила со своими подданными такимъ плантаторскимъ языккомъ, какъ, напримѣръ, неаполитанскiе Бурбоны или ломбардскiе намѣстники австрiйскаго императора. Пьемонтъ былъ единственною страною тогдашней Европы, где слова „патрiархальное управление“ не звучали злостной и лицемѣрной насмѣшкой. Викторъ-Эммануилъ I правилъ именно, какъ „добрый деспотъ“, по мѣткому выраженнiю, тогда же пущенному о немъ въ оборотъ. Онъ уничтожилъ, правда, всѣ устои гражданственности, внесенные сюда шестнадцатилѣтнимъ французскимъ властычествомъ; ввелъ снова смертную казнь за всѣ виды святотатства, за воровство, за массу мелкихъ правонарушенiй; судъ превратилъ въ чисто административное, полицейское управление, постановлявшее приговоры по указанiю или приказанию правительства; среднее и высшее образованiе цѣликомъ попало въ руки духовенства, изгнав-

шаго всѣ слѣды чего бы то ни было, похожаго на хѣйстивительную науку; туринскій и генуэзскій университеты фактически были обращены въ обыденныя гимназіи, состоявшія подъ прямою властью іезуитскаго ордена; пресса была подчинена весьма суровой цензурѣ, занимавшейся (помимо прямыхъ своихъ служебныхъ обязанностей) добровольческимъ шпіонствомъ за журналистами, профессорами, студентами, адвокатами и, вообще, лицами профессій, которыхъ считались тогда подозрительными. И все это, повторяемъ, какъ-то прощалось сардинскому правительству, за его сравнительную мягкость и за его итальянское, національное происхожденіе. Знакомясь съ итальянскою политическою литературою тѣхъ временъ, просто иной разъ ливу даешься, до какой степени вмѣсто реального Пьямонта итальянскіе прогрессисты выдумали себѣ какую то обѣтованную свободную и счастливую страну, где нѣть чужеземныхъ деспотовъ и где „закопано зерно дерева итальянской свободы“. Эта репутація сыграла свою роль въ судьбахъ династіи, когда пришло рѣшительное время.

Можетъ быть, изъ за этой репутаціи еще болѣе, нежели изъ за своей семидесятитысячной арміи, сардинское королевство было всегда кошмаромъ для Меттерниха. Ломбардо-венеціанская область прямо и непосредственно примыкала всю западною своею границею къ Пьямонту, и это соседство по совершенно правильному взгляду канцлера сильно компрометтировало австрійскіе интересы. Въ самомъ дѣлѣ: нигдѣ въ Италии тяготѣніе къ Пьямонту не было такъ ясно выражено, какъ въ Ломбардо-венеціанскихъ владѣніяхъ Австріи, и нигдѣ національное броженіе не завоевало себѣ такъ быстро общія симпатіи. Австрійскій меттерниховскій деспотизмъ сумѣлъ себя сдѣлать ненавистнымъ не только вслѣдствіе того, что онъ казался игомъ чужеземнаго завоевателя: цѣляя сѣть мелкихъ, назойливыхъ, грубыхъ до свирѣости, безмысленныхъ до загадочности, полицейскихъ придиrokъ отравляли жизнь самому мирному обывателю Ломбардіи, который и не грезилъ никогда о карбонаризмѣ; чисто военное управление намѣстниковъ пріучило всѣхъ безъ разбора пола, званія и лѣтъ смотрѣть на себя, какъ на безгласныхъ рабовъ и вѣроятныхъ жертвъ самаго вопиющаго насилия. Гансонъ, авторъ книги по исторіи

яравовъ подъ названиемъ „Stock und Peitsche im XIX Jahrhundert“ отводить особую (и вовсе не краткую) главу австрійскому владычеству въ Италии. Бывали случаи, когда австрійские офицеры приглашали дѣвушекъ изъ приличныхъ и образованныхъ (иногда даже знатныхъ семействъ) явиться къ нимъ въ казарму; за отказомъ слѣдовалъ насильственный приводъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ въ полицію и жестокое тѣлесное наказаніе, ибо полиція рабски подчинялась военному элементу и дѣлала все, что офицеры приказывали. Самая гнусная, съ нынѣшней точки зрѣнія, фантастическая самоуправства творились разнузданной, вѣчно пьяной военщиною надъ беззащитными обывателями. Жаловаться намѣстнику было вполнѣ безполезно; да еще жалобщикамъ приходилось нерѣдко весьма плохо. Высѣчь въ полиціи розгами кого угодно изъ итальянского населенія, считалось администрацией самымъ обыкновеннымъ, легкимъ, удобнымъ и безопаснымъ способомъ воздействиа въ случаѣ какихъ-бы то ни было столкновеній или неудовольствій. Главнымъ мотивомъ меттерниховской политики было стремленіе совершенно искоренить какія-бы то ни было национальные чувства въ австрійскихъ подданныхъ, и внушить имъ всяческими средствами уверенность въ полнѣйшей неизмѣнности ихъ участіи, вытравить всякую надежду на лучшее будущее. Всѣ важнѣйшія мѣста въ администраціи и судѣ были въ рукахъ австрійцевъ, не говоря уже о полиціи и войскахъ, сплошь состоявшихъ изъ немцевъ и кроатовъ. Однимъ изъ средствъ приниженія и обезсиленія народа являлась въ глазахъ Меттерниха вищета, и невѣроятно тяжелое податное обложение, тяготѣвшее надъ Ломбардіей и Венеціей, было настолько же вызвано алчностью вѣнскаго правительства, насколько и, такъ сказать, этими полицейско-предупредительными соображеніями. Налогъ на соль больше чѣмъ въ десять разъ увеличивалъ ея стоимость; налогъ на землю поглощалъ около 50% ея доходности; налогъ на жилье и масса налоговъ на предметы первой необходимости угнетали и обезсиливали страну. Во времена наполеоновскаго владычества Ломбардія платила почти вдвое меныше общей суммы податей, уплачивавшихся теперь австрійцамъ. Наряду съ самоуправствомъ намѣстника и военныхъ гарнизоновъ, центральная власть часто въ самыхъ ничтож-

ныхъ и мелочныхъ случаяхъ не допускала ничего, кромъ обращенія къ ней лично: съ итальянцемъ мѣстныя власти могли сдѣлать все, что имъ заблагоразсудилось бы, но *позволить* ему что-нибудь, положить резолюцію на его прошеніе, мало-мальски серьезнаго характера, они не могли и должны были направлять просителя въ Вѣну. Цензура въ Ломбардіи и Венеціи свирѣпствовала такъ же, какъ въ остальной Италиі, но здѣсь еще прибавлялось общее, принципіальное нерасположеніе ко всему, что написано на итальянскомъ языкѣ. И намека на политическую прессу не существовало въ ломбардо-венеціанской области: мѣстныя безразличныя въ общественномъ смыслѣ сплетни, перепечатки изъ официальныхъ органовъ, литературные отчеты о новыхъ научныхъ и беллетристическихъ книгахъ—вотъ что составляло „разрѣщенную“ духовную пищу населенія. Школъ грамотности для народа было довольно много (особенно, сравнительно съ остальной Италией, гдѣ ихъ почти совсѣмъ не существовало), но въ нихъ кромѣ итальянской и, иногда, нѣмецкой грамоты и Закона Божія—ничему не учили. Изъ гимназій и, въ особенности, изъ двухъ университетовъ области (падуанскаго и павійскаго) тщательно искореняли всѣ признаки свободолюбія и национального сознанія. Школы содержались непосредственно на счетъ общинъ, такъ же какъ и весь церковный причтъ; общины же (сельскія и городскія) обязаны были заботиться о содержаніи въ порядкѣ дорогъ, паромовъ и, вообще, путей сообщенія. Общины избирали для ближайшихъ мѣстныхъ своихъ нуждъ и потребностей особые общинные совѣты, въ 30—40—50, иногда 60 человѣкъ; правомъ голоса и избранія пользовались всѣ земельные собственники мѣстности. Собственно, только эти собранія и имѣли хоть какой-нибудь определенный смыслъ, хотя, конечно, и тѣни политического значенія въ нихъ не было. Но такъ называемыя „центральная конгрегаціи“ ломбардской и венеціанской областей, выбиравшіяся изъ помѣстныхъ дворянъ, и собиравшіяся одинъ—два раза въ годъ, не имѣли уже ни малѣйшаго смысла. На нихъ такъ и смотрѣли, какъ на декорумъ, неизвѣстно зачѣмъ существующій. Вообще, знать въ ломбардо-венеціанской области никакой роли не играла даже въ мѣстномъ самоуправленіи. Средній классъ, буржуазія, была

единственнымъ элементомъ, представлявшимъ для австрійскаго правительства довольно серьезную угрозу: буржуазія, сравнительно, была богата, обладала чуть не половиною всѣхъ земельныхъ имуществъ, шелковыми мануфактурами, сахарными фабриками, торговымъ флотомъ. Конечно, австрійское правительство дѣлало съ своей стороны все, чтобы обезсилить и разорить итальянскую торговлю и промышленность, и, ко второй половинѣ XIX вѣка, достигло уже въ этомъ смыслѣ кое-какихъ результатовъ, но, тѣмъ не менѣе, это сословіе являлось въ экономическомъ смыслѣ самыи независимыи. Крестьянство почти сплошь обладало ничтожнѣшими земельными участками или жило батраческимъ трудомъ, и его забитость, загнанность, привыкленность вѣчною нуждою была тѣмъ поразительнѣе, что по природѣ ломбардскій крестьянинъ считался наиболѣе одареннымъ и воспитательнымъ между крестьянами всѣхъ другихъ странъ Италии. Въ наиболѣе плодородныхъ мѣстахъ Ломбардіи крестьянская собственность была развита гораздо менѣе, нежели въ сравнительно, мало плодородныхъ, ибо въ первыхъ почти вся земля была въ рукахъ богатыхъ лицъ средняго сословія или изъ ряда воинъ богатыхъ крестьянъ: тамъ находились огромныя рисовые плантаціи, луга для скота, сыроварни, кожаныя мануфактуры. Батраки на этихъ большихъ фермахъ получали нищенскую плату (отъ 20 до 40 копѣекъ въ день, если опредѣлять ихъ заработокъ нынѣшнею покупательною силой денегъ). Притомъ еще и безъ того нищее крестьянство ломбардо-венеціанской области разорялось не щадившимъ почти ни одной семьи восьмилѣтнимъ рекрутствомъ молодыхъ и здоровыхъ членовъ семейства. Но наиболѣе оппозиціоннымъ слоемъ являлась все же буржуазія; вообще, ломбардо-венеціанское среднее сословіе сыграло весьма значительную роль въ національномъ итальянскомъ движениіи первой половины XIX столѣтія: чужеземное владычество здѣсь чувствовалось больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, и сибирямъ, т. е. австрійской полиції, приходилось много работать. Производство дознаній по политическимъ дѣламъ отличалось самымъ изумительнымъ производомъ и отсутствиемъ какой бы то ни было законности. На бумагѣ пытки не существовало, но на дѣлѣ не было мало-мальски значительного политического процесса безъ замариванія подсудимыхъ голо-

домъ, жаждою, безсонницей, невыносимою жарою, безъ съченія розгами, палками, плетьюми,— все это съ цѣлью добиться новыхъ и новыхъ показаній. Что касается до окончательной кары, то ея размѣры решались одною изъ безчисленныхъ *ad hoc* назначенныхъ комиссій, приговоры утверждались намѣстникомъ (въ иныхъ случаяхъ императоромъ) и немедленно приводились въ исполненіе. За ничтожный по существу „проступокъ“ политического характера грозило многолѣтнее заточеніе въ Шпильбергѣ и другихъ глухихъ австрійскихъ крѣпостяхъ, гдѣ надсмотрщики продѣлывали надъ своими жертвами всевозможныя насилия и издѣвательства. Замѣчательно, что въ области политическихъ прослѣдований австрійскія власти считали для себя слишкомъ стѣснительными свои же собственные циркуляры и правила и нарушили ихъ самыи свободнымъ образомъ. Перлюстрація писемъ въ почтамтахъ дошла до того, что въ самыхъ глухихъ городишкахъ области были устроены специальные „черные кабинеты“ для вскрыванія, чтенія и заклеиванія вновь подозрительной корреспонденціи. Шпіонство, вообще, было доведено до необычайныхъ размѣровъ, и въ этомъ отношеніи съ ломбардо-венецианской полицейскою „охраною“ могли конкурировать только соответствующія учрежденія неаполитанского королевства. Королевство Обѣихъ Сицилій вплоть до того момента, какъ Гарибалди прогналъ послѣдняго короля изъ Бурбонской династіи Франциска II, т. е. до конца 50-хъ г.г. XIX столѣтія, находилось въ столь же незавидномъ положеніи, какъ и австрійскія области. Правда, испанская вѣтвь Бурбоновъ, царствовавшая здѣсь съ первой половины XVIII столѣтія, уже не носила особенно яркаго чужеземнаго колорита, но за то съ избыткомъ заслужила ненависть населенія другими своими сторонами: „неаполитанскіе Бурбоны всегда были самыми гнусными, жестокосердыми тиранами изъ всѣхъ европейскихъ тирановъ“, восклицалъ въ своихъ проповѣдяхъ патеръ Александръ Гавацци въ первые дни послѣ окончательного избавленія Неаполя отъ этой династіи. Быть можетъ, это утвержденіе и грѣшить гиперболизмомъ, но, дѣйствительно, короли неаполитанскіе и, въ особенности, такъ называемый король Бомба—Фердинандъ II, слишкомъ часто дѣлали вещи, изумлявшія даже Меттерниховскихъ ста-

вленниковъ. Самый беспредѣльный деспотизмъ царилъ въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій, и оть директора полиціи зависѣла свобода, здоровье, часто жизнь всѣхъ „подозрительныхъ“ людей, а подозрительными считались люди самаго умѣреннаго образа мыслей, которые даже въ тогдашней Европѣ не всюду были бы признаны за либераловъ. Директоры полиціи (въ родѣ знаменитаго тогда Дель-Каретто) слишкомъ часто пользовались своимъ высокимъ и безответственнымъ положеніемъ, чтобы путемъ угрозъ и вымогательствъ составлять себѣ весьма значительныя состоянія. Любопытно, что многочисленный персоналъ своихъ слугъ и помощниковъ въ дѣлѣ розыска подозрительныхъ директоры полиціи всегда распредѣляли такъ, что въ Сициліи служили неаполитанцы, а на континентѣ, въ Неаполѣ, Калабріи—сицилійцы. Взаимное нерасположеніе, иногда даже ненависть двухъ частей этого народа, раздѣленныхъ лишь этнографическимъ нюансомъ, были сильно на руку слугамъ неаполитанскихъ королей. Но, въ сущности, Бурбонская династія совершило напрасно такъ свирѣпствовала всю первую половину XIX вѣка, ища измѣнъ: бояться общаго возстанія она оснований не имѣла. Въ королевствѣ жило около пяти миллионовъ людей, изъ которыхъ почти 20% были земельными собственниками, получившими земли отчасти по наслѣдству, отчасти послѣ распродажи конфискованныхъ французами церковныхъ и монастырскихъ имуществъ. Какъ только эти собственники убѣдились, что возвратившаяся Бурбонская династія оставить ихъ въ покой, они въ огромномъ большинствѣ случаевъ стали лояльными подданными реставрированного правительства. Это были либо крестьяне, обладавшіе маленькими и скучными надѣлами, либо представители средняго сословія, владѣвшіе большими землями и отдававшіе ихъ въ аренду. Феодальные пережитки, уничтоженные Наполеономъ, уже не появлялись вновь; политическое рабство было общимъ для всѣхъ, но гражданскія права и преимущества также оказались для всѣхъ одинаковыми за самыми незначительными и несущественными исключеніями. Конечно, материальное положеніе крестьянства вовсе не было безусловно хорошимъ, но, тѣмъ не менѣе, оказывалось сноснѣе, нежели до Наполеона, и правительство Бурбоновъ имѣло достаточно сообрази-

тельности не возстановлять противъ себя низшій классъ слишкомъ неравномѣрною раскладкою податного бремени или воскрешеніемъ феодальныхъ повинностей. Что касается до правъ политическихъ, то равнодушіе къ нимъ большинства населенія сказалось весьма ярко въ 1816 году, когда Фердинандъ уничтожилъ сицилійскую конституцію, данную имъ въ 1812 году острову, чтобы этою либеральною уступкою отвратить и неаполитанцевъ отъ французского военнаго деспотизма. Съ тѣхъ поръ „королевство Обѣихъ Сицилій“ управлялось вполнѣ единообразно. Больше всего доставлялъ хлопотъ бурбонской полиції столичный городъ. Населеніе Неаполя въ первой половинѣ XIX вѣка равнялось 200 — 300 тысячъ человѣкъ; въ качествѣ самого большого, самаго веселаго и живописнаго города на полуостровѣ, онъ привлекалъ множество туристовъ, и такимъ образомъ сильно умалились результаты правительственной политики, сильно затруднившей выдачу заграничныхъ паспортовъ, съ пѣлюю огражденія общества отъ шедшихъ изъ Англіи и Франціи либеральныхъ идей. Несмотря на всѣ строгости, запрещенные французскія газеты всегда и всѣмъ интересующимся были доступны въ Неаполѣ. Общественное движеніе, наука и литература — все это въ столицѣ жило известной жизнью, далеко не напоминавшую прозябанія какой-нибудь нищей Сициліи или дикой, разбойничай Калабріи. Впрочемъ, толпы лаццарони, — а ихъ самые умѣренные подсчеты опредѣляютъ въ 30 — 40 тысячъ человѣкъ, — были помимо войска и полиції довольно надежною охраною правительства въ самой столицѣ, въ случаѣ какихъ-либо столкновеній съ оппозиціей. Но главную, неутомимую и незамѣнимую охрану власти представляло духовенство, какъ въ неаполитанской, такъ и еще больше въ церковной области. Они въ качествѣ духовниковъ и проповѣдниковъ внушали массамъ принципы безпрекословнаго повиновенія; они же весьма часто не брезгали и ролью ищеекъ и доносчиковъ, причемъ сплошь и рядомъ нарушали тайну исповѣди. Лучшіе, наиболѣе нравственные элементы клира считались не вполнѣ благонадежными и оттирались на задній планъ, въ провинцію. Сельскіе округа были въ меньшемъ подозрѣніи, нежели Неаполь. Мы сказали, что положеніе неаполитанскаго крестьянства въ первой половинѣ XIX вѣка

было лучше, нежели въ XVIII столѣтіи; это не значитъ, конечно, что нищета отсутствовала въ семьяхъ всѣхъ этихъ мелкихъ земельныхъ собственниковъ. Надѣлы были не велики, арендная плата за снимаемыя земли вовсе не незначительна, и ко времени объединенія Италии неаполитанское крестьянство по степени общей раззоренности мало отличалось отъ населенія другихъ итальянскихъ земель. Тѣмъ не менѣе, сельскіе округа, въ смыслѣ политического развитія, были съ точки зрѣнія Бурбонской династіи наиболѣе благонадежными. За то жители острова Сициліи (наряду съ интеллигентіей города Неаполя) были въ чрезвычайно сильномъ подозрѣніи. Сицилійцы были въ теченіе всей своей истории географически отдалены отъ управлявшихъ ими — и, можетъ быть, поэтоому привыкли къ извѣстной самостоятельности. Они и по temperamentu отличались отъ веселыхъ, лѣнивыхъ и послушныхъ жителей материковой части королевства. Примѣсь-ли норманской крови тому причиною, — или что другое — но сициліецъ всегда (и теперь тоже) болѣе медлителенъ, важенъ, суровъ, стоекъ, труднѣе примиряется съ непріятными обстоятельствами, нежели южный итальянецъ. Бурбоны никогда не любили Сициліи, и она всегда платила имъ полную взаимностью. Къ этому слѣдуетъ еще прибавить, что феодальные пережитки въ Сициліи, не тронутой Наполеономъ, остались въ довольно еще большой силѣ, и неаполитанское правительство, желая объединить обѣ части королевства, *volens-nolens* должно было отчасти стать слугою прогресса, стараясь всѣми мѣрами отмѣнить вотчинную юстицію и другія феодальные права дворянства на островѣ, чтобы сдѣлать соціальное положеніе сословій однообразнымъ по обѣ стороны Мессинского пролива. Тамъ действовали даже особые аграрные гражданскіе суды, прямымъ назначеніемъ которыхъ было упорядоченіе поземельныхъ отношеній въ духѣ, враждебномъ феодализму. Но при повальному взяточничествѣ, царившемъ всегда безъ исключенія въ неаполитанской магистратурѣ и администраціи, землевладѣльцамъ не стоило слишкомъ большого труда сильно тормазить предначертанія центральной власти, для нихъ невыгодныя. Безземельного пролетариата на островѣ было очень много, латифундіи распространялись тамъ весьма быстро, культуры земли падала, батрацкая плата измѣрялась грошами, не обез-

печивавшими за работниками правильного пропитанія. Всѣ эти условия въ связи съ расовымъ раздраженіемъ сицилійцевъ противъ неаполитанского правительства дѣлали островитянъ довольно беспокойнымъ элементомъ государственной жизни. Нужно сказать, что и разбои, весьма частые также на материкѣ, достигли въ Сициліи, именно за первую половину XIX столѣтія, поистинѣ чудовищнаго развитія. Духовенство сицилійское также держалось (въ лицѣ низшихъ и наиболѣе многочисленныхъ своихъ представителей) гораздо ближе къ населенію, нежели къ присылаемымъ изъ Неаполя чиновникамъ, и эта близость доходила часто до слишкомъ ужъ интимныхъ предѣловъ; Герценъ не совсѣмъ былъ неправъ (для своего времени), когда говорилъ, что южно-итальянскіе патеры похожи на бандитовъ, а бандиты похожи на патеровъ. Тѣмъ не менѣе, противуправительственный тенденціи конспиративныхъ организаторовъ, въ родѣ Маппини, такъ могущественно дѣйствовавшія на средній классъ во всей Италии, въ Сициліи находили себѣ мало отклика, за слабымъ численнымъ развитіемъ городской буржуазіи и некультурностью остального населенія. Это становится особенно яснымъ, если вспомнить о роли агитациіи Маппини въ такихъ маленькихъ странахъ, какъ Модена или Парма.

Оба эти маленькия герцогства въ лицѣ болѣе культурной части своего населенія были охвачены націоналистической агитаціей, хотя Моденѣ подъ управлѣніемъ узкаго и мрачнаго фанатика Франциска жилось хуже, чѣмъ Пармѣ. Вообще, Парма считалась „бульваромъ свободы“ въ тогдашней Италии, потому что ея полиція не допускала въ своихъ дѣйствіяхъ той дикости, какъ въ другихъ мѣстахъ, хотя бы какъ въ сосѣдней (и столь же маленькой) Луккѣ или въ папскихъ владѣніяхъ. Въ папскихъ владѣніяхъ жило отъ $2^{1/2}$ до 3 миллионовъ человѣкъ ($2^{1/2}$ миллиона въ первой четверти XIX вѣка, почти 3 миллиона къ концу второй четверти); послѣ Пѣмонтата, Неаполя и Ломбардіи Церковная область занимала одно изъ первыхъ мѣсть по количеству народонаселенія, а по характеру управлѣнія, безспорно, самое своеобразное мѣсто. Ея государемъ былъ папа, управлявшій ею безконтрольно при помощи довольно выработанной теократической системы. Болонье, Феррарой, Равенной, Форли и ихъ округами

управляли епископы, игравшие роль губернаторовъ, такъ что вся Романья была всегда въ рукахъ четырехъ духовныхъ намѣстниковъ, за вычетомъ очень кратковременныхъ періодовъ. Римъ управлялся кардиналомъ, исполнявшимъ роль оберъ-полиціймейстера столицы и являвшимся съ ежедневнымъ рапортомъ къ папѣ. Безпорядокъ въ управлениі былъ страшный, потому что и прелаты-начальники, и священники-исполнители и монахи-полицейскіе отвратительно дѣлали свое дѣло, воровали, отчетности никакой не вели и не требовали, славились взяточничествомъ, пьянствомъ, распутствомъ и ежедневною ложью папѣ, который, обыкновенно, и начиналъ и кончалъ свой понтификатъ, не догадываясь объ истинномъ положеніи дѣль въ своемъ государствѣ. Правосудіе было въ рукахъ четырнадцати разбросанныхъ по странѣ церковныхъ трибуналовъ, состоявшихъ исключительно изъ назначенныхъ клириковъ. Всѣ хотъ немнога важныя уголовныя и гражданскія дѣла решались этими трибуналами, а мелкія были предоставлены мировымъ судьямъ (кое-гдѣ свѣтскимъ). Три апелляціонныя судилища (въ Римѣ, Болонїѣ и Мачератѣ) были высшей и окончательной судебной инстанціей; нечего и прибавлять, что всѣ члены ихъ были прелатами. Полиція въ папской области мало уступала въ грубости и подозрительности своей неаполитанской или ломбардо-венеціанской сестрѣ, а цензура прославилась чуловищною придерчивостью. Запрещались Данте, Ветхій Завѣтъ, Петрарка. За чтеніе Боккачіо можно было попасть и въ тюрьму. Папа Шій VII, вернувшись послѣ паденія Наполеона, отмѣнилъ французскія нововведенія, возстановилъ феодальныя права дворянства (въ томъ числѣ и вотчинную юстицію) и началъ эру реакціи, длившуюся въ области 32 года, до восшествія на престолъ Пія IX. Іезуиты держали въ тискахъ римскій и болонскій университеты, наказывали студентовъ, говорившихъ о вращеніи земли, допускали въ аудиторіи не науку, а клерикальную поддѣлку подъ науку; за малѣйшій признакъ свободомыслія каждый студентъ и каждый профессоръ должны были ожидать немедленного изгнанія. Но свободомысліе жило только въ Римѣ, Болонїѣ, Равеннѣ; въ другихъ мѣстахъ тупое прозябаніе изо дня въ день было правиломъ почти безъ исключений; впрочемъ, прозябаніе это отнюдь не было прозя-

баниемъ сытымъ: огромныя пространства церковной области лежали впustъ, въ болотахъ и мараммахъ, распространяя вокругъ малярію, и сокращая до-нельзя площадь запашки. Нищета подданныхъ не мѣшиала клерикальной администрації обременять ихъ налогами и повинностями. Фискальное вымогательство въ церковной области своею неразумною, неразсчетливою жестокостью заставляло обывателей сельскихъ округовъ бѣжать, куда глаза гладятъ, кто—въ Калабрію, къ разбойникамъ, кто—въ Тоскану, где именно въ этомъ отношеніи жилось сравнительно лучше и спокойнѣе. Въ Тосканѣ и послѣ реставрації герцога Фердинанда не совсѣмъ заглохла старая традиція просвѣщенаго абсолютизма: на земледѣльческое населеніе тамъ смотрѣли не какъ на заговорщиковъ и не какъ на дойную корову, а какъ на главную экономическую основу всего государства. Наполеоновскій кодексъ уничтоженъ тамъ не былъ, феодализмъ не воскрешался, администрація и суды (чиновничіи, назначенные, съ канцелярскою тайною) отличались, все же, сравнительно порядочностью и честностью. Но въ смыслѣ борьбы съ либеральными и національно-единительными тенденціями, тосканское правительство проявляло такую же почти тревожную дѣятельность, какъ и всѣ его сосѣди. Аресты, выдачи бѣглецовъ Австріи, распечатываніе писемъ, обширная сѣть шпіонства—все это находилось въ Тосканѣ въ такомъ же полномъ порядкѣ, какъ и въ другихъ итальянскихъ государствахъ; но дѣло въ томъ, что тосканская администрація легальнымъ считала многое запрещенное въ Римѣ, Неаполѣ, Ломбардіи, Пьемонтѣ. Старая итальянская литература, напримѣръ, совсѣмъ не престволовалась, тогда какъ за прелѣлами Тосканы—Боккачіо, Маккіавелли, Петрарка—весыма часто считались недозволеною умственною пищею. Что еще важнѣе было для населенія,—правительство не считало верхомъ мудрости тенденціи мастерничьей политики: держать народъ въ бѣдности, дабы онъ не возгордился и не проявилъ непокорства. Мареммы осуждались въ Тосканѣ весыма ревностно, прокладывались большія шоссейныя артеріи, а со второй половины 40-хъ гг. появились (впервые на полуостровѣ) желѣзныя дороги. Налоговая система была сравнительно не тяжела, ибо ложилась равномѣрно на всѣ сословія; предметы первой необходимости, особенно шерстяныя издѣлія были

10*

недороги, такъ какъ ввозные пошлины отличались въ Тосканѣ своими ничтожными размѣрами. Почти половина крестьянства обладала земельною собственностью, а изъ остальной половины часть (большая) были арендаторами, а часть—батраками. Городское населеніе въ общей сложности не превышало 150.000 человѣкъ во всей странѣ; въ Пизѣ, Сиенѣ, Флоренціи замѣчалось нѣкоторое политическое броженіе—какъ и всюду—преимущественно, въ учащемся и литературномъ мірѣ; остальное населеніе было совершенно индифферентно къ общественнымъ интересамъ.

II.

Общія черты очерченной политико-соціальной дѣйствительности выяснились на Апеннинскомъ полуостровѣ весьма скоро, въ первые же годы состоявшейся послѣ паденія Наполеона всебѣйшей реставраціи, и—тоже почти сразу—началось не прерывавшееся вплоть до своей окончательной побѣды національно-либеральное, освободительное движеніе въ передовыхъ кругахъ общества. Раньше, нежели приступить къ описанію отдѣльныхъ возстаній и революціонныхъ попытокъ, имѣвшихъ мѣсто въ Италии отъ 1815 года до объединенія, скажемъ нѣсколько словъ о томъ механизмѣ, который игралъ видную роль въ подготовкѣ этихъ событий, о тайныхъ обществахъ, классической страною которыхъ была Италия во всю первую половину XIX столѣтія.

На первомъ планѣ въ этомъ отношеніи должны быть поставлены ассоціації карбонаріевъ, распространившіяся по всей Италии. Какъ уже было замѣчено въ предыдущей главѣ, карбонаризмъ возникъ въ эпоху наполеоновскаго владычества въ южной и средней Италии. Тогда онъ былъ въ сношеніяхъ съ изгнаннымъ изъ Неаполя бурбонскимъ правителствомъ, съ друзьями папы Пія VII, и являлся порожденіемъ національной реакціи противъ иноzemнаго завоевателя. Послѣ паденія Наполеона I въ составѣ и тенденціяхъ партіи происходятъ весьма существенные измѣненія. Средній классъ, наиболѣе образованный, близкій къ наукѣ и литературѣ Англіи и Франціи, сталъ пополнять ряды карбонаріевъ своею передовою молодежью;

прежніе бандиты и чернорабочіе увидѣли рядомъ съ собою сыновей крупныхъ и мелкихъ купцовъ, землевладѣльцевъ, врачей, адвокатовъ и т. д. Аристократія также была представлена въ карбонарскихъ ложахъ; простонародье лишь въ 40—50 гг. стало замѣтно входить въ организацію (первое демократическое поколѣніе карбонаровъ наполеоновскихъ временъ быстро стушевалось послѣ уничтоженія французского владычества). Тенденціи карбонаризма перемѣнились еще больше, нежели составъ партіи. На первый планъ выступилъ идеаль объединенной Италии, свободной отъ австрійскихъ и домашнихъ „тирановъ“, и наслаждающейся республиканизмомъ или монархическимъ парламентаризмомъ въ самой широкой степени. Вообще, положительные идеалы карбонаризма нигдѣ и никогда не получили ясной формулировки. Карбонары дѣлились на ложи, т. е. отдѣльныя тайныя общества, организованныя въ строго-іерархическомъ порядкѣ, съ особыми верховными комитетами, лозунгами, клятвами и т. д. Чаще, нежели какія—либо другія возврѣнія, республиканизмъ и объединеніе Италіи были главными идеалами этихъ обществъ. Статуты карбонарскихъ ложъ допускали въ число своихъ членовъ только такихъ лицъ, которыхъ, при полномъ согласіи съ теоретическими возврѣніями ложи, не запятнали себя, вмѣстѣ съ тѣмъ, никакимъ безнравственнымъ поступкомъ. Принципъ безусловного повиненія высшимъ членамъ ложи былъ проведенъ и въ теорії, и въ жизни самымъ решительнымъ образомъ. Въ Англіи, Франціи, Германіи воображеніе современныхъ карбонаризму журналистовъ создало чрезвычайно фантастическія представленія о внѣшней обстановкѣ дѣятельности карбонаріевъ, о подземельяхъ, где они собираются при свѣтѣ факеловъ, о каменоломняхъ, где замуровываютъ измѣнниковъ и т. д. На самомъ дѣлѣ, общія собранія ложъ были до крайности рѣдки, и приказанія верховныхъ комитетовъ передавались отдѣльнымъ членамъ украдкою, посыпкою довѣренаго лица и т. д. Измѣнники, дѣйствительно, приговаривались ложею къ смерти, и приговоры въ большинствѣ случаевъ приводили къ бѣгству или убієнію измѣнившаго. Сначала главнымъ средствомъ борьбы съ политическими порядками карбонаріи считали открытое народное восстаніе, и, дѣйствительно, черезъ пять лѣтъ послѣ реставраціи, по ихъ инициативѣ, и при дѣятельномъ ихъ

участії, на Апеннинскомъ полуостровѣ произошелъ рядъ волненій, впервые заставившихъ всю меттерниховскую Европу посмотретьъ на карбонаризмъ, какъ на чрезвычайно серьезную силу. Съ внѣшней стороны событія 1820—21 гг. шли такимъ образомъ. Движеніе началось въ неаполитанскомъ королевствѣ, гдѣ карбонаризмъ свилъ себѣ обширное гнѣздо среди молодыхъ офицеровъ арміи, особенно, среди пограничныхъ частей ея, расположенныхъ въ Калабріи. Когда пришли первые слухи о волненіяхъ въ Испаніи, разомъ въ неаполитанской арміи началось сильное броженіе, и нѣсколько полковъ, почти сплошь состоявшихъ изъ карбонаріевъ, подъ начальствомъ талантливаго офицера Гуліельмо Пепе, двинулись къ столицѣ, при одобреніи немногихъ либераловъ и глубокомъ равнодушіи огромнаго большинства. Но это равнодушіе отличалось обьюдоострымъ характеромъ, и король Фердинандъ вдругъ увидѣлъ себя лицомъ къ лицу съ бунтующимся войскомъ, а поддержки ниоткуда не было. Кроме жестокости Фердинандъ отличался также весьма значительной трусивостью, и поэтому, 5-го іюля (1820 года) откроировалъ конституцію. Черезъ девять дней вспыхнула также революція въ Сициліи, имѣвшая чисто сепаратистскій характеръ: островъ желалъ отдѣленія отъ неаполитанского королевства. Этотъ характеръ сицилійского восстанія оттолкнулъ отъ него неаполитанскихъ карбонаріевъ и либераловъ. Новое конституціонное неаполитанское правительство послѣшло послать въ Сицилію усмирительную экспедицію, которая, послѣ отчаянной борьбы съ инсургентами, подавила движение, успѣвші разъединить бунтовщиковъ: земельные собственники, бароны испугались общей анархіи и оставили ряды сепаратистовъ, къ которымъ было примкнули. Впрочемъ, отношенія неаполитанского парламента (собравшагося 1-го октября того же года) къ только что замиренному острову продолжали отличаться недовѣрчивостью и враждебностью, чѣмъ и не преминулъ воспользоваться король, ни минуты не желавшій искренно признать вырванную у него карбонаріями конституцію. А пока въ Троппау шли засѣданія созванаго Меттернихомъ конгресса, и Фердинандъ весьма сильно на это разсчитывалъ. Дѣйствительно, перенося свои засѣданія въ Лайбахъ, троппаускій конгрессъ пригласилъ неаполитанского короля на кон-

ференцію. Пріѣхавъ въ Лайбахъ (куда его не посмѣли не приступить новые министры и парламентъ), Фердинандъ добился при помощи Меттерниха того, что конгрессъ разрешилъ австрійской арміи вторгнуться въ королевство и возстановить самодержавный режимъ. Въ январѣ 1821 года австрійцы вторглись въ королевство, разбили армію, выставленную парламентомъ, вошли въ Неаполь, остатки карбонарскихъ отрядовъ бѣжали въ Абронцы и въ Калабрію, и совсѣмъ обезкураженный парламентъ счелъ нужнымъ ограничиться только мольбами о пощадѣ. Всѣ конституціонныя нововведенія были тотчасъ же уничтожены, и произошла обычная для Бурбоновъ звѣрская расправа съ виновниками послѣднихъ событий; ихъ ссылали въ каторгу цѣлыми сотнями, выдавали Австріи, которая десятилетіями держала ихъ въ Шпильбергѣ и другихъ крѣпостяхъ въ полутемныхъ карцерахъ; наконецъ, по личному приказанію Фердинанда, на площадяхъ Неаполя и другихъ городовъ при огромномъ стечениіи народа, съ продолжительными унизительнѣйшими церемоніями были высѣчены розгами и плетьми многія сотни арестованныхъ мужчинъ и женщинъ, противъ которыхъ не существовало достаточно уликъ, чтобы сослать ихъ въ каторжныя работы. Народные массы, крестьянство, духовенство, большинство аристократіи, съ злораднымъ удовольствіемъ смотрѣли на эти дикия зрѣлища; при глубокой лѣни и неподвижности мысли, при полномъ равнодушіи къ торжеству и короля, и карбонаріевъ, они не чувствовали ни жалости къ истязуемымъ, ни ненависти къ палачамъ, ни также удовлетворенія политической мести,—ничего, кромѣ насыщенія празднаго любопытства.

Еще когда конституціоналисты въ Неаполѣ не потерпѣли решительного пораженія, а австрійцы только двигались къ столицѣ, вспыхнуло восстаніе въ Пьемонтѣ. Либералы Сардинскаго королевства также составляли карбонарскія ложи, но здѣсь они выставляли гораздо менѣе радикальныя требованія: пьемонтское правительство не было чужеземнымъ, савойская династія съ первыхъ же лѣтъ реставраціи считалась (и была на самомъ дѣлѣ) единственою национальною династіей на полуостровѣ. Собственно, и волненіе, вспыхнувшее весною 1821 года, было направлено не столько противъ короля Виктора-Эммануила, у котораго хотѣли вынудить

конституціонную реформу, сколько противъ Австріи, которую желали изгнать изъ ломбардо-венеціанской области. У п'емонтскихъ карбонаріевъ имѣлся въ виду также и известный династический раздоръ: представитель младшей линії Савойскаго дома молодой Карль-Альбертъ находился въ почти открытой ссорѣ съ королемъ и не скрывалъ своего сочувствія къ идеямъ либерализма и объединенія Италии. Впрочемъ, Карль-Альбертъ испугался въ решительный моментъ и рассказалъ королю о заговорѣ. Но было уже поздно. Волненіе разрослось, и Викторъ-Эммануиль отказался отъ престола въ пользу угрюмого и никѣмъ не любимаго брата своего Карла-Феликса, а регентомъ назначилъ, пока, Карла-Альберта. Глава ломбардскихъ карбонаріевъ Конфalonьери предложилъ регенту немедленно перейти границу и напасть на австрійскій гарнизонъ, стоявшій въ Миланѣ, но Карль-Альбертъ не рѣшился и бѣжалъ,бросивши все на произволъ судьбы, ибо консервативные элементы П'емонта съ ожесточеніемъ говорили о либеральномъ принципѣ и съ нетерпѣніемъ ждали новаго короля Карла-Феликса, который, еще не войдя въ Туризъ, уже объявилъ себя решительнымъ врагомъ конституціоналистовъ и національной партіи. Роялизмъ въ арміи, дворянствѣ, сельскомъ населеніи былъ такъ великъ, что успѣхъ инсургентовъ оказался вполнѣ эфемернымъ. Австрійцы вторглись въ П'емонтъ, на ихъ сторону стали вѣрноподданные Карла-Феликса — и 8 апрѣля 1821 года п'емонтская революція окончилась полнымъ пораженіемъ конституціонной арміи предъ лицомъ соединенного королевско-австрійскаго отряда. На этомъ и окончились итальянскія волненія 1820—21 гг. Впрочемъ, бѣшенство реакціи въ Неаполѣ было несравненно сильнѣе, нежели въ П'емонтѣ, гдѣ худшимъ наказаніемъ считалась выдача арестованного въ руки австрійскихъ властей. Казней не было, ссылка въ каторгу не практиковалась, въ тюрьмахъ меныше сѣкли и пытали, нежели въ Неаполѣ или Ломбардіи, наконецъ, массовыхъ публичныхъ экзекуцій не происходило совершенно. Нужно сказать, что и на югѣ, и на сѣверѣ восстаніе не удалось, главнымъ образомъ, вслѣдствіе равнодушія или даже враждебности огромныхъ народныхъ массъ, вслѣдствіе отсутствія политической выдержки, энергіи и согласія среди руководителей карбонаріевъ, наконецъ, по

причинѣ слишкомъ подавляющаго численнаго перевѣса австрійской арміи, въ январѣ вторгнувшейся въ королевство Обѣихъ Сицилій, а въ Мартѣ—въ Пьемонтъ. Въ результатѣ всѣхъ этихъ условій воспышка 1820—21 гг. дала только тѣ результаты, которыхъ домогалась, и которые нужны были реакціонной партії. Свириности полиціи и цензуры удвоились, и 20—30 гг. принадлежать къ удушливѣйшимъ periodамъ общетальянской реакціи. Въ Пьемонтѣ и Неаполѣ были оставлены (по желанію Фердинанда неаполитанскаго и Карла-Феликса пьемонтскаго) болыше австрійскіе гарнизоны, содержаніе которыхъ тяжелымъ гнетомъ лежало на странѣ, главнымъ образомъ, на земледѣльческихъ классахъ. Въ австрійскихъ владѣніяхъ возстанія, собственно, не произошло, но нѣкоторое броженіе—особенно вблизи пьемонтской границы—все же, ощущалось. Поэтому вѣнское правительство рѣшило воспользоваться своими побѣдами, чтобы и у себя въ ломбардо-венецианской области задушить окончательно духъ строптивости. Редакторъ журнала „Conciliatore“, запрещеннаго за годъ прѣдъ тѣмъ, Сильвіо Пелlico былъ схваченъ и осужденъ на заточеніе въ Шпильбергѣ въ теченіе 15 лѣтъ, Конфalonьери —глава карбонаріевъ,—на *пожизненное* заключеніе въ шпильбергскомъ *карцерѣ*, цѣлая масса другихъ лицъ на разные сроки были сосланы въ каторгу и засажены въ тюрьмы, гдѣ свиданія съ родственниками разсматривались, какъ рѣдкая и исключительная милость. Въ 1823 году собрался веронскій конгрессъ, на которомъ представители общеевропейской реакціи вполнѣ одобрили дѣйствія своихъ итальянскихъ товарищѣй. Въ 1825 году умеръ тупой, развратный и жестокій Фердинандъ и на неаполитанскій престолъ вступилъ Францискъ I, но отъ этого передовому обществу королевства Обѣихъ Сицилій стало житься не лучше.

III.

Дѣятельность карбонарскихъ ложъ продолжалась послѣ этой неудавшійся революціи 1820—21 гг.; ни шпионы, ни полиція, ни меттерниховская цензура, ни римская инквизиція, ни сицилійскія каменоломни и каторга, ни шпильбергскіе карцера, ни висѣлица —

ничто не могло ихъ задушить окончательно. Но послѣ пьемонтской и неаполитанской неудачи потянулись долгіе годы трудной подготовительной работы, воспитывавшей молодое поколѣніе въ духѣ конституціонныхъ и національныхъ идеаловъ. Нужно сказать, что на смѣну Сильвіо Пелlico, надолго похороненного въ шпильбергскихъ казематахъ, выступило новое литературное поколѣніе, слишкомъ привыкшее къ неудачей 1820 — 21 гг. и либо погруженное въ безысходную тоску, въ родѣ поэта-пессимиста Джакомо Леонарди, либо проповѣдывавшее христіанскую кротость, прощеніе врагамъ и т. д. въ родѣ Манzonи. Но людямъ иныхъ воззрѣній и невозможно было выступить въ легальной прессѣ того времени, такъ что тогдашняя литература, даже и въ самой слабой степени, не можетъ считаться выразительницей настроенія, господствовавшаго въ передовыхъ кругахъ итальянской молодежи. Ненависть противъ Бурбоновъ, австрійцевъ, іезуитовъ и всѣхъ, вообще, столповъ реакціи осложнялась въ этихъ кругахъ и надеждою на побѣду въ будущемъ, и горькою обидою за прошлое. Рѣдка была интеллигентная семья, въ которой не нашлось бы члена, пострадавшаго или продолжающаго страдать въ итальянскихъ и австрійскихъ тюрьмахъ и каторгахъ. Тогдашній итальянскій мартирологъ заключалъ въ себѣ почти всю интеллигенцию націи, и молодое поколѣніе видѣло въ себѣ истителей за отцовъ, матерей и старшихъ братьевъ и сестеръ. Романтизмъ, проникшій въ эти годы въ итальянскую литературу, совсѣмъ не приился въ ней; за то ревностно изучали Данте, Петрарку и Боккачіо (тамъ, гдѣ эти три писателя не особенно пре следовались цензурою). На родныхъ классиковъ молодежь смотрѣла, какъ на моральныхъ объединителей Италіи, и ревностно изучали ихъ. Но вліяніе, дѣйствительно, изъ ряда воинъ выходящее, имѣла на молодежь французская либеральная публицистическая литература. Конституціонный Парижъ и до, и въ особенности, послѣ революціи 1830 года, сдѣлался своего рода Меккою для всѣхъ итальянскихъ конституціоналистовъ, которымъ удавалось только получить заграничный паспортъ. Въ самомъ началѣ 1831 года, подъ прямымъ воздействиѳмъ удавшейся за полгода французской юльской революціи, вспыхнули волненія въ Моденѣ и Романѣ, а затѣмъ уже изъ Романы перешли и въ

остальную папскую область. Но снова австрійскій гарнізонъ разбилъ отряды пісургентовъ, возстановилъ на престолъ герцога Моденскаго Франциска, который было бѣжалъ изъ своей столицы, предводитель возстанія Менотти былъ казненъ, французы никакой помощи возставшимъ не оказали (а на это итальянскіе либералы, вообще, сильно надѣялись послѣ паденія Карла X и установленія юльской монархіи во Франціи), и средней Италиі пришлось уже въ апрѣлѣ 1831 года испытать почти всѣ тѣ ужасы усмиренія и кровавой мести реакціи, которые были испытаны съверной и южной Италіей (Пьемонтомъ и Неаполемъ) ровно за десять лѣтъ предъ тѣмъ. Начавшійся тогда же, и длившійся шестнадцать лѣтъ, (1831—1846) понтифікатъ Григорія XVI ознаменовалъ собою усиленіе реакціи въ церковной области, полное прекращеніе всякихъ маломальски рациональныхъ зачатковъ народнаго просвѣщенія, разнудзданную свирѣпость римской инквизиції, морившей и пытавшей въ своихъ подземельяхъ всѣхъ подозрительныхъ. Вялый, неумный, узко-эгоистичный папа предоставлялъ инквизиціи широчайшій просторъ, которымъ она сама беззаботнымъ образомъ и пользовалась. Понтифікатъ Григорія XVI былъ временемъ, когда Меттернихъ имѣлъ больше всего влиянія на дѣла Церковной области. Вообще, съ меттерниховской точки зрењія 30-ые и первая половина 40-хъ гг. были золотымъ временемъ въ Италии: съ 1833 года на неаполитанскомъ престолѣ появился, по смерти Франциска, Фердинандъ II, успѣвшій имя и безъ того ненавистныхъ Бурбоновъ сдѣлать еще ненавистнѣе и отвратительнѣе для всѣхъ порядочныхъ людей полуострова, безъ различія ихъ убѣждений. Онъ вступилъ на престолъ еще молодымъ человѣкомъ, но уже съ вполнѣ разработанной теоріей деспотизма, самаго наглаго самоуправства. Французскій король писалъ ему о необходимости нѣсколько человѣчнѣе относиться къ подданнымъ и сдѣлать хоть маленькия уступки духу времени; Фердинандъ отвѣтилъ Людовику-Филиппу чрезвычайно нахальнымъ письмомъ, въ которомъ прямо заявлялъ, что его подданнымъ „незачѣмъ думать“, ибо онъ за нихъ думаетъ и объ ихъ благѣ печется. Сообразно съ подобными взглядами онъ и дѣйствовалъ. Его министръ полиціи Делькаретто, начавшій свою карьеру еще въ прошлое царствованіе,

вскорѣ сдѣлался знаменитостью, гремѣвшою далеко за предѣлами полуострова. При немъ пытка голодомъ и розгами политическихъ арестантовъ безъ различія пола и возраста сдѣлалась ежедневнымъ явлениемъ въ неаполитанскихъ и сицилийскихъ тюрьмахъ. Цензура и обученіе юношества попали всенѣло въ руки іезуитовъ, которые отвергали открытие Коперника и считали Данте революціоннымъ писателемъ. Замѣчательно, что къ изумленію и ужасу передовыхъ элементовъ королевства Обѣихъ Сицилій, Церковной области, ломбардо-венеціанскихъ владѣній Австріи,—реакція при Фердинандѣ II, Григоріи XVI, Меттернихѣ какъ будто прогрессировала изъ года въ годъ. Казалось, она достигала временами геркулесовыхъ столповъ, за которые уже нельзя было перейти, и всегда въ концѣ концовъ, выходило такъ, что въ этой области замѣчались новые шаги, новый стѣсненія личности, новая вторженія въ частную жизнь. Нищета, между тѣмъ, параллельно съ реакціей, также прогрессировала на полуостровѣ, хотя не вездѣ въ одинаковой степени. Вотъ общія статистическія данныя, выведенныя Зеле для Италии начала 40 гг. Населеніе всего полуострова равнялось двадцати четыремъ миллионамъ человѣкъ (въ ломбардо-венеціанскихъ владѣніяхъ Австріи 5.600.000; въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій 8.500.000; въ Сардинскомъ (пьемонтскомъ) королевствѣ 4.500.000; въ Церковной области 2.700.000; въ Тосканѣ $1\frac{1}{2}$ миллиона; въ Пармѣ $\frac{1}{2}$ миллиона; въ Моденѣ 400.000; въ Луккѣ 140.000; въ княжествѣ Санть-Марино 7.800 чел.; въ Монако 7.000 чел. Государственные доходы ломбардо-венеціанской области равнялись 150 миллионамъ франковъ; королевства Обѣихъ Сицилій 115 миллионамъ; Сардинскаго королевства 80 мил., Церковной области 40 мил., Тосканы 21 мил., Пармы 7 мил., Модены 5 мил., Лукки, Санть-Марино и Монако $1\frac{1}{2}$ мил. франковъ. Это бремя населеніемъ австрійскихъ владѣній и Пьемонта переносилось, сравнительно, безъ особаго труда, но королевство Обѣихъ Сицилій и папскія владѣнія, земли совершенно нищія, разорялись беззастѣнчивымъ выжиманіемъ изъ нихъ всѣхъ соковъ. Воровская администрація въ обоихъ этихъ несчастныхъ государствахъ расхищала, иногда, около $\frac{1}{5}$ всѣхъ казенныхъ поступленій. Военные силы распредѣлялись такъ: Пьемонтъ,

ломбардо-венецианская область и королевство Объих Сицилий обладали тремя армиями, каждая въ 60.000 чол., а Пьемонтъ, сверхъ того, еще 10.000 милиціи и 40.000 резерва; у папы было 16.000 солдатъ, въ Тосканѣ 8000, Моденѣ 7700, въ Пармѣ 1800, Луккѣ 2750, въ Санть-Марино 40 чол. солдатъ. Флотъ болѣе или менѣе значительный находился только въ распоряженіи ломбардо-венецианской области (16 большихъ судовъ, 74 малыхъ, 20 тысячъ матросовъ), Пьемонта (8 судовъ большихъ, 24 малыхъ, 10.000 матросовъ) и Неаполя (9 большихъ судовъ, 43 малыхъ, 10.000 матросовъ). У остальныхъ флота не было, а были купеческие корабли, временно нанимаемые правительствами для своихъ нуждъ.

Торговля больше всего была развита въ ломбардо-венецианской области (вывозилось ежегодно, въ среднемъ, товаровъ на 100 миллионовъ франковъ, считая съ Триестомъ, а ввозилось на 125 миллионовъ); затѣмъ слѣдовала Неаполь съ ничтожными для своего населенія цифрами—40 мил. ввозу и почти столько же вывозу; въ папскія владѣнія ввозилось товаровъ на 92 миллиона, а вывозилось на 31 миллионъ. Въ Пьемонтѣ и остальныхъ государствахъ ввозъ еще рѣшительнѣе торжествовалъ надъ вывозомъ: Италія находилась въ полнѣйшемъ экономическомъ порабощеніи у Англіи и Франціи, снабжавшихъ ее продуктами своей индустріи. Положеніе итальянской промышленности вслѣдствіе скучности капиталовъ, непредпримчивости населения, вредного правительственного гнета было самыми непригляднымъ. Главныи продуктомъ индустріи и экспорта былъ шелкъ, $\frac{9}{10}$ котораго вывозилось за границу. Ломбардо-венецианская область выдѣльвала 7 миллионовъ фунтовъ сырцѣ; Пьемонтъ (съ Генуей, принадлежавшей ему) 2 миллиона, Неаполь 1.200,000 фунтовъ, Церковная область 800,000 фунтовъ, Парма, Модена и Лукка вмѣстѣ 550,000, Тоскана 300,000. Производство было въ рукахъ большихъ мануфактуръ, отдававшихъ заказы работавшимъ на нихъ „домашнимъ мастерскимъ“. Конечно, эксплуатація труда была здѣсь самая беззастѣнчива. Кромѣ шелку, производились и шерстяные продукты, были мануфактуры, занятые выдѣлкою парусовъ и д. д., но, въ общемъ, производство было совершенно ничтожно. Италія являлась вполнѣ земледѣльческой

страною; хлѣбъ, виноградъ, оливковое масло — вотъ были главные ся продукты, которые, впрочемъ, не только не вывозились въ большихъ количествахъ, но часто добывались въ недостаточныхъ размѣрахъ для пропитанія мѣстнаго населенія. Англійскіе и французскіе путешественники поражались грязью и нищетою итальянскихъ лац-царони и крестьянъ, ихъ умственнаю убогостью, отсутствіемъ грамотности, смѣшными сувѣріями, набожнымъ довѣріемъ къ монахамъ, юродивымъ и инымъ духовнымъ руководителямъ. Но Меттернихъ, Фердинандъ, папа, Карлъ Феликсъ и ихъ мелкіе подражатели отлично знали, чего имъ нужно, и не особенно тревожились нищетою и дикостью большинства народонаселенія: и нищета, и дикость считались чрезвычайно существенными и полезными презервативами противъ духа суеты и гордыни, т. е. либеральныхъ и національныхъ тенденцій.

IV.

Но работа національного самосознанія неустанно продолжалась среди городского населенія, главнымъ образомъ, среди буржуазіи, отчасти среди аристократіи, и съ конца 30-хъ гг. среди ремеслен-наго класса. Неудачи карбонарскихъ попытокъ и свирѣпая расправа, сопровождавшая ихъ, какъ уже было сказано, вовсе не уничтожили бодрости духа и желанія борьбы и побѣды среди передовыхъ круговъ. Съ тридцатыхъ годовъ организаторомъ конспирацій и возстаній, вожакомъ молодежи, вліятельнѣйшимъ дѣятелемъ активной оппозиціи, дѣлается одинъ изъ замѣчательныхъ дѣятелей итальянской исторіи, Джузеппе Маццини, и съ этого же времени на смѣну от-дѣльнымъ карбонарскимъ ложамъ является единая партія „Молодой Италіи“, въ которую входятъ и заговорщики, организующіе то тамъ, то сямъ вооруженные возстанія, и публицисты, старающіеся, по мѣрѣ силъ и возможности, наводнить полуостровъ революціонными возваніями, и богатые землевладѣльцы, тайно помогавшіе революціонному фонду. Девизомъ Маццини было правило, чтобы каждый сочувствующій цѣлямъ партіи, давать въ пользу ея все, что онъ хочетъ и можетъ дать. „Dio e popolo“, Богъ и народъ — такія

слова стояли на знамени Маццини. Его идеаломъ была объединенная и республиканская Италия, осуществляющая въ жизни высокіе этическіе завѣты христіанства. Онъ считалъ ошибкою карбонаріевъ, что они оставили безъ должнаго вниманія пропаганду въ народныхъ массахъ, которая, по его мнѣнію, должна была стоять во главѣ всего дѣла. Изгнанный изъ своего родного города Генуи, послѣ кратковременного тюремнаго заключенія, Маццини перѣхалъ въ южную Францію (въ 1831 г.) и оттуда сталъ наводнить Италию своими брошюрами и летучими листками. Быстро таяли остатки карбонарскихъ ложъ, и столь же быстро росла партія „Молодой Италии“. Пропаганда въ народныхъ массахъ, по его плану, должна была сломить губившій всѣ революціонные попытки индифферентизъ большинства населенія, а первою цѣлью активныхъ дѣйствій Маццини ставилъ изгнаніе австрійцевъ изъ ломбардо-венеціанской области, а затѣмъ изгнаніе всѣхъ остальныхъ итальянскихъ правителей и объединеніе всего полуострова на широкихъ, свободныхъ, демократическихъ началахъ. Слѣдуетъ замѣтить, что подобно русскимъ славянофиламъ, польскимъ товянчикамъ, некоторымъ немецкимъ романистамъ, Маццини былъ сильно зараженъ мессіанизмомъ, вѣрою въ особенные высшія предначертанія и историческую роль своего народа. Романтизмъ сказался въ Италии именно только этой одною чертою. Маццини полагалъ, что объединенная Италия предназначена Богомъ къ тому, чтобы служить первымъ образцомъ истинно свободнаго и счастливаго демократического государства, где Божиѣ заповѣди будутъ исполняться и ненарушимо, и легко. Общіе теоретическіе взгляды Маццини были, въ общемъ, немногимъ яснѣ взглядовъ его предшественниковъ - карбонаріевъ, но уже сильно давало себя чувствовать стремленіе пріобщить къ движению безучастныхъ толпы народа. Главная сила Маццини заключалась въ его замѣчательныхъ организаторскихъ талантахъ, въ глубочайшемъ знаніи всѣхъ странъ полуострова, въ пониманіи мельчайшихъ юансовъ темперамента отдельныхъ группъ итальянскаго народа, сѣверныхъ и южныхъ. При широтѣ своего общаго идеала, Маццини никогда не уставалъ повторять, что первою и главною цѣлью должно быть изгнаніе австрійцевъ. Поэтому, несмотря на свой республиканизмъ, онъ на-

писалъ въ 1831 году, когда Карль-Альбертъ вступилъ по смерти Карла-Феликса на пьемонтскій престолъ, письмо молодому королю. Въ этомъ письмѣ онъ убѣжалъ короля присоединиться къ „Молодой Италии“. Въ отвѣтъ на это, Карль-Альбертъ, и безъ того сильно трусившій своей нѣкогда громѣвшей либеральной репутаціи и боявшійся Меттерниха, осудилъ Маддини заочно на тюремное заключеніе. Тогда Маддини началъ свою конспираторскую дѣятельность двумя заговорами (1833 и 1834 гг.), которые оба не удались, ибо въ 1833 г. заговорщики были схвачены до исполненія замысла, а въ 1834 г. начальникъ инсургентовъ Раморино былъ разбитъ войсками правительства, и жесточайшая репрессія показала, что Карль-Альбертъ, не смотря на свой бывшій либерализмъ, можетъ въ жестокости успѣшно конкурировать съ неаполитанскимъ своимъ современникомъ Фердинандомъ II. Вскорѣ вліяніе Маддини стало сказываться и въ неаполитанской области; Фердинандъ и его министръ карбонарій-ренегатъ Делькаретто съ такою же свирѣпостью и ловкостью открывали и подавляли заговоры „Молодой Италии“, съ какою дѣлали это прежде относительно карбонарскихъ конспирацій. И въ Пьемонтѣ, и въ Неаполѣ, и въ папской области, и въ Моденѣ жестокія казни и пытки, отъ которыхъ умирали подсудимые, явились послѣдствиемъ заговоровъ и арестовъ, но движеніе не прекращалось, и охватывало понемногу также Тоскану и ломбардо-венецианская владѣнія Австріи. Маддини, стоя во главѣ заговорщиковъ, сбиравшихся то въ Сициліи, то въ Миланѣ, то въ Римѣ, то въ Италии на тайные сѣззы, служилъ центромъ и соединительнымъ звеномъ для партіи. Отдельныя мелкія возстанія не прекращались на полуостровѣ. Когда въ 1837 г. на Сициліи и затѣмъ въ Неаполѣ разразилась среди нищаго и грязнаго народа страшнѣйшая холера, „Молодая Италия“ подняла тамъ знамя возстанія, и кровавый бунтъ обезумѣвшаго отъ паники населенія не на шутку встревожилъ правительство. Но холера окончилась, бунтъ былъ усмирѣнъ, сто слишкомъ человѣкъ было повѣшено, нѣсколько тысячъ посажено въ тюрьму, сослано на каторгу или высѣчено публично плетьми и розгами. Черезъ 6 лѣтъ въ Романѣ произошло также возстаніе членовъ партіи противъ папы Григорія XVI, но оно было быстро

усмириено папскими войсками. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ послѣ романьольскихъ казней и военныхъ судовъ и въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій произошло новое возстаніе, столь же безуспѣшное и трагическое для его виновниковъ, какъ и всѣ прежнія. Братья Бандьера, служившіе въ австрійскомъ флотѣ, написали въ Лондонъ Маццини, что они желаютъ высадиться съ своими сообщниками въ южной Калабріи и оттуда начать войну противъ неаполитанского правительства, попытавшись привлечь на свою сторону народъ. Планъ этотъ отъ начала до конца былъ неосновательный, и Маццини ихъ очень просилъ отложить свое намѣреніе. Переписка шла очень дѣятельно, а англійская почта столь же дѣятельно перехватывала, копировала и отправляла эти письма неаполитанской полиції. Конечно, едва Бандьера высадились, какъ были схвачены и вмѣстѣ съ товарищами разстрѣлены.

Всѣ эти кровавыя трагедіи 30—40 гг. производили гнетущее впечатлѣніе на передовые слои Италии; мечты о свободѣ и единствѣ каждый разъ послѣ неудавшейся революціонной попытки казались все болѣе и болѣе далѣкими до осуществленія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, моральное впечатлѣніе отъ этихъ подвиговъ отчаянной храбрости возбуждало духъ самоотверженія и ненависти къ Меттерниху, Бурбонамъ, папѣ, Франциску Моденскому. Что касается до Карла-Альберта пьямонтскаго, то чѣмъ дальше тянулось его царствованіе, тѣмъ къ нему лучше относились умѣренные прогрессисты и даже партія „Молодой Италии“. Нужно сказать, что послѣ первыхъ лѣтъ, когда Карль-Альбертъ прославился изъ ряда воинъ выходящими свирѣпымъ усмирениемъ вторгнувшихся въ Савойю мацциніевскихъ заговорщиковъ, король началъ понемногу дѣлать известные, весьма, впрочемъ, слабые попытки вернуться къ своему юношескому либеральному настроенію. Онъ уничтожилъ всѣ слѣды феодальныхъ отношений на нетронутой въ этомъ смыслѣ до сихъ поръ Сардиніи, уменьшилъ ввозныя пошлины, провелъ нѣсколько важныхъ торговыхъ путей; его министръ Делла Маргерита былъ первокласснымъ финансистомъ своего времени, и всѣ его реформы были направлены къ уничтоженію податныхъ различій между сословіями и къ болѣе равномѣрному распределенію податного бремени; въ военной службѣ

быть введенъ ландверъ, на подобіе прусскаго, и сроки службы оказались, благодаря этому, короче, нежели во всякой иной странѣ полуострова. Но, что казалось тогда еще важнѣе, Карль-Альбертъ твердо и рѣшительно отстаивалъ полную независимость Пьемонта, и отъ моральныхъ притязаній папства, и отъ политического давленія со стороны Меттерниха. Иезуитамъ жилось въ Пьемонтѣ хуже, нежели гдѣ-либо; папскія увѣщанія были весьма мало вліятельны; а съ Австріей король ссорился довольно открыто. Австрія накладывала высокія пошлины на пьемонтскій импортъ, усиливала паспортныя затрудненія на ломбардо-пьемонтской границѣ, посыпала грозныя ноты, а Карль-Альбертъ, опираясь на свою 60-тысячную армію, безбоязно повторялъ, что онъ „не боится потерять Австрію, ибо онъ этимъ пріобрѣтеть Италию“. Понемногу, былая популярность стала возвращаться къ пьемонтскому королю, и его уже опять стали называть „итальянской звѣздочкою“. Въ 40 гг. Карль-Альбертъ сталъ явно покровительствовать свѣтскимъ школамъ и гимназіямъ, не существовавшимъ, или гонимымъ въ остальной Италии, и настолько смягчилъ супровость цензуры, что въ Пьемонтѣ возникла весьма вліятельная умѣренно-либеральная пресса. Джоберти, д'Азеліо, Ка-вуръ, начинавшій свою карьеру, были видными дѣятелями этого пьемонтскаго литературнаго возрожденія. Вѣра въ либеральное и національно-объединительное будущее савойской династіи, въ то, что вся Италия рано или поздно соберется вокругъ Пьемонта въ качествѣ единой, конституціонной монархіи, что Карль-Альбертъ выгнать австрійцевъ изъ ломбардо-венеціанской области — вотъ что составляло главное содержаніе умѣренно-либеральныхъ тенденцій. Прежде всего эта партія имѣла сторонниковъ въ Пьемонтѣ, а по томъ распространилась и въ другихъ странахъ. Манцини смотрѣлъ на умѣренныхъ недружелюбно, главнымъ образомъ, за ихъ недовѣріе къ революціи, какъ къ орудію объединенія, а умѣренные (въ родѣ Джоберти) съ ненавистью писали о „заговорщикѣ, изъ безопаснаго приюта посыпающимъ храбрецовъ на казнь“. Впрочемъ, въ концѣ концовъ и „Молодая Италия“ и умѣренные сходились въ важный-шемъ пунктѣ непосредственной и ближайшей программы: тѣ и другие смотрѣли на изгнаніе австрійцевъ изъ Ломбардіи и Венеціи

какъ на conditio sine qua non всяческаго прогресса и счастья Италии. Джоберти (изъ умѣренныхъ) многаго ждалъ также и отъ папскаго престола, но большинство его единомышленниковъ смотрѣли съ единственной и не потухающей надеждой на Пьемонтъ. Талантливый публицистъ Чезаре Бальбо въ своей, нашедшой огромный сбыть, книгѣ „Надежды Италии“, особенно настаивалъ на провиденціальномъ назначеніи Пьемонта объединить итальянскую націю. Нужно сказать, что дѣятельная пропаганда, съ одной стороны „Молодой Италии“, съ другой стороны—умѣренной партіи, дѣлала свое дѣло: къ концу 40 гг. национальное самосознаніе охватывало уже почти всѣ классы населенія большихъ городовъ и—особенно въ сѣверной и средней Италии—немалое количество деревенскихъ людей, еще въ наполеоновскія времена столь равнодушныхъ къ идеѣ объединенія и къ гнету чужеземцевъ и своихъ тирановъ. Либеральная реформы Карла-Альберта давали плоть и кровь национальнымъ мечтамъ: на Пьемонтъ привыкали смотрѣть, какъ на будущее спасеніе Италии. Два обстоятельства, послѣдовавшія одно за другимъ на разстояніи девятнадцати мѣсяцевъ, необыкновенно ускорили событія и политическое развитіе большинства націй: въ іюлѣ 1846 года, по смерти Григорія XVI, въ папы былъ избранъ Пій IX; въ концѣ февраля 1848 года разразилась въ Парижѣ революція, бывшая сигналомъ къ революціи въ Вѣнѣ и Италии.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Італія отъ избрания Пія IX до окончательного своего объединенія (1846 – 1870 г.г.).

I.

Кардиналъ Мастай-Ферретти, избранный въ римскіе папы подъ именемъ Пія IX, былъ задолго до выдвинувшаго его на міровую сцену 1846 года извѣстенъ, какъ человѣкъ, наклонный къ умѣренному либерализму и „зарожденный“ (по меттерниховскому жаргону) національно-объединительными тенденціями. Эпилептикъ, болѣненный, робкій, нерѣшительный человѣкъ — Пій IX обладалъ, тѣмъ не менѣе, весьма большими самолюбіемъ и умѣньемъ отстаивать свою независимость отъ самыхъ вліятельныхъ иностранныхъ дворовъ. Во всякомъ случаѣ у него хватило рѣшимости въ первые же дни своего правленія выпустить на свободу почти всѣхъ политическихъ арестантовъ и вернуть всѣхъ изгнанниковъ, пострадавшихъ при Григоріи XVI. Трудно себѣ представить, какой бурный восторгъ вызвала эта амністія; она сразу поставила Пія IX на пьедесталъ народнаго героя. Общая либеральная репутація семьи Мастай также много способствовала радужнымъ надеждамъ либераловъ. „Въ глазахъ религіознаго, впечатлительнаго, мало образованнаго средняго італьянца“, пишетъ одинъ современный историкъ, „сочувствіе папы (либерализму) значило больше, чѣмъ вся философія и весь идеализмъ Молодой Италії“. Кромѣ амністіи, тенденціи новаго государя церковной области сказывались еще въ предпринятыхъ имъ реформахъ и улучшеніяхъ въ области финансій и школьнаго образования. Своей кульминаціи папская популярность достигла, когда распространились слухи о беспокойствѣ и неудовольствіи Меттерниха по поводу дѣйствій Пія IX. Стоило Пію

показаться на улицѣ, чтобы огромные толпы людей съ восторгомъ его привѣтствовали на улицахъ и площадяхъ. Въ Римѣ уже громко говорили объ изгнаніи тиранновъ и объединеніи страны около „божьяго посланца“. Движеніе начиналось и въ Тосканѣ, и въ Пьемонтѣ, но въ Римѣ оно усиливалось со дня на день. Во главѣ его въ 1847 году сталъ ремесленникъ Чичероваккіо, который имѣлъ огромное вліяніе на народъ, и былъ искренно убѣжденъ въ либерализмѣ папы и въ возможности ожидать отъ папы всего лучшаго. Весною 1847 года папа отмѣнилъ предварительную цензурѣ и далъ опредѣленныя обѣщанія конституції, правда, мало демократической, но все же довольно либеральной. Отношенія съ Австріей были до того натянуты, что австрійскія войска близъ Романы стали дѣлать угрожающія демонстраціи, а папа поспѣшилъ войти въ прямые отношенія съ королемъ сардинскимъ, на случай войны. Въ Тосканѣ огромные толпы кричали на площадяхъ, особенно во Флоренціи, у дворца герцога, требуя союза съ папою и совмѣстной войны противъ австрійцевъ; въ Луккѣ произошла инсурекція, герцогъ бѣжалъ, и народное ополченіе открыто говорило о присоединеніи къ Риму. Возбужденіе все болѣе и болѣе охватывало ломбардо-венеціанскую область, и австрійцы, наконецъ, начали безъ объявленія войны враждебныя дѣйствія, захвативши Феррару. Весь Пьемонтъ громко говорилъ о войнѣ, и Карль-Альбертъ все болѣе убѣждался, что населеніе Турина и Генуи, а, можетъ быть, и другихъ городовъ его королевства не остановится предъ революціей, если не поддержать энергично популярнаго папу предъ лицомъ Меттерниха. Карль-Альбертъ заговорилъ угрожающимъ тономъ, и Австрія вывела войска изъ Феррары. Но этотъ успѣхъ еще болѣе подзадорилъ движение: выводъ войскъ изъ Феррары состоялся въ декабрѣ 1847 г., а движеніе, съ января 1848 г., казалось, еще усилилось и посмѣлѣло. Меттернихъ явно стремился къ войнѣ и не скрывалъ, что австрійская армія изъ Ломбардіи ринется въ Пьемонтъ, Тоскану и Римъ при первомъ благопріятномъ случаѣ. Настроеніе прогрессистовъ было также самое воинственное: при общей ненависти къ Австріи, они почему то полагали, что даже такой отталкивающей и узко-эгоистичный тиранъ, какъ Фер-

динандъ II, не говоря уже о всѣхъ другихъ государяхъ Италии, становится изъ патріотизма на сторону Пьемонта и папы, въ случаѣ столкновенія съ Австріей. Ломбардія и Венеція были взволнованы страшно; мацциневскія тайныя общества, легальные, но твердые и смѣлые дѣятели народнаго просвѣщенія въ национальномъ духѣ, тайная пресса, нигдѣ (несмотря на всю опасность) такъ жадно не читавшаяся — все это давно уже поддерживало броженіе въ австрійскихъ владѣніяхъ. Близость Пьемонта, оживленная сношеніемъ, еще болѣе этому содѣйствовали. Дворянство въ 40-хъ гг. ненавидѣло австрійцевъ столько же, какъ и средній классъ, и даже крестьяне обнаруживали въ сношеніяхъ съ австрійскими сборщиками податей большую строптивость. Въ акціонерныхъ собранияхъ промышленныхъ обществъ, на научныхъ конгрессахъ, на публичныхъ балахъ, антагонизмъ и ненависть къ австрійцамъ проявлялись въ ломбардо-венеціанской области самыми недвусмысленными образомъ. Въ Венеціи молодой адвокатъ Манинь, въ Миланѣ и другихъ городахъ болѣе умѣренные дѣятели возбуждали агитацию въ уцѣлѣвшихъ (хотя и совсѣмъ не имѣвшихъ никакого значенія) представительныхъ мѣстныхъ собраніяхъ — конгрегаціяхъ, съ цѣлью, путемъ петицій императору, обнаружить недовольство австрійскимъ правлѣніемъ. Наконецъ, на Рождество 1847 г., разразилась прелюдія къ наступавшему черезъ нѣсколько дней кровавому 1848 г.: прогрессисты пригласили всѣхъ, кто „любить Италію“ прекратить куреніе табаку (моноцольная торговля которымъ была весьма выгодна австрійскому правительству). Тогда австрійскій главнокомандующій Радецкій роздалъ войскамъ сигары и табакъ, и солдаты, разгуливая по улицамъ, нахально пускали дымъ въ лицо прохожимъ. Начались свалки; впрочемъ, Радецкій самъ признавался, что онъ мечтаетъ поскорѣе довести дѣло до сраженій.

Въ толпу стрѣляли, было нѣсколько десятковъ раненыхъ и убитыхъ. Негодованіе во всей Италіи было страшное, но общаго возстанія еще не начиналось. Тѣмъ не менѣе „нарывъ началь прорываться“: 12 января (1848 г.) въ Сициліи вспыхнула революція, и черезъ нѣсколько дней королевскіе гарнизоны бѣжали на континентъ, а весь островъ, за вычетомъ двухъ пунктовъ, былъ въ ру-

кахъ населенія. Король Фердинандъ II, имѣвшій наглость еще за нѣсколько мѣсяцевъ до того опровергать изданный Сеттембрини „протестъ народовъ Обѣихъ Сицилій“, говорившій, что въ разоблаченіяхъ Сеттембрини нѣть ни слова правды, и что конституціи въ его странѣ никто не желаетъ, вымѣщалъ свой гнѣвъ на тѣхъ несчастныхъ, которые попали въ его руки: ежедневно шли военные суды и разстрѣливанія. Но и на континентѣ начались волненія, въ Неаполѣ произошли грандіозныя демонстраціи, солдаты нѣсколько разъ отказались стрѣлять въ народъ, и король, видя, что даже его другъ и товарищъ Делькаретто сдѣлался внезапно либераломъ, сначала разгневался и прогналъ Делькаретто, а 27 января (1848 г.) уже совершенно и не на шутку испуганный, даровалъ конституцію. Мгновенно въ Пьемонтѣ требованія конституціи сдѣлались настолько яростными, что, боясь революціи, Карлъ Альбертъ (8 февраля) торжественно обѣщалъдать конституцію; 11 февраля его примѣру (послѣ бурныхъ, но безкровныхъ демонстрацій) послѣдовалъ и герцогъ Тосканскій. Что папа дасть конституцію, болѣе широкую, нежели тотъ компромиссъ, который онъ уже далъ въ 1847 г., не подлежало сомнѣнію, но раньше, чѣмъ это рѣшилось, разразилась февральская революція во Франціи, ниспровергшая тронъ Людовика-Филиппа. Это событие было сигналомъ къ мартовской революціи въ Вѣнѣ. Въ ночь на 18-е марта первыя опредѣленныя свѣдѣнія о побѣдѣ вѣнскихъ инсургентовъ, о бѣгствѣ Меттерніха проникли въ Миланъ, и тотчасъ же вспыхнуло восстаніе, несмотря на попытки гражданскаго австрійскаго управления предупредить его. Инсургенты требовали уничтоженія австрійской полиціи и введенія новой, зависящей отъ городской думы, уничтоженія цензуры, образования національной гвардіи, немедленнаго прекращенія всякихъ политическихъ дѣлъ и выпуска всѣхъ заключенныхъ по такимъ дѣламъ на свободу. Фельдмаршалъ Радецкій, человѣкъ тупой и жестокій, типичный представитель австрійской казармы былыхъ временъ, началъ нападеніе на толпы и въ теченіе пяти дней длилась отчаянная борьба, кончившаяся (22 марта) отступленіемъ Радецкаго изъ Милана. Австрійцы по пути совершили самыя вар-

варскія насилия надъ жителями ветрѣчныхъ сель и деревень и, до-
стигши Мантуи, засѣли въ этой крѣпости. Когда Радецкій отсту-
палъ отъ Милана и оставлялъ, такимъ образомъ, Ломбардію во
власть инсургентовъ, въ Венециі также разразилась революція, вы-
званная тоже извѣстіями изъ Вѣны. Во главѣ движенія сталъ
Даніель Манинъ, игравшій въ Венециі такую же роль популяр-
наго народнаго вождя, какую въ Римѣ игралъ Чичероваккіо. Ав-
стрійскій губернаторъ Пальфи почти не сопротивлялся, австрійцы
бѣжали, выдавши все оружіе инсургентамъ, и въ Венециі была
привозглашена республика, а предсѣдателемъ ея—Манинъ. Папа
Пій IX благословилъ новую республику, какъ только узналъ о ея
существованіи. Тотчасъ же началась выработка конституціи, но
этимъ дѣломъ мало кто интересовался; главнымъ вопросомъ дня
было соединеніе съ Пьямонтомъ, ибо черезъ недѣлю послѣ вене-
ціанской революціи и черезъ двѣ недѣли послѣ изгнанія Радецкаго
изъ Милана, совершилось то, чего тридцать пять лѣтъ боялась
Австрія: Карль-Альбертъ объявилъ австрійскому императору войну,
и пьямонтская армія, перейдя черезъ границу, вторглась въ Лом-
бардію, а тосканскій герцогъ, совсѣмъ перепуганный быстротою
событій, окказалъ Пьямонту помошь, пославши шесть тысячиъ чело-
вѣкъ, ибо въ противномъ случаѣ ему грозили низверженіемъ. Пій IX
прислалъ на мѣсто дѣйствій 12 тысячъ чел., и соединенная армія
нанесла убѣгавшимъ изъ Ломбардіи австрійскимъ гарнизонамъ (въ
апрѣлѣ 1848 г.) одно за другимъ три страшныхъ пораженія, но
мѣсяцъ спустя Радецкій началъ бить итальянцевъ, ко-
торые сопротивлялись съ отчаянною храбростью и снова одержали
надъ нимъ побѣду. Страшная осада Виченцы стоила австрійцамъ
неимовѣрныхъ жертвъ; послѣ многократныхъ отбитій приступовъ,
она была взята Радецкимъ, послѣ чего (въ іюнѣ) вся венецианская
область оказалась въ рукахъ австрійцевъ, кромѣ Венециі, ко-
торая еще держалась. Но съ запада Карль-Альбертъ продолжалъ
наступленіе, и здѣсь кровавыя битвы слѣдовали одна за другою съ
перемѣннымъ успѣхомъ, пока съ 60-тысячной арміей Радецкій не
окружилъ Карла Альберта при Кустоццѣ и не разбилъ его на
голову (25 іюля 1848 г.). Послѣ этого (въ первыхъ числахъ

августа) Карль Альбертъ, видя, что все его предпріятіе не удалось, сдалъ австрійцамъ Миланъ, но когда миланцы бурно противъ этого протестовали, онъ покинулъ городъ. Миланъ опустѣлъ, потому что больше половины его жителей двигались съ арміей короля въ Пьемонтъ, не желая оставаться подъ ненавистнымъ австрійскимъ гнетомъ. Наступали тяжелыя времена; въ Парижѣ послѣ юнскіхъ дней, въ Австріи послѣ взятія возставшей Вѣны Виндишгрецомъ, всюду надвигалась торжествующая реакція. Побѣды Радецкаго повлекли ея наступленіе въ Италии. Папа Пій IX сталъ обнаруживать явные признаки отреченія отъ своихъ прежнихъ либеральныхъ взглядовъ, и уже ясно было, что онъ раскаивается въ помощи, оказанной Пьемонту, и ни за что не будетъ впредь помогать дѣлу національной независимости. Римскій парламентъ былъ вмѣстѣ съ римскимъ народомъ за дальнѣйшую войну съ австрійцами, а папа и его самый вліятельный министръ Rossi стояли за полное ея прекращеніе. 15 ноября Rossi былъ убитъ при громкихъ крикахъ радости стоявшей вокругъ толпы, и послѣ страшныхъ народныхъ волненій папа въ одѣждѣ священника ночью бѣжалъ въ Гаэту, крѣость, находившуюся въ рукахъ неаполитанскаго короля. Нѣсколько недѣль тянулись безплодные переговоры между папою и Римомъ, пока, наконецъ, въ Римѣ, подъ вліяніемъ Гарibalди и другихъ республиканцевъ, не была провозглашена республика (5 февраля 1849 г.). Но эта республика была мертворожденною: общееевропейская реакція погубила ее. Чичероваккіо, взятый въ плѣнъ спустя нѣсколько мѣсяцевъ австрійцами и разстрѣянный вмѣстѣ со своими сыновьями, умиралъ все еще съ надеждою на „свободу Рима“, но эта „свобода“ оказалась эфемерною.

Черезъ нѣсколько дней послѣ провозглашенія республики въ Римѣ, герцогъ Тосканскій Леопольдъ II бѣжалъ изъ Сіенны (21 февраля 1849 г.), и тосканскій парламентъ провозгласилъ Тоскану республикой. Ни Тоскана, ни Римъ не имѣли ровно никакихъ силъ для самозащиты. Они ждали нападенія со стороны Австріи, побѣдоносно расправившейся съ Пьемонтомъ, но опасность пришла вовсе не съ той стороны, съ какой ее ждали. Президентъ французской республики Луи-Наполеонъ Бонапартъ 16 апрѣля потребовалъ довольно неожиданно отъ палаты военныхъ кредитовъ на посылку экспедиціи „въ среднюю

Италію", якобы для противовѣса грозящему преобладанію Австрії на полуостровѣ. Луи-Наполеону хотѣлось возстановить папу на престолѣ, для обеспеченія за собою поддержки католического духовенства и для снисканія себѣ популярности легкою и безопасною экспедиціею. Экспедиція была послана изъ Тулона въ количествѣ 9 тысячъ человѣкъ на нѣсколькихъ военныхъ пароходахъ. Папа, который изъ Гаэты самъ же обращался съ просьбами о помощи къ Франції, Австріи и Неаполю, слѣдилъ съ нѣкоторымъ беспокойствомъ за слишкомъ ужъ поспѣшными дѣйствіями французского правительства. Республикансское правительство въ Римѣ, никакъ не ожидавшее нападенія со стороны французской республики, съ ужасомъ готовилось встрѣтить грозного врага. 25 апрѣля 1849 г. генералъ Удино высадился въ Чивита-Веккія со всею своею арміею. Въ Римѣ сначала думали покориться, но Маццини, принимавшій уже съ марта дѣятельное личное участіе въ римскихъ дѣлахъ, настоялъ, чтобы было оказано сопротивленіе. Римскій парламентъ издалъ прокламацію, въ которой протестовалъ противъ французского вторженія, и велѣно по дорогѣ отъ Рима къ Чивита-Веккія разставить столбы съ плакатами, на которыхъ была начертана 5-я статья дѣйствовавшей тогда *французской* конституціи („Французская республика никогда не посягнетъ на свободу другого народа“). Изъ Чивита-Веккія французы двинулись къ Риму, и послѣ маленькой задержки (въ теченіе которой начали притворные переговоры о мирѣ), получивши подкрепленія, они осадили Римъ и взяли приступомъ предмѣстія. Послѣ этого собраніе сдало городъ, вопреки желанію Маццини продолжить сопротивленіе. Гарибалльди, уже прославившійся своими смѣлыми партизанскими нападеніями на австрійцевъ въ пьемонтскую кампанію, рѣшительно отсовѣтовалъ сопротивляться; 3 іюля собраніе объявило себя распущенными, предварительно вознаградивши всѣхъ жертвъ осады и ихъ родныхъ. Гарибалльди, сопровождаемый нѣсколькими тысячами молодежи, вышелъ изъ города, чтобы идти въ Тоскану, где уже стояли австрійцы. Ему удалось спастись съ немногими спутниками, приставши къ венецианскимъ берегамъ, и уѣхать оттуда (побывавши предварительно въ Тунисѣ) въ южную Америку. Французы водворились въ Римѣ и, уничтоживши республику, возстановили папу

на престолѣ. Когда ихъ экспедиція отправлялась въ Римъ, министры Луи-Наполеона увѣряли палату, что оккупациѣ продолжится не болѣе трехъ мѣсяцевъ; на самомъ же дѣлѣ французы простояли въ Римѣ, охраняя папу и препятствуя полному объединенію Италии около двадцати лѣтъ.

Вскорѣ послѣ Рима пришла очередь и Венеціи, съ осени 1848 г. осажденной австрійцами. Всю зиму городъ геройски оборонялся отъ вдесятеро сильнѣйшаго непріятеля. Диктатура была ввѣренна Манину, который боролся, пока была хоть тѣнь надежды. Весною 1849 года пьемонтская армія снова явилась въ тылу Радецкаго, и надежды Венеціи на снятіе блокады сильно оживились, но въ концѣ марта 1849 г. Карль-Альбертъ потерпѣлъ кровавое пораженіе при Новарѣ, и паденіе Венеціи стало вопросомъ времени. Мужество, энтузіазмъ и отчаяніе народа и его вождя Манина оказались безсильными предъ перевѣсомъ вражескихъ силъ, холерою, бомбардировкою и голодомъ. 22 августа 1849 г. Венеція капитулировала.

Погибло все; конституція въ Неаполѣ была насильственно отмѣнена Фердинандомъ II, едва только пришли извѣстія о Новарѣ, и къ концу 1849 года Италия оказалась такою же раздробленной и порабощенной, какъ была до начала 1848 года. Были, впрочемъ, и нѣкоторыя измѣненія, сыгравшія свою роль въ будущемъ. Эти измѣненія, вошедшия въ итальянскую жизнь въ качествѣ общаго результата кризиса 1848—49 гг., можно раздѣлить на двѣ категоріи. Измѣненія характера материальнаго заключались: 1) въ появленіи французовъ въ Римѣ, въ качествѣ охранителей свѣтской власти папы; 2) въ упроченіи единственной удержанвшейся послѣ реакціи 1849 г. конституціи, именно, пьемонтской. Измѣненія характера моральнаго были еще болѣе важны для будущей исторіи Италии: 1) неаполитанцы окончательно извѣрились въ „король-бомбѣ“ — Фердинандѣ II, который едва почувствовалъ общее ослабленіе революціонныхъ силъ, мгновенно измѣнилъ конституцію и возстановилъ въ полной силѣ всѣ прежнія административныя безобразія и на континентѣ, и на островѣ Сициліи; 2) прогрессивные и націоналистические слои полуострова увидѣли воочію, что либерализмъ Пія IX былъ явленіемъ случайнымъ и скоропреходящимъ, и вспомнили слова

Маккіавелли, что престолъ св. Петра всегда будетъ однимъ изъ главныхъ препятствій къ объединенію Италии; 3) несмотря на побѣды Радецкаго, престижъ австрійского могущества въ ломбардо-венецианской области весьма сильно пошатнулся, вслѣдствіе побѣдъ надъ австрійцами миланскихъ инсургентовъ и Карла-Альберта въ 1848 году, а звѣрская расправа австрійцевъ съ Брешчіей и другими городами, взятыми штурмомъ и до, и послѣ окончательной побѣды при Новарѣ, ожесточили цѣлое поколѣніе такъ, какъ не могли его ожесточить никакія мацциневскія прокламаціи. Гайнау, взявши Брошчію, позволилъ солдатамъ рвать на части маленькихъ дѣтей и швырять ихъ еще теплыми членами въ сражавшихся родителей; солдаты насиловали женщинъ (и низшаго, и высшаго общества), привязавши въ той же комнатѣ къ дверямъ ихъ мужей и отцовъ и т. д. Разгромъ Брошчіи, вообще, является чѣмъ-то совсѣмъ изъ риду вонъ выходящимъ, небывалымъ даже въ кровавыя времена XIII—XIV вв. Подобные подвиги создали совершенно непримириимую ненависть къ Австріи даже въ средѣ умбренныхъ, прежде требовавшихъ лишь конституції; 4) Маццини, а особенно, Гарibalди, ведшій въ 1848—49 гг. въ разныхъ мѣстахъ партизансскую войну съ австрійцами, сдѣлались народными героями, эмблемами итальянского единства, и ихъ рѣзкіе крайніе взгляды стали необыкновенно популярными въ тѣхъ слояхъ населенія, которые раньше и не слыхали ихъ имёнъ. 5) Вообще, національное самосознаніе чрезвычайно расширилось въ народѣ, благодаря потрясеніямъ и войнѣ съ Австріей, и даже Сицилія, говорящая на языкахъ, почти непонятномъ остальнымъ итальянцамъ, пріобщилась къ общенаціональнымъ тенденціямъ. 6) Конституціонный и сражавшійся до послѣдней возможности съ австрійцами Пьемонтъ сдѣлался общепризнаннымъ и желаннымъ центромъ всѣхъ мечтаній объ единству; послѣ 1849 года объединеніе Италии почти и не представляли себѣ иначе, нежели въ формѣ присоединенія всѣхъ государствъ королевства къ Пьемонту.

Съ такимъ то моральнымъ багажемъ Италия вышла изъ кризиса 1847—48—49 гг., и основныя черты этихъ настроеній и тенденцій обнаружились вновь, и съ чрезвычайной на этотъ разъ спо-

лой, черезъ какихъ нибудь 8—9 лѣтъ послѣ торжества реакціи 1849 года. И Меттернихъ, и „брещціанская гіена“ Гайнау, и сподвижники Фердинанда Неаполитанскаго, и раскаявшійся прогрессистъ Пій IX,—всѣ они дожили до полнаго крушенія на практикѣ принциповъ своей итальянской политики. Если реакція послѣ 1849 г. для Италіи оказалась наиболѣе непродолжительной и наименѣе удушливой, то одною изъ главныхъ причинъ этого нужно искать въ существованіи независимаго, сильнаго и, сравнительно, свободнаго Пьямонта, твердо рѣшившагося бороться за объединеніе Италіи, и въ умѣніи первого государственного человѣка этого королевства соединить вокругъ пьямонтской политики, и умѣренныхъ, и крайнихъ националистовъ, и прогрессистовъ полуострова. Кавуръ является живымъ звеномъ, соединяющимъ первые годы реакціи съ началомъ освобожденія Италіи.

II.

Викторъ-Эммануилъ и Кавуръ занимаютъ въ исторіи Пьямонта безспорно, главное, центральное мѣсто, а въ исторіи итальянской націи одно изъ важнѣйшихъ. Викторъ-Эммануилъ сталъ сардинскимъ королемъ въ отчаянныій для его государства моментѣ: въ тотъ вечеръ, когда послѣ пораженія при Новарѣ, среди испуганной и измученной арміи бѣглецовъ, несчастный Карлъ-Альбертъ заявилъ, что онъ не подпишетъ мира съ Австріей, а такъ какъ не заключить мира съ нею, по обстоятельствамъ, нельзя, то онъ отказывается отъ престола. Начавши правленіе въ злополучнѣйшій, бѣдственный мѣментъ исторіи своего маленькаго королевства, Викторъ-Эммануилъ сошелъ въ могилу государемъ объединенной Италіи. Много историческихъ обстоятельствъ сложились для него счастливо, но и онъ не мало способствовалъ тому, что Пьямонтъ извлѣкъ изъ благопріятныхъ историческихъ условій все, что было возможно. Это былъ человѣкъ характера спокойнаго, энергичнаго, довольно рѣшительнаго, весьма неглупый, въ мѣру осторожный, нетрусливый и умѣвшій, когда пришло время, отстраниться и не мѣшать тому замѣчательному государственному дѣятелю, котораго онъ же и выдви-

нуль. Графу Кавуру было сорокъ лѣтъ, когда, вскорѣ по вступлениі на престолъ, Викторъ-Эммануилъ далъ ему портфель министра въ кабинетѣ д'Азельо. Кавуръ до этого успѣлъ обратить на себя вниманіе только въ качествѣ яраго противника папскихъ прерогативъ, что высказалось больше всего въ преніяхъ туринскаго парламента о юрисдикціи духовенства. Аристократъ по рожденію, либераль и конституціоналистъ по общимъ политическимъ воззрѣніямъ, приверженецъ идеи итальянскаго единства, наконецъ, ревнивый сторонникъ государственного могущества Сардинскаго (Пьямонтскаго) королевства, Кавуръ, благодаря своимъ ораторскимъ и административнымъ способностямъ и дипломатическому такту, весьма скоро очутился во главѣ прогрессистовъ Пьямонта и явно къ нимъ тяготѣвшихъ передовыхъ людей ломбардо-венецианской области.

За время гнетущей общечтальянской реакціи 50-хъ гг. Кавуръ успѣлъ сдѣлать два дѣла, подготовившія и облегчившія въ близкомъ будущемъ успѣхъ Пьямонта: во-первыхъ онъ успѣлъ убѣдить туринскій парламентъ ассигновать самые большиѳ кредиты на реорганизацію и усиленіе пьямонтской арміи; во-вторыхъ, онъ не только весьма запальчиво и неуступчиво боролся съ Піемъ IX и его притязаніями, но и старался всеми мѣрами раздувать эту борьбу и вражду, чтобы подчеркнуть въ глазахъ всѣхъ передовыхъ людей и националистовъ Италии вполнѣшую свою независимость отъ папы, и сдѣлать, такъ сказать, Пьямонтъ признаннымъ представителемъ либерализма на полуостровѣ. Вѣрный политический инстинктъ говорилъ ему, что именно такого рода поведеніе закрѣпить за пьямонтскими престоломъ репутацію, которую заработалъ ему Карль-Альбертъ, сражаясь съ австрійцами за независимость Ломбардіи и Венеціи. Мысль о новой войнѣ съ Австріей не покидала Кавура; можно сказать, что вся его политическая жизнь была однимъ долгимъ приготовленіемъ къ войнѣ съ Австріей, безъ которой объединеніе Италии состояться не могло никакъ. Благодаря правильнымъ рекрутскимъ наборамъ, внимательному отношению къ быту и устройству арміи, Пьямонтъ былъ въ эти наиболѣе опасные первые годы послѣ новарскаго пораженія вполнѣ обеспеченъ отъ австрійского нашествія. Государственный долгъ, возросшій, благодаря войнѣ

1848—1849 гг., въ огромной степени, тяжело ложился на небогатой и непромышленной странѣ, и все расходы приходилось сильно сокращать, но на армію ни Викторъ-Эммануиль, ни его министръ, ни, подъ ихъ вліяніемъ, туринскій парламентъ не жалѣли ничего. Но вотъ, грянула Крымская война, и Кавуръ не замедлилъ перейти отъ оборонительныхъ дѣйствій къ наступательнымъ: у него возникла идея присоединиться къ союзу противъ Россіи, чтобы обеспечить за Пьемонтомъ поддержку Наполеона III противъ Австріи, главное, чтобы имѣть предлогъ на будущемъ мирномъ конгрессѣ заявить, въ качествѣ равноправнаго представителя одной изъ воевавшихъ державъ, о невыносимомъ положеніи Италии. Пятнадцатитысячный отрядъ весною 1855 года высадился въ Крыму, где и страдалъ отъ холеры и русскихъ ядеръ, вплоть до штурма Малахова кургана, положившаго войнѣ конецъ. Многіе смотрѣли (и смотрѣть до сихъ поръ) на это съ виду нелѣпое вмѣшательство Пьемонта въ совсѣмъ не касавшіяся его дѣла, какъ на безцѣльную и кровопролитную авантюру Кавура, не имѣвшую смысла; другіе склонны придавать этому предприятію характеръ гениально-прозорливаго дѣйствія, обусловившаго столь нужную Пьемонту дружбу французскаго императора. Такъ или иначе, но на парижскій конгрессъ Кавуръ поѣхалъ, и даже еще до открытия конгресса настоялъ на поѣздкѣ молодого короля въ Парижъ и Лондонъ. Францъ-Іосифъ ни за что не хотѣлъ, чтобы Кавура допустили на конгрессъ, но воля Наполеона III превозмогла все. На конгрессѣ все участники были на его сторонѣ, поскольку, вообще, обращали вниманіе на его заявленія. Онъ не побоялся прямо подчеркнуть, что Фердинандъ II въ Неаполѣ, Пій IX въ Римѣ, австрійцы въ Ломбардіи и Венециѣ такъ угнетаютъ свои страны, что Пьемонтъ, опасаясь развитія революціонныхъ элементовъ на полуостровѣ и прямыхъ посагательствъ Австріи, принужденъ будетъ, рано или поздно, дойти до самыхъ крайнихъ решеній. Все эти туманныя на видъ фразы, въ дѣйствительности, обозначали угрозу войною. Завѣтною мечтою Кавура сдѣгалось заключеніе наступательного союза съ Франціей противъ Австріи. Онъ совсѣмъ не надѣялся на силы прогрессивныхъ партій полуострова, какъ на единственную помощь: боязнь снова

пережить новарские дни угнетала его. Велико было счастье пьемонтского министра, когда онъ замѣтилъ, что и Наполеонъ III, съ своей стороны, съ довольно большею готовностью и снисходительностью преклоняется слухъ къ его просьбамъ о союзѣ. Дѣло въ томъ, что Наполеону, во-первыхъ, уже нужна была послѣ крымскихъ лавровъ новая война— для упроченія своей популярности во Франціи; во-вторыхъ, онъ имѣлъ как-какіе виды на приращеніе со стороны юго-восточной границы своихъ владѣній насчетъ Пьемонта; въ-третьихъ, наконецъ, были извѣстныя чисто-психическія причины, заставлявшія императора думать о содѣйствіи планамъ Кавура: въ прежнія времена, во времена своей молодости и скитальчества, Наполеонъ принадлежалъ къ кружкамъ, мечтавшимъ объ объединеніи Италии (онъ и провелъ тамъ много времени); потомъ все измѣнилось, его товарищи по молодымъ мечтамъ и разговорамъ пошли— кто на эшафотъ, кто въ каторгу, кто въ римскія, неаполитанскія и австрійскія тюрмы, кто обратился къ обыденному существованію, а его судьба привела къ одному изъ могущественнѣйшихъ троновъ въ Европѣ. Ставши главою Франціи, Наполеонъ дѣятельно поддержалъ папу во время борьбы его съ эфемерною Римскою республикою и заслужилъ себѣ страшную ненависть бывшихъ своихъ итальянскихъ единомышленниковъ. Въ свѣтской власти папы и, слѣдовательно, въ поддерживавшемъ ее своимъ гарнизономъ французскомъ императорѣ, прогрессисты и, въ особенности, приверженцы Мацдини начинали видѣть главное препятствіе къ осуществленію своихъ плановъ. Слѣдуетъ замѣтить, что чѣмъ больше восходила звѣзда Виктора-Эммануила и Кавура, тѣмъ рѣже становились ряды приверженцевъ республиканца Мацдини. Онъ жилъ въ Лондонѣ, безпрерывно заводя новые и новые конспиративные кружки, но слишкомъ очевидно было, что старѣвшій уже эмигрантъ пережилъ свои лучшіе дни, что „Молодая Италия“ должна вскорѣ слиться съ ненавистными ему „умѣренными“, сторонниками политики Кавура и пьемонтской монархіи. Въ это то критическое время, 14 января 1858 года, и разразилось въ Парижѣ покушеніе графа Орсіни на жизнь Наполеона III, при помощи подброшенныхъ подъ карету разрывныхъ бомбъ. Бомбы не достигли своей цѣли, а Орсіни былъ

казненъ, спустя нѣсколько мѣсяцівъ. Предъ казнью онъ написалъ письмо къ Наполеону III, въ которомъ умолялъ его, изъ препятствія къ единству Италии, сдѣлаться главнымъ двигателемъ объединенія. Покушеніе Орсини произвело до неожиданности сильное впечатлѣніе на французскаго императора, и впечатлѣніе, благопріятное для идеи объединенія (чemu многіе тогда удивлялись). А такъ какъ Наполеонъ и безъ того искалъ послѣ Севастополя предлога къ какой-нибудь новой войнѣ, то комбинація войны съ Австріей сложилась въ его умѣ въ теченіе 1858 года окончательно. Для него эта война была капризомъ, авантюрою, но для Италии она сыграла огромную роль. Прежде всѣхъ это благопріятное предрасположеніе французскаго императора было оценено Кавуromъ, который съ восторгомъ ухватился за представлявшуюся политическія комбинація. Въ концѣ іюля 1858 г. состоялось свиданіе Кавура съ Наполеономъ III въ Пломбьерѣ. Это свиданіе было окружено глубочайшой таинственностью, и только послѣдовавшая за нимъ событія обнаружили отчасти общій характеръ переговоровъ. Тѣмъ не менѣе, съ осени 1858 года Австрія въ необычайной степени усилила свои гарнизоны въ ломбардо-венетіанской области; не скрывая своихъ опасеній, она ждала нападенія со стороны Виктора-Эммануила. Окончательно выяснилась вся степень напряженности положенія только лишь 1 января 1859 года, когда Наполеонъ III, принимая у себя во дворцѣ дипломатический корпусъ, явившійся съ новогодними поздравленіями, вдругъ подошелъ къ барону Гюбнеру, австрійскому послу, и сказалъ ему: „я сожалѣю, что отношенія нашихъ правительствъ не такъ хороши, какъ были раньше; передайте императору, что личные мои чувства къ нему остаются неизмѣнными“. Послѣ этого происшествія Европа уже знала определенно, что въ будущей войнѣ Пьемонта съ Австріей, на сторонѣ Пьемонта будетъ находиться Франція. Въ Италии оживленіе было страшно: папа, неаполитанскій король, герцоги тосканскій, моденскій, Парма, Лукка—всѣ вооружились и готовились оказать отпоръ пьемонтскимъ притязаніямъ, ибо всѣ они не сомнѣвались, что война съ Австріей повлечетъ за собою объединеніе Италии; а что австрійцы будутъ разбиты двумя союзниками, въ этомъ также никто не сомнѣвался. Вскорѣ послѣ новогодняго инцидента была отпразднована

свадьба дочери Виктора-Эммануила съ двоюроднымъ братомъ Наполеона III; эта свадьба также получила, въ виду общей тревоги, значеніе и разыѣры политической манифестаціи. Лихорадочно сѣща, Кавуръ оканчивалъ вооруженіе войскъ и устройство интенданской части. И было время: 23 апрѣля 1859 г. Австрія поставила Піемонту ультиматумъ—либо совершенно разоружиться въ трехдневный срокъ, либо готовиться къ вторженію австрійскихъ войскъ. Началась война,—и въ первые же дни ся Наполеонъ III съ огромнымъ корпусомъ высадился въ Генуѣ, объявивши себя предварительно на сторонѣ Піемонта; спустя еще нѣсколько дней, другая французская армія, перейдя черезъ Альпы, явилась на мѣсто дѣйствій. Послѣ ряда стычекъ въ теченіе мая франко-итальянская армія, подъ личнымъ начальствомъ Наполеона III, напала на австрійцевъ, стоявшихъ у деревни Мадженты (недалеко отъ рѣки Тичино); послѣ кровавой и отчаянной битвы, французы побѣдили, и тотчасъ же Наполеонъ и Викторъ-Эммануилъ вошли въ Миланъ. Три недѣли послѣ пораженія отступали австрійцы къ востоку, съ каждымъ шагомъ теряя страну, къ которую уже больше не возвратились. 24 июня произошла вторая и послѣдняя огромная битва при Сольферино. Послѣ Бородина, Эйлау и еще очень немногихъ другихъ сраженій временъ Наполеона I, Сольферинская битва считается самою кровавою въ исторіи. Австрійцы опять были побѣждены, но дальнѣйшихъ сраженій не послѣдовало: обезпокоенный большими потерями, боясь Пруссіи на восточной своей границѣ, получившій уже отъ войны все, ради чего онъ ее затѣялъ, т. е. славу побѣдителя, Наполеонъ III, къ полнѣйшому изумленію Европы и негодованію Италии, не спрашивая даже Виктора-Эммануила, заключилъ съ Францемъ-Іосифомъ миръ (въ Виллафранкѣ). По этому миру, Францъ-Іосифъ уступилъ Наполеону III Ломбардію, за исключеніемъ крѣпостей Пескіеры и Мантуи, а Венеція оставалась за Австріей (Ломбардію же Наполеонъ III отдалъ піемонтскому королю). Въ другихъ статьяхъ договора весьма неопределенно говорилось о томъ, что оба императора будутъ „способствовать созданію итальянской федераціи“, и что они же „побудятъ“ папу ввести у себя реформы строя. Неожиданное извѣстіе о мирѣ вызвало пароксизмъ бѣшенства въ Кавурѣ, который

тотчасъ подаль въ отставку. Викторъ-Эммануилъ также былъ этимъ потрясенъ до глубины души. Когда французы уходили изъ полуострова домой, ихъ провожали, какъ закланныхъ враговъ. Всѣ жертвы, принесенные французами на поляхъ битвъ, были забыты; ихъ и, въ особенности, императора Наполеона сравнивали съ Гудою и т. д.

Italia fara da se, Италия создастся своими усилиями, говоривъ еще Карлъ-Альбертъ. Надежда на Наполеона III теперь исчезла и, действительно, Кавуру оставалось собственными силами доканчивать начатое. Только въ первые дни 1860 г. вернулся онъ къ дѣятельности изъ своей административной отставки. Народное движение въ Тосканѣ, Пармѣ, Моденѣ, Романѣ (принадлежавшей папѣ) привело къ тому, что фраза въ виллафранкскомъ договорѣ обѣ итальянской Федерации не осталась пустымъ звукомъ: во всѣхъ этихъ областяхъ произошло весною 1860 г. всенародное голосование, огромнымъ большинствомъ присоединившее ихъ къ Пьямонту. Кавуръ былъ доволенъ, хотя этотъ успѣхъ не прошелъ даромъ: Наполеонъ III потребовалъ предварительно уступки въ пользу Франціи двухъ исконныхъ его западныхъ областей—Савои и Ниццы. Пришлось уступить, ибо этою цѣнною достигалось безпрепятственное присоединеніе къ Пьямонту всѣхъ государствъ средней Италии. Тотчасъ по присоединеніи Тосканы, Пармы, Модены, Романы и Лукки, въ томъ же мартѣ 1860 г. былъ созванъ первый „итальянскій“ парламентъ, который и ратификовалъ, благодаря настояніямъ Кавура, уступку Савои и Ниццы французскому императору.

Но этому году не суждено было закончиться событиями на сѣверѣ. Черезъ два мѣсяца послѣ всенародного голосования средней Италии Гарибальди, побуждаемый просьбами друзей и собственными влечениями, отплылъ съ 1200 добровольцевъ, тайкомъ, на двухъ зафрахтованныхъ пароходахъ изъ Генуи въ Сицилію. Ненавистнаго тирана Фердинанда II въ живыхъ уже не было, но сынъ его молодой Францискъ II ничуть не былъ лучше отца. Старая вѣра въ насилия, тюрьмы, висѣлицы, іезуитовъ, въ народное невѣжество и его полезныя для Бурбоновъ стороны, старыя привычки угнетать, давить и душить, сколько хватить мочи, вѣра въ безнаказанность произвола—все это въ Францискѣ было столь же характерно и ярко

выражено, какъ въ его отцѣ. Но движение въ Неаполѣ вовсе не замерло въ теченіе реакціи 50-хъ гг., несмотря на то, что именно въ Неаполѣ эта реакція свирѣпствовала хуже, чѣмъ гдѣ —либо на полуостровѣ. Послѣднія события, не скрываемыя намѣренія Кавура, война Пьемонта съ Австріей, присоединеніе Ломбардіи, а затѣмъ всей средней Италии къ Пьемонту, давно уже беспокоили двухъ оставшихся до поры до времени независимыхъ оть Пьемонта государей: Франциска и Пія IX. Но Францискъ до послѣдней минуты надѣялся, что Кавуръ не посмѣть учинить открытое нападеніе на Неаполь, далеко оть Пьемонта лежащій. О народномъ же движении, представителемъ которого былъ Гарибальди, Францискъ не думалъ, какъ о силѣ серьезной, съ которой слѣдуетъ считаться. Каковы же были его негодованіе и смятеніе, когда съ быстротою молниі по королевству распространялось извѣстіе, что Гарибальди со своими волонтерами высадился въ Сициліи и прямо идетъ на Палермо. Негодованіе смѣнилось ужасомъ, когда король узналъ, что всюду народъ стекается къ Гарибальди, что отрядъ его растетъ, какъ снежный комъ, пущенный съ горы, и, наконецъ, что 22 мая, послѣ ожесточенной битвы, Гарибальди отнялъ Палермо у королевскаго генерала Ланци. Францискъ бросился за советами и помощью къ Наполеону III, но тотъ направилъ его послана въ Туринъ, а Кавуръ пока официально уже поздравилъ палермского побѣдителя. Въ королевствѣ царilo страшное возбужденіе; цѣлые округи одинъ за другимъ либо прямо переходили на сторону Гарибальди, либо отказывались повиноваться королю. Войска Гарибальди увеличивались изумительно быстро притокомъ новыхъ и новыхъ волонтерскихъ силъ изо всѣхъ мѣстностей полуострова и присоединеніемъ всего острова Сициліи. Въ концѣ юля Гарибальди овладѣлъ Мессиной; вся Сицилія была въ его рукахъ. Успѣхи Гарибальди ошеломили всѣ европейскіе дворы, а Францискъ, мгновенно обратившійся въ либерала, далъ остатку своихъ владѣній конституцію, которой никто, конечно, не вѣрилъ и не интересовался: всѣ ждали переправы Гарибальди на материкъ черезъ Мессинскій проливъ. Туринскій дворъ (особенно Кавуръ) съ нескрываемою радостью слѣдилъ за тѣмъ, какъ Гарибальди легко распутываетъ оружіемъ сложнѣйшю

задачу, никакъ неразрѣшимую дипломатическимъ путемъ: отнять у присмирѣвшаго и, потому, скромно державшагося тирана большое и далекое отъ Пьемонта королевство, чтобы присоединить его къ Пьемонту во имя объединенія націи. Впрочемъ, наружно Викторъ-Эммануилъ откращивался отъ сообщничества съ „революционеромъ“ Гарибальди, хотя ни для кого не было тайною, какъ горячо пьемонтскій король желаетъ ему побѣды.

8-го августа совершилось то, чего больше всего на свѣтѣ страшился Францискъ: началась переправа инсургентовъ съ острова на материкъ. Въ двадцатыхъ числахъ августа, на четвертый день послѣ окончанія переправы (Гарибальди послѣднимъ высадился на материкъ), городъ Реджіо послѣ жаркаго сопротивленія попалъ въ руки завоевателя; войска отказывались повиноваться королю и толпами переходили въ лагерь Гарибальди. Францискъ II, убѣлившись, что дарованіе конституції ничуть не привлекло къ нему сердцеъ населенія, видя, что волонтеры уже вступаютъ въ столицу и съ сухого пути, и съ моря, и что никто имъ не желаетъ противиться, слыша близъ своего дворца крики: „да здравствуетъ Викторъ-Эммануилъ, король Италии“, — 6-го сентября 1860 г. бѣжалъ изъ Неаполя въ Капую, именно, въ крѣпость Гаэту, гдѣ и заперся. Черезъ два дня Гарибальди, сопровождаемый криками восторга и окруженный тысячами ликующихъ людей, вѣхалъ въ столицу. Тотчасъ же онъ сталъ издавать декреты, въ качествѣ диктатора, дѣйствующаго временно отъ имени итальянскаго короля Виктора-Эммануила, и эти декреты безпрекословно исполнялись населеніемъ, счастливымъ, что избавилось, наконецъ, отъ Бурбоновъ. Но недолго засидѣвшись въ Неаполѣ, Гарибальди двинулся за бѣжавшимъ королемъ и остатками его войскъ. Съ Францискомъ пришлось выдержать двѣ довольно упорныхъ битвы, причемъ во второй Гарибальди едва не былъ убитъ. Послѣ этихъ битвъ дѣло Франциска было окончательно проиграно, и пьемонтское правительство рѣшило, наконецъ, вмѣшаться въ дѣло уже совершенно открыто: войска Виктора-Эммануила вторглись въ Папскую область, чтобы ити на соединеніе съ Гарибальди. Виктору-Эммануилу пришлось прорваться сквозь линію папскихъ войскъ, защищавшихъ неприкосно-

венность Церковной области, и большая часть папскихъ владѣній (кромѣ Рима и прилегающихъ окрестовъ) попала въ руки пьемонтскаго короля, который двинулся дальше на югъ, и съ огромною арміей явился (въ октябрѣ 1860 г.) въ Неаполь. Здѣсь его встрѣтили уже, какъ признаннаго итальянскаго короля. Войны уже не было, послѣднее сопротивленіе Франциска было сломлено окончательно, и онъ сдался на капитуляцію пьемонтскому генералу Чіальдини. Буроны навсегда перестали царствовать. 2-го іюня 1861 г. во всей объединенной Италии (кромѣ Рима, остававшагося въ рукахъ Пія IX и Венеціи, бывшей еще во власти Австріи) отпразднованъ былъ съ самыи бурными энтузіазмомъ „праздникъ единства“ Чрезъ четыре дня послѣ этого праздника неожиданно умеръ Кавуръ, проболѣвшій очень недолго. Онъ умеръ наверху славы и популярности. Вмѣстѣ съ Гарибальди и Викторомъ-Эмануиломъ его имя было, такъ сказать эмблемою итальянского единства, и смерть его произвела огромное впечатлѣніе. Упорно держались (совершенно неосновательные) слухи, что его отравили іезуиты: нужно сказать, что подъ вліяніемъ бывшаго „прогрессиста“ Пія IX духовенство дѣлало все отъ него зависящее, чтобы помѣшать объединенію Италии, и эти слухи оттого такъ и держались, что казались вѣроятными. Еще до смерти Кавура во Флоренціи собрался общентальянскій парламентъ (уже съ депутатами и отъ бывшаго неаполитанскаго королевства), и тутъ впервые торжественно и официально Викторъ-Эмануиль II обмѣнилъ титулъ пьемонтскаго короля на титулъ короля Италии.

Мечты націоналистовъ, стоявшія столькихъ жертвъ, посыпавшія на эшафотъ, въ застѣнки и подземелья благороднѣйшихъ людей Италии въ теченіе всей первой половины XIX вѣка, сбылись почти всесѣло. Оставалось только отнять Венецію у Австріи и Римъ у папы Пія IX. Всѣ державы Европы безъ всякихъ отлагательствъ признали новое итальянское королевство. Преемники Кавура (Риказоли, а затѣмъ Ратацци) не скрывали, что имъ представляется совершенно необходимымъ для блага націи завоеваніе Рима, и Гарибальди опять выступилъ на сцену. Онъ представлялся воображенію низшихъ слоевъ полубогомъ, одареннымъ сверхъесте-

ственной силой: быстрый и изумительный его успехъ въ Сициліи и Неаполѣ казался многимъ чудомъ. Народный герой самою своею личностью популяризоваль идею объединенія Италии среди даже наименѣе развитыхъ круговъ народа. Правительство Виктора-Эммануила не осмѣливалось взять на себя инициативы борьбы съ Римомъ, и всѣ были убѣждены, что снова Гарибальди окажется необходимымъ застѣльщикомъ. Гарибальди, дѣйствительно, появился въ Сициліи въ іюлѣ (1862 г.), и оттуда отправился въ Неаполь, но едва слухи о затѣваемой имъ экспедиціи въ Римъ распространились въ Европѣ, какъ Наполеонъ III устроилъ римскій гарнизонъ, объявиль, что будетъ всѣми силами защищать Пія IX, и что, если Піемонтъ подастъ хоть какую — нибудь помошь Гарибальди, онъ велить французской арміи вторгнуться въ Піемонтъ. Эти замаскированные, но слишкомъ понятныя, угрозы измѣнили положеніе дѣль. Викторъ-Эммануилъ въ печатной прокламациіи объявиль мятежниками всѣхъ, кто пойдетъ за возваніями, не подписанными королемъ[“]. Когда Гарибальди явился въ неаполитанской области, правительственные піемонтскія войска окружили его. Здѣсь произошло дѣло, о которомъ, какъ говорять, Викторъ-Эммануилъ не могъ до конца жизни вспоминать безъ стыда: возникла перестрѣлка, въ которой былъ раненъ Гарибальди, — и раненъ солдатомъ короля, получившаго отъ Гарибальди половину Италии! Раненаго Гарибальди (въ качествѣ военноплѣнного) перенесли съ холмовъ Аспромонте, где произошла перестрѣлка, въ лагерь генерала Чіальдини, который всячески ухаживалъ за своимъ плѣнникомъ. Викторъ-Эммануилъ возбудилъ противъ себя страшно всю примолкшую было республиканскую партію, какъ этимъ столкновеніемъ при Аспромонте, такъ и „амністіей“, „помилованіемъ“ мятежника Гарибальди и отпущеніемъ его, спустя нѣсколько времени, изъ плѣна. Все это было продѣлано изъ страха предъ Наполеономъ III, но популярность короля итальянскаго была до нѣкоторой степени подорвана. 15 сентября 1864 года между итальянскимъ и французскимъ правительствами состоялась конвенція, по которой Наполеонъ III обязывался отозвать свои войска изъ Рима, а Викторъ-Эммануилъ „съ почтеніемъ относиться“ къ владѣніямъ св. отца. И то, и другое осталось, ко-

нечно, мертвою буквою; хотя Наполеонъ III и вывелъ войска, но держалъ ихъ на-готовѣ, въ случаѣ нужды. Парламентъ опредѣлилъ перенести столицу изъ Туринъ во Флоренцію (что весьма сильно обидѣло туринцевъ, жителей древней столицы савойскаго дома). Но Флоренція, какъ никто изъ правительствующихъ лицъ ни скрывалъ, была и разсматривалась лишь, какъ временная станція, „этапъ“ предъ Римомъ. Однако папа Пій IX твердо рѣшилъ не сдаваться. Французы еще стояли въ Римѣ, войны съ итальянскимъ королевствомъ у Рима не было, и папа показалъ, обнародовавши (въ концѣ 1864 г.) энциклику „Силлабусъ“, что онъ думаетъ не столько о защищѣ, сколько о наступленіи, и что врагомъ своимъ (и это дѣлаетъ честь его уму и проницательности) онъ признаетъ не однихъ только объединителей Италии, но весь научный и освободительный духъ XIX вѣка. Въ этой энциклике папа предаетъ анаемѣ всѣ научныя открытия, всѣ ученія политическія и соціальные (начиная съ вѣротерпимости), которая хоть нѣмнаго расходится съ основами средневѣковаго папизма. Эта энциклика произвела довольно сильное и странное впечатлѣніе именно контрастомъ между горделивымъ, судейскимъ тономъ изъясненій папства и его, поистинѣ, критическимъ положеніемъ въ виду близкаго и грознаго врага, временно лишь остановившагося предъ остатками Церковной области. Замѣчательно, что со времени стычки съ Гарибальди у Аспромонте, итальянское правительство не переставало думать именно о Римѣ, а о Венеціи, пока, заботилось мало, между тѣмъ судьба разрѣшила сначала именно венеціанскій, но не римскій вопросъ. Въ Венеціи, оставленной виллафранкскимъ договоромъ въ рукахъ австрійцевъ, вся жизнь носила тревожный, не установившійся характеръ: населеніе смотрѣло на существующій порядокъ, какъ на переходной, и даже австрійскія власти уже не такъ рьяно, какъ прежде, преслѣдовали демонстративныхъ выраженій сочувствія къ Виктору-Эммануилу. Но, тѣмъ не менѣе, всѣ понимали, что Францъ-Іосифъ не отдастъ Венеціи безъ самой страшной борьбы. Обстоятельства изумительно помогли Италии. Въ 1866 г., по поводу дѣлежа Шлезвига и Гольштиніи, началась обостренная дипломатическая переписка между Пруссіей и Австріей, и, одновременно, Викторъ-Эммануилъ предложилъ союзъ Бисмарку,

на что тотъ, разумѣется, съ величайшою готовностью согласился. Въ юнѣ 1866 г. прусская армія вторглась въ Австрію, и тогда же армія Виктора-Эммануила, перейдя черезъ Минчіо, столкнулась у Кустоццы съ австрійцами. Послѣ жаркой битвы итальянцы отступили съ большими потерями; впрочемъ, у австрійцевъ потери были еще значительнѣе. Но черезъ сорокъ часовъ послѣ этого сраженія на богемскомъ, главномъ театрѣ войны, разыгралась рѣшительная битва при Садовой, гдѣ армія Мольтке разгромила австрійцевъ. Тогда Францъ-Іосифъ, очутившись между двухъ огней, поспѣшилъ обратиться къ посредничеству Наполеона III, чтобы съ одной стороны, прекратить войну на итальянскомъ театрѣ, а съ другой—не мириться непосредственно съ ненавистнымъ итальянскимъ королевствомъ. Онъ „уступилъ“ венеціанскую область Наполеону III, который и передалъ ее Виктору-Эммануилу. Но итальянское правительство уже не желало на этомъ мириться: итальянскій флотъ попытался сдѣлать десантъ въ область Триеста, который Италия считала своимъ. Однако, это не удалось: австрійскій флотъ разбилъ итальянскую флотилію на-голову, и смѣлый планъ не удался. Но зато ужъ Венеція навсегда осталась за Италией: Францъ-Іосифъ подтвердилъ это мирнымъ договоромъ, подписаннымъ 3 октября 1866 г. въ Вѣнѣ.

Итакъ, оставалось захватить Римъ. Но это и теперь, послѣ присоединенія Венеціи, казалось дѣломъ слишкомъ труднымъ: французское правительство по-прежнему охраняло папскую столицу. Лѣтомъ 1867 г. Гарибальди снова затѣялъ идти въ Римъ. Правительство перепугалось, разогнало его волонтеровъ, а самого Гарибальди заключило въ тюрьму, и оттуда уже отправило его на островъ Капреру. Но Гарибальди скрылся съ Капреры, явился въ Тоскану и оттуда съ отрядомъ добровольцевъ вторгся въ папскую область. По соглашенію 15 сентября 1864 г. французскій гарнизонъ уже не стоялъ въ Римѣ, но при первыхъ же опредѣленныхъ слухахъ о предприятіи Гарибальди французская армія отплыла изъ Тулона въ Чивиту Веккію. Первыя дѣйствія Гарибальди до прибытія французовъ были очень удачны, и онъ совершенно, вѣвъ всякаго сомнѣнія, овладѣлъ бы Римомъ, если бы французская армія, вооруженная не-

виданными Гарибальди новыми ружьями шассю, не разрушила всѣхъ его надеждъ. При Ментанѣ Гарибальди былъ разбитъ и удалился, а французы частью вернулись въ Тулонъ, частью же остались въ Чивитѣ Веккіи. При всемъ озлобленіи противъ французовъ, подданые Виктора-Эммануила не могли нарушить строгаго нейтралитета своего правительства: война съ Франціей на два фронта была не подъ силу молодому, и уже обремененному огромными долгами, королевству. Католическій міръ торжествовалъ, но это торжество оказалось весьма непродолжительнымъ: свѣтская власть папы цѣликомъ держалась на капризѣ Наполеона III и на его могуществѣ; стоило измѣниться капризу или пошатнуться могуществу — и Римъ мгновенно попалъ бы въ руки итальянскаго короля. Въ іюль 1870 года Пій IX былъ на соборѣ епископовъ объявленъ непогрѣшимымъ въ толкованіи вопросовъ вѣры, и столь же непогрѣшими были объявлены всѣ вообще папы въ будущемъ, а спустя десять дней послѣ этого католического торжества вспыхнула война между Пруссіей и Франціей. Викторъ-Эммануиль предлагалъ заблаговременно Франції союзъ въ обмѣнъ на Римъ, но Наполеонъ III тянулъ, медлилъ и былъ разбитъ раньше, нежели на этотъ союзъ рѣшился. 12 августа 1870 г. гарнизонъ, стоявшій съ 1867 г. въ Чивитѣ Веккіи, отправился во Францію. Тотчасъ вслѣдъ затѣмъ начались страшныя пораженія французовъ, осада и капитуляція Седана — и французская имперія пала. Путь въ Римъ былъ расчищенъ. Викторъ-Эммануиль嘗тался мирно уладить дѣло съ папою, но Пій IX не захотѣлъ даже вступать съ „узурпаторомъ“ въ переговоры. Въ Римѣ уже начиналось народное движеніе, которое только потому не возгорѣлось въ открытый бунтъ противъ папы, что 12 сентября къ Риму подошла итальянская армія. Ворота открыты не были, но ихъ разрушили ядрами, а затѣмъ безъ всякаго сопротивленія армія про никла въ городъ. „Я торжественно протестую противъ насилия“, сказалъ Пій IX, прощаюсь въ послѣдній разъ съ акредитованными при немъ, какъ при свѣтскомъ государѣ, посланниками. Вслѣдъ за арміей въ Римъ явился и Викторъ-Эммануиль. Объединеніе Италии завершилось, и Римъ сдѣлался столицею объединеннаго королевства.

Задача наша, состоявшая въ краткомъ изложеніи судѣй Италии

отъ паденія западной Римской имперіи до объединенія въ XIX вѣкѣ, окончена. Размеры работы не позволяютъ намъ коснуться послѣднихъ лѣтъ итальянской исторіи; впрочемъ, здѣсь еще слишкомъ многое не опредѣлилось, не выяснилось во всѣхъ своихъ послѣдствіяхъ. При Гумбертѣ I, преемникѣ скончавшагося въ 1878 году Виктора-Эммануила, особенно при его первомъ министрѣ Криспи (1887—1895), Италия увлеклась идеей создать себѣ (ни къ чему ей не нужную) колоніальную имперію въ восточной Африкѣ, что и повело за собою пораженіе въ битвѣ съ абессинцами при Адуѣ; при Криспи же былъ заключенъ трайственный союзъ съ Австріей и Германіей, обусловившій (также иенужное Италии) развитіе милитаризма и впутавшій страну въ разорительную таможенную войну съ Франціей. Всѣ эти авантюры совсѣмъ разорили итальянскую казну, — и въ настоящее время, при третьемъ королѣ объединенного королевства (Гумбертъ былъ убитъ анархистомъ въ 1900 г.) Италия далеко еще не избавилась отъ экономического и финансового кризиса. Сепаративныхъ стремленій не возникало нигдѣ; объединеніе оказалось, дѣйствительно, желаннымъ моральнымъ сокровищемъ для націи, но соціалъ-демократическая оппозиція обнаруживается все| болѣе и болѣе экстенсивной силы; нищета населенія, задолженность, многіе годы неудачной экономической политики, репрессіи при усмиреніи рабочихъ волненій, — все это даетъ почву и пищу для недовольства... Клерикалы въ Италии безсильны по двумъ причинамъ: съ одной стороны они не играютъ никакой роли въ парламентѣ, куда папы (и Пій IX, и Левъ XIII) воспрещаютъ имъ входить (въ знакъ протеста противъ всѣхъ учрежденій объединенной Италии); съ другой стороны, — для открытаго восстания они безмѣрно слабы, и даже не мечтаютъ о немъ. Такъ и очутились они за бортомъ политической жизни. Впрочемъ, Левъ XIII обнаруживалъ, безспорно, болѣе миролюбивыя наклонности по отношенію къ итальянскому королевству, нежели его предшественникъ, хотя продолжаетъ именовать себя „ватиканскимъ узникомъ“. Маццини, Гарибалльди, много другихъ выдающихся людей изъ поколѣнія, сошли со сцены, еще не увидѣвшіи той массы соціальныхъ золъ, какія угнетаютъ современную Италию, но республиканская партія на полуостровѣ уже не возро-

ждалась (какъ одинъ изъ ингредіентовъ республиканизмъ входитъ въ *credo соціалъ-демократії*); широко-либеральная конституція приближаетъ Италію къ республиканскому типу государствъ, и оппозиції специально анти-монархической въ Италіи неѣтъ. Но соціалъ-демократія захватываетъ весьма широкіе круги населенія своею пропагандою, и это уже начинаетъ сказываться въ парламентской жизни. Что касается до иностранной политики, то тройственный союзъ, затѣя Криспіи, не принесшая странѣ ровно ничего, кроме разореній, бѣдствій и абессинской войны,—все болѣе и болѣе теряетъ популярность. (Самъ Криспіи давно эту популярность потерялъ, послѣ пораженія итальянцевъ при Адуѣ и ряда банковыхъ скандаловъ, маленькихъ „панамъ“, въ которыхъ онъ былъ весьма недвусмысленно замѣшанъ). Послѣ насильственной смерти Гумберта и вступленія на престолъ нынѣшняго короля Виктора Эммануила III тройственный союзъ считается въ Италіи сильно надломленнымъ. Впрочемъ, дѣйствительно ли для этой комбинаціи сочтены, — сказать, пока, трудно.

Важнѣйшія нособія для болѣе подробнаго ознакомленія съ исторіей Италіи XIV—XIX вв.

- 1) Zeller, *Histoire d' Italie* (Paris, мн. изданий).
- 2) Cantu, *Storia degli Italiani* (6 т. 1854 г.). Есть прекрасное французское издание. Весьма интересна и почти незамѣнна для XIV—XVII столѣтій.
- 3) Cesare Balbo, *Storia d'Italia* (очень хороший компендіумъ).
- 4) Sismondi, послѣдніе 6 томовъ его *Histoire des républiques italiennes* (лучшее изданіе иллюстрированное, Paris, 1844).
- 5) Gregorovius, послѣдніе (6, 7, 8) томы *Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter* (Stuttgart, 1891—93).
- 6) Guicciardini, *Istoria d'Italia* (болѣе интересна, какъ первоисточникъ. См. о Гвиччіардини въ текстѣ).
- 7) Reuchlin, *Geschichte Italiens von der Gründung der*

regierenden Dynastien bis auf die Gegenwart (написано въ разгарѣ объединительного движения Leipzig. 1859 г.).

8) Botta, *Storia d'Italia dal 1490 al 1814* (Paris 1832).
Огромное изданіе, впервые познакомившее большую публику Европы съ исторіей Италии.

9) Burckhardt, *Die Kultur der Renaissance in Italien*. Классический трудъ по исторіи Возрожденія XIV—XV вв.

10) Bartoli, *Storia della letteratura italiana* (1878—89).

11) Новѣйшая и лучшая исторія Италии выходитъ подъ редакціей Villari, съ начала 90-хъ гг. въ Римѣ и Флоренціи.

12) Ginguené, *Histoire litteraire d'Italie* (Paris, съ 1811 г.).
Старая, но интересная и далеко не во всѣхъ частяхъ своихъ устарѣвшая работа.

13) Roux, *Histoire de la litterature contemporaine en Italie*. Paris 1883 г., въ 3-хъ томахъ. Важна для характеристики политическихъ тенденцій въ XIX вѣкѣ въ Италии, особенно, до объединенія.

14) Ruth, *Geschichte Italiens* (1867). Полная и точная характеристика Италии въ Меттерниховскую эпоху.

15) Belvigliani, *Storia d'Italia del 1804 al 1866*. Можетъ замѣнить книгу Ruth'a, тѣмъ болѣе, что менѣе сухо написана.

16) Для исторіи „Молодой Италии“ Маццини и т. п. Sirao, *Storia delle rivoluzioni d'Italia del 1846 al 1866*. (Mil. 1867).

17) Tivaroni, *Italia durante il dominio austriaco*. 1892.

18) La Farina, *Storia d'Italia del 1815—1850*. (Mil. 1864).

19) Лучшая исторія объединенія: Bolton King, *A History of the Italian Unity* (Lond. 1900, есть на русскомъ языкѣ, пока лишь 1-й т.; всего вышло 2 тома).

20) Chiala, *Storia d'Italia del 1858 al 1892* (Torino 1892).

21) Эли Соренъ, Исторія Италии въ XIX столѣтіи, съ прекраснымъ дополнительнымъ очеркомъ В. В. Водовозова объ Италии при Гумбертѣ и послѣднихъ годахъ Виктора-Эммануила. Спб. 1899.

22) Блестящая характеристика итальянской эмиграціи (объ Орсини, Маццини и т. д.) см. у Герцена, въ „Быломъ и думахъ“

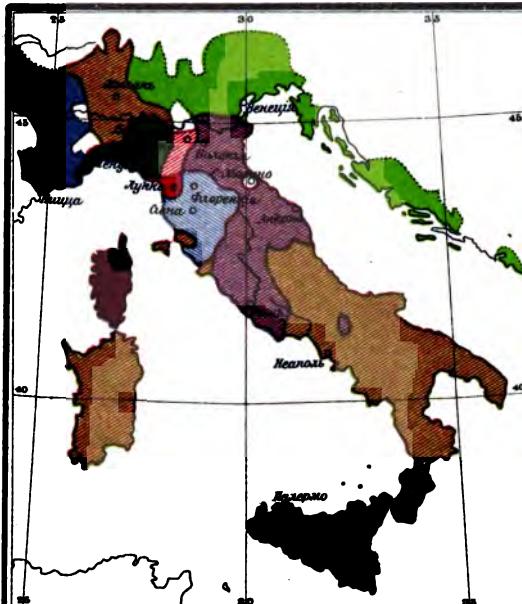
1

For the first time, the results of the present study have shown that the *in vitro* growth of *Candida albicans* is inhibited by the presence of *Leptospiral* LPS. The mechanism of this inhibition is not clear at present.

С. С. Чайковъ об
личилъ И. Карлова.

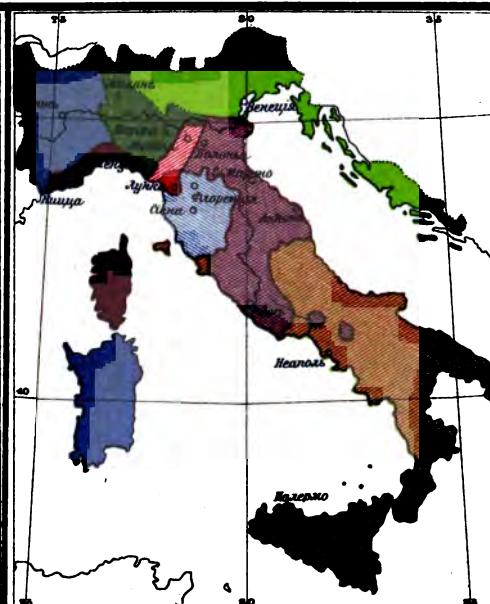

Карты Италии въ новое время.

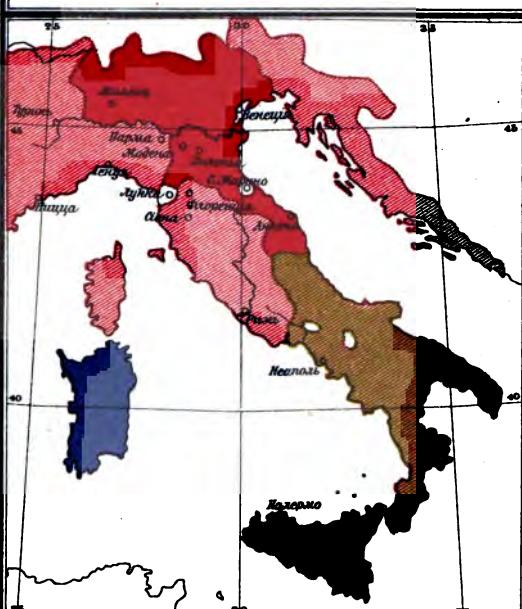
I. Италия въ серединѣ XVI вѣка.

■ Габсбургскія владнія (Неаполь, Сицилія, Сардинія и Милан).	■ Ломбардія.	■ Венеці.
■ Савой.	■ Венеция.	■ Генуя.
■ Парма.	■ Модена.	■ Модена.
■ Тоскана.	■ Лукка.	■ Лукка.
	■ Папская Область.	■ Папская Область.

II. Италия въ серединѣ XVIII вѣка

■ Сардинія.	■ Ломбардія.	■ Венеці.
■ Генуя.	■ Модена.	■ Лукка.
■ Тоскана.	■ Папская Область.	■ Королевство Обѣихъ Сицилій.

III. Италия въ концѣ наполеоновской эпохи.

- Территорія Французской Имперіи.
- Королевство Италия.
- Королевство Неаполь.
- Королевство Сардинія.
- Королевство Сицилія.

IV. Италия въ 1815—1870 гг.

■ Сардинія.	■ Савой и Ница.
■ Ломбардо-Венеціанское королевство.	■ Модена.
■ Парма.	■ Тоскана съ Луккой.
■ Кор. Обѣихъ Сицилій.	■ Папская Область.
■ Граница Итальянской кор. въ 1861 г.	

